

Лайза Дженова

Навеки
Элис

Annotation

Роман о битве, которую ведет женщина с тяжелой болезнью, — битве за память, мысли, воспоминания, за своих любимых и близких. Но это внешняя сторона книги. Внутренний смысл романа в том, как, несмотря на сложные обстоятельства, оставаться верным себе, понимать, что каждый прожитый день несет с собой новые возможности для жизни и для любви. Главное достоинство романа Лайзы Дженовы — он написан не с позиций стороннего наблюдателя, это взгляд изнутри проблемы, что нечасто встретишь в современной литературе. И как подтверждение — высшие ступени рейтинга New York Times и премия Шарлотты Бронте.

- [Лайза Дженова](#)
  -
  - [Эпилог](#)
  - [Интервью с Лайкой Дженовой](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)

- [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
-

Лайза Дженова

Навеки Элис

Памяти Энджи
Элене

Еще тогда, более года назад, в ее голове задыхались нейроны — их предсмертных криков она не слышала, хоть они и раздавались совсем недалеко от ее ушей. Кто-то возьмется объяснить: недуг этот столь коварен, что сами нейроны и дали толчок роковым событиям, неуклонно разрушая самое себя. Было это молекулярным убийством или клеточным самоубийством — не так уж важно. В любом случае они не смогли бы предупредить ее о своей гибели.

Сентябрь 2003 года

Элис сидела за своим столом в спальне, а на первом этаже метался из комнаты в комнату Джон, и его беготня не давала ей сосредоточиться. Прежде чем улететь, Элис должна была закончить экспертную оценку статьи для «Джорнал оф когнитив психолоджи». Она только что в третий раз прочитала предложение, но так и не поняла его смысла. Будильник — Элис знала, что он спешит минут на десять, — показывал 7.30. Судя по тому, сколько было времени, и по усиливающемуся шуму на первом этаже, Джону пора уходить, но он не может вспомнить, куда положил какую-то вещь, и до сих пор ее не нашел. Глядя на цифры на будильнике, Элис постукивала красным карандашом по нижней губе и готовилась услышать неизбежное.

— Эли!

Она бросила карандаш на стол и вздохнула. Спустившись вниз, Элис обнаружила мужа в гостиной, он стоял на коленях возле дивана и шарил под подушками.

— Ключи? — спросила она.

— Очки. Только, пожалуйста, не читай мне нотаций, я опаздываю.

Элис проследила за его взглядом до каминной полки, где хваленые антикварные часы «Уолтем» показывали 8.00. Когда-то она

искренне верила тому, что они показывают, но со временем стала полагаться только на те часы, что носила на руке. Как и следовало ожидать, в кухне она вернулась назад во времени, так как часы на микроволновке настаивали, что еще только 6.52.

Элис окинула взглядом гладкую, ничем не заставленную гранитную столешницу — там, рядом с вазой, заваленной нераспечатанными письмами, они и лежали. Ничем не прикрытые, прямо на виду. Как он мог, такой умный, такой образованный, не заметить то, что лежит у него под носом?

Конечно, у многих ее вещей тоже была дурная привычка прятаться от хозяйки в самых странных местах. Но Элис не признавалась в этом мужу и никогда не привлекала его к поискам. Буквально на днях Джону повезло: он не знал, что она все утро судорожно искала сначала дома, а потом в офисе зарядное устройство от своего наладонника «блэкберри». В конце концов она сдалась, пошла в магазин и купила новую зарядку, а потом обнаружила, что потерянная торчит в розетке возле кровати, то есть там, где ее и следовало искать в первую очередь. Наверное, такие случаи можно было объяснить тем, что они оба привыкли делать сразу несколько дел, будучи очень занятыми людьми. И с годами не становились моложе.

Джон стоял в дверях и смотрел не на Элис, а на свои очки, которые она держала в руке.

— В следующий раз, когда будешь искать, попробуй притвориться женщиной, — посоветовала Элис.

— Надену какую-нибудь из твоих юбок. Эли, пожалуйста, я действительно опаздываю.

— Микроволновка утверждает, что у тебя еще куча времени, — заметила Элис, передавая ему очки.

— Спасибо.

Джон схватил их, как эстафетную палочку, и устремился к парадной двери.

Элис пошла следом.

— Ты будешь дома в субботу, когда я вернусь? — спросила она его спину, удаляющуюся по коридору.

— Не знаю, в субботу в лаборатории работы будет по горло.

Он торопливо собирал со стола в прихожей портфель, телефон и ключи.

— Удачно тебе съездить. Поцелуй за меня Лидию и постарайся с ней не ссориться.

Элис мельком увидела их отражение в зеркале: высокий, хорошо сложенный мужчина, шатен с проседью, в очках; миниатюрная женщина с вьющимися волосами, скрестившая руки на груди. Оба готовы броситься, как в омут, в привычную перепалку. Элис скрипнула зубами и решила воздержаться от прыжка.

— В последнее время мы почти не видимся. Пожалуйста, постарайся быть дома, когда я приеду, хорошо? — попросила она.

— Да, знаю, я постараюсь.

Он поцеловал ее и, несмотря на то что уже очень спешил, на какой-то едва уловимый миг продлил поцелуй. Если бы Элис не знала его так хорошо, она могла бы добавить романтики моменту. Замереть на пороге и представить, что этим поцелуем он хотел сказать: «Люблю тебя и буду скучать».

Но, наблюдая, как торопливо он идет по улице, удаляясь от дома, она прекрасно понимала, что он только что сказал: «Я тебя люблю, но, пожалуйста, не психуй, если в субботу не застанешь меня дома».

Раньше каждое утро они шли до парка Гарвард-Ярд вместе. Работать в одной миле от дома и в одном университете с мужем — уже счастье, но больше всего Элис ценила эту дорогу на работу. Они всегда делали остановку в кафе «У Джерри» — черный кофе для Джона, чай с лимоном (холодный или горячий в зависимости от времени года) для нее — и шли дальше к Гарвард-Ярду. Разговаривали о том, над чем сейчас работают, о группах, факультетах, студентах и строили планы на вечер. Первое время, когда Элис и Джон только поженились, они даже держались за руки. Она наслаждалась этой близостью во время каждой утренней прогулки. Но после целого дня напряженной работы, когда ради заветной цели приходилось решать множество повседневных задач, они становились измотанными и раздраженными.

Правда, с недавних пор Джон и Элис стали уходить на работу в Гарвард каждый сам по себе. Все лето Элис провела на чемоданах из-за конференций по психологии в Риме, Нью-Орлеане, Майами и необходимости присутствовать на защите диссертаций в Принстоне. Прошлой весной клеточные культуры, которыми занимался Джон, каждое утро требовали «прополаскивания». Он не мог доверить эту процедуру ни одному из студентов, поэтому делал все сам. Элис не

могла припомнить, как и почему случилось, что они почти перестали видаться, но всякий раз причины казались ей очевидными, и ее не пугало то, что находились они постоянно.

Элис вернулась к работе над статьей. Она по-прежнему не могла сосредоточиться, на этот раз из-за несостоявшейся схватки с Джоном по поводу их младшей дочери Лидии. Неужели хоть раз встать на ее сторону для него смерти подобно? Конец статьи, несмотря на ее обычное стремление к совершенству, Элис проработала довольно небрежно. Но из-за нехватки времени и невозможности сосредоточиться иначе и быть не могло. Элис заклеила конверт, куда вложила свои комментарии и поправки, испытывая при этом угрызения совести: она вполне могла пропустить ошибку в построении статьи или неправильно употребленный термин. Это все Джон, он помешал ей работать.

Потом она заново упаковала чемодан, который и не был толком распакован после последней поездки. В ближайшие месяцы Элис рассчитывала реже уезжать из дома. В ее расписании на осенний семестр было всего несколько приглашений приехать с лекциями, и почти все она запланировала на пятницу, свободный от преподавания день. Пятница как раз завтра. В качестве приглашенного преподавателя она начнет вести коллоквиумы по когнитивной психологии в Стэнфорде. А потом повидается с Лидией. И постарается с ней не поссориться, впрочем, это трудно обещать.

Стэнфордский Кордура-Холл Элис нашла быстро: он находится на углу Кампус-драйв и Панама-драйв. Для Элис, которая привыкла к пейзажам Восточного побережья, это здание с белыми оштукатуренными стенами и красной черепичной крышей, сочная зелень вокруг ассоциировались скорее с курортом на Карибах, чем с университетскими корпусами. Приехала она довольно рано, но, прикинув, что еще успеет посидеть в пустой аудитории и просмотреть подготовленную речь, поспешила войти в здание.

Элис ждал сюрприз — она оказалась в гуще людей, столпившихся у буфета и набрасывающихся на еду, как чайки на городском пляже. Элис не успела незаметно проскользнуть в аудиторию — прямо перед ней возник Джош, бывший ее однокурсник по Гарварду,

самовлюбленный осел. Он стоял на пути Элис, словно приготовившись к схватке.

— Это все в мою честь? — игриво поинтересовалась она.

— Да нет, у нас такое каждый день. Сегодня — в честь одного из преподавателей, его вчера зачислили в штат. Ну а тебя Гарвард балует?

— Более или менее.

— Не могу поверить, что после стольких лет ты все еще там работаешь. Когда тебе там наконец надоест, перебирайся к нам.

— Как надумаю, дам знать. А у тебя как дела?

— Лучше не бывает. Загляни после лекции в мой офис. Оценишь результаты наших последних исследований. У тебя голова закружится.

Элис очень обрадовалась, что у нее есть уважительная причина для отказа.

— Извини, но не смогу, должна успеть на рейс в Лос-Анджелес, — сказала она.

— Очень жаль. В последний раз мы, кажется, виделись на конференции по психоэкономике. К несчастью, я тогда пропустил твою презентацию.

— Что ж, сегодня у тебя будет возможность услышать часть из нее.

— Ха! Прокручиваешь по второму разу?

Элис не успела ответить, ее выручил Гордон Миллер, заведующий кафедрой и новое светило по совместительству: он неожиданно налетел на них и попросил Джоша помочь разнести шампанское. Как и в Гарварде, на кафедре психологии в Стэнфорде существовала традиция поднимать бокал шампанского в честь преподавателя, который достиг желанной ступени в своей карьере и получил бессрочный контракт. Обычно об очередном продвижении профессора по карьерной лестнице не слишком трубят, но бессрочный контракт того стоит.

Когда в зале не осталось ни одного человека без бокала с шампанским, Гордон поднялся на кафедру и постучал по микрофону.

— Могу я попросить минуту вашего внимания? — сказал он.

В притихшей аудитории, прежде чем Гордон продолжил, раздался слишком громкий отрывистый смех Джоша.

— Сегодня мы поздравляем Марка с получением постоянной должности. Уверен, сейчас он глубоко взволнован. Этот бокал я

поднимаю за достижения, которые ждут его впереди. За Марка!

— За Марка!

Элис чокнулась с теми, кто был рядом, и в ту же минуту все вернулись к своим прежним занятиям — еде, алкоголю и разговорам. Когда с подносов смели последние закуски и опустошили последнюю бутылку, Гордон снова взял слово.

— Если все сядут, мы сможем начать.

Он подождал, пока около восьмидесяти человек сели и воцарилась тишина.

— Сегодня я имею честь представить вам нашего первого приглашенного лектора в этом году. Доктор Элис Хауленд — ведущий профессор психологии Гарвардского университета, представляющий школу Уильяма Джеймса. За свою более чем двадцатипятилетнюю безупречную карьеру она генерировала множество передовых идей в психолингвистике. Доктор Элис Хауленд является первооткрывателем в интегрированных и междисциплинарных подходах к изучению механизмов языка. Сегодня нам посчастливится услышать ее лекцию о смысловой и нервной организации языка.

Элис заняла место Гордона и оглядела аудиторию, которая, в свою очередь, разглядывала ее. Ожидая, пока стихнут аплодисменты, она вспомнила статистические данные, согласно которым люди боятся публичных выступлений больше смерти. А она любила выступать перед аудиторией. Ей доставляли радость контакт со слушателями в процессе обучения, изложение материала, возможность увлечь аудиторию, втянуть в дискуссию. И еще она любила ощущать выброс адреналина. Чем выше были ставки, чем искушеннее или враждебнее оказывалась аудитория, тем больше Элис волновал подобный опыт. Джон был превосходным преподавателем, но выступления перед аудиторией были для него скорее мучением. Он восхищался тем энтузиазмом, который испытывала Элис, готовясь к лекциям. Конечно, публичных выступлений он боялся меньше, чем смерти, но больше, чем пауков или змей.

— Благодарю, Гордон. Сегодня я собираюсь поговорить о ментальных процессах, которые лежат в основе овладения языком, его организации и использования.

Элис прочитала бесконечное количество лекций на эту тему, однако не стала бы называть это «прокруткой по второму разу». В

основе лекции лежали лингвистические принципы, многие открыла она сама и годами пользовалась одним и тем же набором слайдов, но не стыдилась этого и не считала, что ее можно упрекнуть в лени, наоборот, гордилась тем, что ее открытия выдержали испытание временем. Лекции и статьи Элис давали импульс дальнейшим исследованиям. К тому же она сама принимала в них участие.

Элис не нужно было заглядывать в свои записи, она говорила легко и свободно. И вдруг, где-то между сороковой и сорок пятой минутами лекции, вдруг забуксовала.

— Эти данные показывают, что неправильные глаголы требуют доступа к ментальному...

Она просто не могла найти нужное слово. Смысл того, что надо сказать, Элис не потеряла, но слово от нее ускользнуло. Она не знала, с какой буквы оно начинается и сколько в нем слогов. Это слово не вертелось у нее на языке.

Может, все дело в шампанском. Обычно Элис никогда не употребляла алкоголь перед выступлением. Даже если лекция проходила в самой непринужденной обстановке и Элис знала назубок то, о чем собиралась говорить, она предпочитала сохранять ясность ума, прежде всего для успешного окончания лекции. В конце ее выступления могла возникнуть дискуссия, и Элис всегда была готова ответить на вопросы. Но в этот раз она не хотела никого обидеть, а схлестнувшись с Джошем, выпила чуть больше, чем следовало.

А может, это было следствием перелета. Пока ее разум отыскивал в собственных закоулках нужное слово и докапывался до причины его потери, сердце Элис билось все глуше, кровь прилила к лицу. Прежде она никогда не сбивалась на публике. Но и не паниковала во время лекции, а ведь ей приходилось выступать и перед более многочисленной и агрессивно настроенной аудиторией, чем эта. Элис приказала себе дышать ровно, забыть обо всем и двигаться дальше.

Она подставила вместо потерянного слова неопределенное и неуместное «вещь» и перешла к следующему слайду. Возникшая пауза показалась ей вечностью, но, бросив взгляд на слушателей, она не заметила ни одного встревоженного или раздраженного лица. Потом она увидела Джоша, он перешептывался с сидящей рядом женщиной, и по его лицу блуждала улыбка.

Самолет шел на посадку в международном аэропорту Лос-Анджелеса, когда нужное слово наконец вернулось.

«Лексикон».

Лидия жила в Лос-Анджелесе уже три года. Если бы она сразу после средней школы пошла в колледж, то этой весной уже получила бы диплом. И тогда Элис очень бы ею гордилась. Лидия, как казалось Элис, была умнее двух ее старших детей, а оба они поступили в колледж. Один в юридический, второй в медицинский.

Вместо этого Лидия предпочла отправиться в Европу. Элис надеялась, что дочь вернется домой, определившись, чем хочет заниматься и в каком колледже получать знания. Но Лидия не оправдала ее надежд. Вернувшись, она сообщила родителям, что влюбилась, пока жила в Дублине и училась актерскому ремеслу. И сразу же отправилась в Лос-Анджелес.

Элис чуть с ума не сошла. Особенно невыносимо было то, что она внесла свой вклад в то, что произошло. Дело в том, что Лидия была младшей из трех детей, родители которых работали и постоянно были в разъездах. Она всегда хорошо училась, и Элис с Джоном уделяли ей не так уж много внимания и мало в чем ограничивали. Лидия, в отличие от большинства детей ее возраста, могла сама принимать решения, никто не подвергал ее тотальному контролю. Карьера родителей служила блестящим примером того, что можно достичь многого, если ставить перед собой высокие цели и делать все возможное для их достижения. Лидия понимала, что мама права, когда говорит, как важно закончить колледж, но у нее хватило силы воли и смелости отказаться от этой идеи.

К тому же Лидия была не одинока. Самый горячий спор между Элис и Джоном состоялся после того, как он опустил свои два цента в копилку Лидии.

— Я считаю, что ничего плохого в этом нет. К тому же она всегда сможет поступить в колледж, если, конечно, захочет.

Это прозвучало примерно так.

Элис уточнила адрес в своем «блэкберри» и позвонила в квартиру номер семь, подождала, приготовилась еще раз нажать на кнопку звонка, и тут Лидия открыла дверь.

— Мам, я не ждала тебя так рано, — сказала она.

Элис сверилась с часами.

— Я прибыла минута в минуту.
— Ты говорила, самолет прилетает в восемь.
— Я говорила — в пять.
— У меня в ежедневнике записано: восемь.
— Лидия, сейчас пять сорок пять, и я здесь, стою перед тобой.
Лидия заметалась, как белка на шоссе.
— Извини, входи.

Перед тем как обняться, они помедлили, словно разучивали новый танец и еще не были уверены, каким должен быть первый шаг и кто поведет. Или, наоборот, они так давно не исполняли этот танец, что забыли, как это делается.

Элис почувствовала под блузкой Лидии ребра и позвоночник, дочь сильно похудела и весила футов на десять меньше, чем тогда, когда они виделись последний раз. Элис хотелось верить, что это результат активного образа жизни, а не сознательного недоедания. Блондинка пять футов и шесть дюймов ростом, на три дюйма выше Элис, Лидия выделялась среди невысоких женщин итальянского и азиатского типа, которых в Кембридже было большинство, но на кастингах в Лос-Анджелесе таких, как она, наверняка пруд пруди.

— Я заказала столик на девять. Подожди здесь, я быстро.

Элис вытянула шею и из коридора обследовала кухню и гостиную. Мебель была, по-видимому, куплена на распродажах домашних вещей — оранжевый секционный диван, старинный кофейный столик и кухонный гарнитур в духе «Семейки Брэди». [1] Белые стены абсолютно голые, если не считать постер с Марлоном Брандо над диваном. И стойкий запах «Уиндекса», [2] как будто Лидия перед самым приездом Элис делала уборку. Вообще-то в квартире было слишком уж прибрано. Ни разбросанных по комнате DVD- или CD-дисков, на кофейном столике ни книг, ни журналов, никаких наклеек на холодильнике, ни одного намека на эстетические пристрастия Лидии. В этой квартире мог жить кто угодно. А потом Элис заметила слева у входной двери груды мужской обуви.

— Расскажи, с кем ты снимаешь квартиру, — попросила она, когда Лидия вернулась из своей комнаты с мобильным телефоном в руке.

— Они на работе.
— А что за работа?

— Один работает за стойкой, второй доставляет еду.

— Я думала, они оба актеры.

— Так и есть.

— Понимаю. Напомни, как их зовут?

— Дуг и Малькольм.

Лидия на секунду вспыхнула, когда произнесла имя Малькольма, но Элис заметила. Лидия это поняла и быстро отвела глаза.

— Что мы стоим? В ресторане сказали, что можно прийти пораньше, — сказала она.

— Отлично, только я сначала зайду в ванную.

Намыливая руки, Элис рассматривала то, что стояло на тумбочке рядом с раковиной: лосьон и увлажняющий крем «Неутрогена», мятная зубная паста «Томе оф мэйн», мужской дезодорант, коробка тампонов «Плейтекс». Она задумалась. Все лето у нее не было менструации. А в мае была? В следующем месяце ей исполнится пятьдесят, так что она не слишком волновалась по этому поводу. Приливов пока не наблюдалось, по ночам не бросало в пот, но ведь не все женщины испытывают подобное во время климакса.

Вытирая руки, она заметила рядом со средствами по уходу за волосами, которые явно принадлежали Лидии, упаковку презервативов «Тройан». Она решила побольше узнать об этих ее соседях по квартире. В особенности о Малькольме.

Они сели за столик в патио «Айви», модного ресторана в центре Лос-Анджелеса, и заказали эспрессо с мартини для Лидии и бокал мерло для Элис.

— Как продвигается папина статья в «Сайенс»? — поинтересовалась Лидия.

Должно быть, она недавно общалась с отцом. Элис последний раз слышала ее голос по телефону в День матери.

— Закончил и очень гордится своей работой.

— А как Анна и Том?

— Хорошо, очень заняты, много работают. Так как ты познакомилась с Дугом и Малькольмом?

— Как-то вечером они зашли в «Старбакс»,^[3] была как раз моя смена.

Подошел официант, они заказали ужин и напитки. Элис надеялась, что алкоголь снимет напряжение, которое висело в воздухе.

— Так как ты познакомилась с Дугом и Малькольмом? — спросила она.

— Я только что тебе сказала. Почему ты никогда не слушаешь, что я говорю? Они пришли в «Старбакс» и говорили о том, что неплохо бы найти соседа по квартире, а я как раз в это время работала.

— Я думала, ты работаешь официанткой в ресторане.

— Работаю. В «Старбаксе» в будние дни, а в ресторане по субботам.

— Похоже, на актерство у тебя времени почти не остается.

— Я сейчас нигде не занята, но хожу на мастер-классы и собираюсь на прослушивания.

— Что за мастер-классы?

— Там преподают метод Мейснера.

— А прослушивания?

— Телевидение и журналы.

Элис покрутила бокал с вином, сделала последний большой глоток и облизала губы.

— Лидия, а в целом какие у тебя планы?

— Я не планирую останавливаться на достигнутом, если ты об этом спрашиваешь.

Алкоголь возымел свое действие, но не то, на которое рассчитывала Элис, а наоборот: атмосфера начала накаляться, как всегда.

— Ты не можешь прожить так всю жизнь. Ты и в тридцать лет собираешься подавать кофе в «Старбаксе»?

— До тридцати мне еще целых восемь лет! Ты сама знаешь, что будешь делать через восемь лет?

— Да, знаю. В какой-то момент тебе не помешает стать платежеспособной, чтобы позволить себе такие вещи, как, например, медицинская страховка, кредит, пенсия...

— У меня есть медицинская страховка. И я могу начать зарабатывать как актриса. Многие люди так зарабатывают, знаешь, и гораздо больше, чем ты и папа, вместе взятые.

— Дело не только в деньгах.

— Тогда в чем? В том, что я не стала тобой?

— Говори тише.

— Не говори мне, что делать.

— Я не хочу, чтобы ты стала мной, Лидия. Я просто не хочу, чтобы в будущем у тебя не было выбора.

— Ты хочешь сделать выбор за меня.

— Нет.

— Я есть я, и это то, чем я хочу заниматься.

— Чем? Подавать в кофейне латте venti? Твое место в колледже. Эту часть жизни ты должна посвятить тому, чтобы научиться чему-нибудь.

— Но я учусь! Просто не сижу в какой-нибудь гарвардской аудитории и не извожу себя, пытаюсь получить «А» по политологии. Я пятнадцать часов в неделю занимаюсь в серьезных классах по актерскому мастерству. Сколько часов в неделю занимаются твои студенты, двенадцать?

— Это не одно и то же.

— А вот папа думает иначе. Он за них платит.

Элис вцепилась в подол юбки и поджала губы. То, что ей захотелось сказать, было предназначено не для Лидиных ушей.

— Ты даже ни разу не видела меня на сцене.

Джон видел. Прошлой зимой он летал в Лос-Анджелес, чтобы посмотреть на нее в какой-то постановке. Элис не смогла выкроить время, у нее была масса неотложных дел. Но сейчас, глядя в полные боли глаза Лидии, она не могла вспомнить, что это были за дела. Элис была совсем не против актерской карьеры, но считала, что стремление дочери стать актрисой и нежелание получить образование в какой-нибудь другой области граничит с безответственностью. Если сейчас она не поступит в колледж и не получит диплом, то чем будет заниматься, если затея с актерством не удастся?

Элис подумала о презервативах, которые видела в ванной комнате. Что, если Лидия забеременеет? Она боялась, что в один прекрасный день Лидия обнаружит, что ее жизнь — цепочка несбывшихся надежд. Она смотрела на дочь и думала о впустую растроченном потенциале и зря потерянном времени.

— Ты не становишься моложе, Лидия. Жизнь проходит слишком быстро.

— Согласна.

Принесли ужин, но ни Лидия, ни Элис не прикоснулись к приборам. Лидия промокнула глаза льняной салфеткой с ручной вышивкой. Их разговоры всегда заканчивались ссорой, для Элис это было все равно что биться лбом о бетонную стену. Эти стычки не могли быть продуктивными, они умножали потери и, кроме боли, ничего не приносили. Ей хотелось, чтобы Лидия поняла, что она ее любит и желает только хорошего. Хотелось потянуться через стол и обнять дочь, но мешали все эти тарелки, бокалы... и прожитые врозь годы.

Внезапная суэта у соседнего столика заставила Элис и Лидию отвлечься друг от друга. Блеснули вспышками фотокамеры, посетители и персонал ресторана смотрели на женщину, которая была чем-то похожа на Лидию.

— Кто это? — спросила Элис.

— Мам! — сказала Лидия с интонацией, которой она владела с тринадцати лет, — смесь смущения и чувства превосходства. — Это Дженнифер Энистон.

Они ужинали и говорили на безобидные темы вроде еды и погоды. Элис хотелось что-нибудь узнать об отношениях Лидии и Малькольма, но она боялась затеять очередную ссору. Она заплатила по счету, и они вышли из ресторана, сытые, но неудовлетворенные.

— Мэм, простите!

Официант догнал их уже на тротуаре.

— Вы оставили это.

Элис опешила, не понимая, как у него оказался ее «блэкберри». В ресторане она не проверяла электронную почту и не заглядывала в календарь. Элис порылась в сумочке, «блэкберри» в ней не было. Должно быть, она выложила его, когда доставала бумажник, чтобы расплатиться.

— Спасибо.

Лидия с недоумением посмотрела на мать, словно хотела сказать о чем-то не связанном с погодой или кулинарией, но передумала. В ее квартиру они возвращались в молчании.

— Джон?

Элис остановилась в прихожей и ждала, не выпуская ручку чемодана. Прямо перед ней, на полу, на груде нераспечатанной почты

лежал «Гарвард мэгэзин».

В гостиной тикали часы, на кухне гудел холодильник. За спиной Элис остался теплый летний день, а в сумрачном, словно опустевшем доме воздух был холодный и спертый.

Она собрала с пола почту и прошла в кухню, а за ней, как преданный щенок или котенок, следовал чемодан на колесиках. Ее рейс задержали, и, даже если верить микроволновке, она вернулась домой позже, чем планировала. У него для работы был целый день. Целая суббота.

Красная лампочка голосовой почты на автоответчике не мигала. Элис проверила холодильник. Ни одной записки на дверце. Ничего.

Так и не отпустив ручку чемодана, она стояла в кухне и смотрела на убегающие вперед часы микроволновки. Огорченный, но великодушный голос в ее мозгу перешел в шепот, а более приземленный становился все громче. Она подумала было позвонить мужу, но второй голос отверг эту идею и не принял никаких оправданий. Она подумала, что, может, и не стоит беспокоиться, но голос нарастал где-то внутри, будто эхом отдаваясь в животе, вибрируя в кончиках пальцев, так что на него трудно было не обращать внимания.

Почему это ее так беспокоит? Он проводит эксперимент и не может бросить все и пойти домой. Она сама бесчисленное количество раз была в такой ситуации. Такая у них работа. Они просто такие. Внутренний голос назвал ее идиоткой.

Элис заметила у задней двери свои кроссовки. Пробежка может пойти на пользу. Это то, что ей сейчас нужно.

Когда получалось, Элис бегала каждый день. Уже много лет пробежка была для нее такой же необходимостью, как еда или сон. Она могла выйти на пробежку среди ночи или в метель. Но последние несколько месяцев пренебрегала этой потребностью. Была слишком занята. Зашнуровывая кроссовки, Элис сказала себе, что не взяла их с собой в Калифорнию, потому что знала, что там времени на пробежки у нее не будет. На самом деле она просто забыла положить их в чемодан.

Стартовав от своего дома на Поплар-стрит, Элис всегда следовала по одному и тому же маршруту: по Массачусетс-авеню через Гарвард-сквер до Мемориал-драйв, потом вдоль Чарлз-ривер к Гарвард-бридж,

а там через территорию Массачусетского технологического университета и обратно. Маршрут был проложен по кругу — немногим больше пяти миль, сорок пять минут. Она давно заразилась идеей принять участие в Бостонском марафоне, но каждый год, поразмыслив, приходила к выводу, что у нее нет времени на тренировки для забега на такую дистанцию. Может быть, когда-нибудь она сможет себе это позволить. Будучи в отличной физической форме для женщины ее возраста, Элис не сомневалась, что и на шестом десятке будет неплохой бегуньей.

Первый отрезок ее пути — через Гарвард-сквер — лежал сквозь толпы людей на тротуаре и пешеходные переходы. Все ждали субботнего вечера: толпились у светофоров в ожидании зеленого сигнала и у ресторанов — в ожидании освободившегося столика, выстраивались в очередь за билетами в кинотеатры, останавливали машины возле платных стоянок в надежде на свободное место, что было маловероятно. Первые десять минут, чтобы преодолеть все эти препятствия, Элис приходилось постоянно думать о том, что ее окружает. Но как только она пересекла Мемориал-драйв и оказалась на набережной Чарлз-ривер, все изменилось: теперь бежать стало проще. Безоблачный вечер привлек на Чарлз-ривер множество народа, но все же на поросшей травой набережной было не так тесно, как на улицах Кембриджа. Непрерывный поток бегунов, собак и их хозяев, любителей покататься на роликах, велосипедистов, праздно шатающихся зевак и женщин, толкающих перед собой джоггеры^[4] как опытный водитель на хорошо знакомой дороге... Теперь все это лишь отчасти занимало Элис. Она бежала вдоль реки и просто слушала, как кроссовки в синкопированном ритме с ее дыханием шлепают по мостовой. Она не проигрывала в уме свою ссору с Лидией, не слышала, как урчит у нее в желудке, не думала о Джоне. Она просто бежала. Как было заведено, Элис перестала бежать, как только оказалась на граничащих с Мемориал-драйв аккуратных газонах парка Джона Фицджеральда Кеннеди. В голове у нее прояснилось, мышцы приятно расслабились, и дальше она пошла пешком. Парк соединялся с Гарвард-сквер чудесной аллеей со скамейками по обе стороны, она шла между отелем «Чарлз» и Институтом государственного управления имени Кеннеди.

Миновав аллею, Элис остановилась на пересечении Элиот-стрит и Браттл-стрит и уже собралась перейти дорогу, как вдруг какая-то женщина с пугающей решительностью схватила ее за руку.

— Думала ли ты сегодня о Царствии Небесном?

Женщина не отрываясь смотрела на Элис, ее длинные волосы и по цвету, и по состоянию напоминали мочалку фирмы «Брийо», а на груди болтался плакат со сделанной от руки надписью: «Америка, покайся, вернись ко Христу». На Гарвард-сквер всегда кто-нибудь агитировал за Господа, но никто еще никогда не обращался к Элис вот так, напрямую.

— Простите, — сказала она и, воспользовавшись тем, что как раз в эту минуту не было машин, перебежала на другую сторону улицы.

Элис хотела идти дальше, но вместо этого замерла как вкопанная. Она не понимала, где находится. Элис оглянулась. Женщина с мочалкой «Брийо» на голове устремилась по аллее за очередным грешником. Аллея, отель, магазины, странное пересечение улиц. Она осознавала, что стоит на Гарвард-сквер, но не знала, в какой стороне ее дом.

Элис сосредоточилась и попробовала сориентироваться. Отель, «Истерн маунтин спорте», «Диксон бразерс Гарвард», Маунт-Оберн-стрит. Она хорошо знала эти места: Гарвард-сквер был ее любимым местом больше двадцати пяти лет, но сейчас почему-то не могла понять, в какой стороне относительно всех этих ориентиров находится ее дом. Черно-белый знак T в круге прямо перед ней указывал на въезд в подземную красную линию для поездов и автобусов, но на площади было три таких знака, и она представления не имела, какой из них ей нужен.

Сердце заколотилось, Элис взмокла. Она сказала себе, что учащенный пульс и испарина — естественные и ожидаемые следствия пробежки. Но когда просто стоишь на тротуаре, это скорее похоже на панику.

Элис заставила себя пройти квартал, потом еще один, ей казалось, что ноги стали резиновыми и могут отказаться служить ей в любую минуту этого бесцельного блуждания. «Куп», «Кардаллос», магазины на углу, через дорогу — Центр гостей Кембриджа, а за ним Гарвард-Ярд. Элис сказала себе, что она в состоянии прочитать вывески и разобраться. Не помогло. Контекст отсутствовал.

Люди, машины, автобусы и самые разные непереносимые звуки обрушивались на нее, обтекали и уносились дальше. Элис закрыла глаза. Она слышала, как сердце гонит кровь по телу и пульс стучит в ушах.

— Пожалуйста, пусть это закончится, — прошептала она и открыла глаза.

Все вокруг со скоростью удара хлыста встало точно на свое место. «Куп», «Кардаллос», «Найнис корнер», Гарвард-Ярд. Элис не задумываясь поняла, что ей надо дойти до угла, повернуть налево и идти на запад по Массачусетс-авеню. Дышать стало легче: она знала дорогу домой. Но еще мгновение назад невероятным образом потерялась в миле от дома. Элис пошла как можно быстрее, только чтобы не бежать.

Она свернула на свою улицу — тихую трехполосную дорогу в жилом районе всего в трех кварталах от Массачусетс-авеню. В двух шагах от дома Элис почувствовала себя гораздо увереннее, но все же стопроцентного чувства защищенности не было. Не спуская глаз с двери своего дома, она шла вперед и обещала себе, что как только войдет в прихожую и увидит Джона, все страхи и тревоги, которые заполнили ее и грозили вырваться наружу, исчезнут. Если только Джон дома.

— Джон?

Он появился на пороге кухни: небритый, очки на всклоченной шевелюре, как и полагается «чокнутому профессору», в его «счастливой» серой футболке, с фруктовым мороженым в руке. Всю ночь провел на ногах. Как Элис и надеялась, все ее страхи пошли на убыль. Но с ними уходили уверенность в своих силах и оптимизм, и, ослабевшей и беззащитной, ей захотелось упасть в объятия мужа.

— Привет, а я-то думаю, куда ты подевалась. Как раз собирался оставить тебе записку на холодильнике. Как все прошло?

— Что именно?

— Стэнфорд.

— Ах, это... Хорошо.

— А как Лидия?

Ощущение, что тебя предали, обида на Лидию и досада на Джона за то, что его не оказалось дома, когда она вернулась, испарились после пробежки. Их сменил ужас — от того, что она непостижимым

образом потерялась в хорошо знакомом месте. Но теперь обиды снова вышли на первый план.

— Тебе лучше знать.

— Вы, девочки, поругались.

— Ты оплачиваешь ее актерские курсы? — спросила Элис обвиняющим тоном.

— Ох, — вздохнул он и облизал палочку от мороженого. — Послушай, мы можем поговорить об этом позже? Сейчас у меня просто нет времени.

— Найди время, Джон. Ты поддерживаешь ее в Лос-Анджелесе, даже не поставив меня в известность. Я возвращаюсь, а тебя нет дома и...

— И тебя не было дома, когда вернулся я. Как пробежка?

В его словах был здравый смысл. Если бы она его дождалась, позвонила ему, если бы не решила отправиться на пробежку, то этот час они провели бы вместе. Пришлось смириться.

— Отлично.

— Прости, я ждал сколько мог, но сейчас действительно должен идти. День выдался потрясающий, результаты просто блестящие, но мы еще не закончили, и я должен все проанализировать, до того как мы утром продолжим эксперимент. Я заскочил домой, только чтобы с тобой повидаться.

— Мне нужно поговорить с тобой об этом прямо сейчас.

— Эли, у нас есть разногласия по поводу Лидии — это не новость. Ведь это может подождать до моего возвращения?

— Нет.

— Хочешь пройтись со мной и поговорить по дороге?

— Я не собираюсь на работу, мне нужно побыть дома.

— Тебе нужно поговорить именно сейчас, тебе нужно побыть дома, ни с того ни с сего ты вдруг стала нуждающейся. С чего бы это?

Определение «нуждающаяся» задело Элис. Это означало: слабая, зависимая, с отклонениями. Как отец. Элис еще в детстве дала себе зарок не быть такой, как он.

— Я просто устала как собака.

— Вижу, тебе надо сбавить обороты.

— Это не то, что мне надо.

Джон подождал, пока она разовьет свою мысль, но пауза затянулась.

— Послушай, чем раньше я уйду, тем быстрее вернусь. Отдохни немного, я буду ближе к ночи.

Он поцеловал ее влажную от пота макушку и направился к выходу.

Элис стояла в прихожей, там, где он ее оставил, ей некому было выговориться, некому довериться, и вот теперь она испытала самый настоящий эмоциональный шок от того, что произошло с ней на Гарвард-сквер. Она опустилась на пол, прислонилась к холодной стене и стала смотреть на свои трясущиеся руки, как будто они принадлежали кому-то другому, стараясь выровнять дыхание, как обычно делала на пробежках.

После нескольких минут глубоких вдохов и выдохов она наконец успокоилась и смогла попытаться понять, что с ней случилось. Она вспомнила о «выпавшем» слове на выступлении в Стэнфорде, о пропущенных месячных. Элис встала, открыла свой лэптоп и набрала в поисковике «симптомы менопаузы».

Экран заполнил жуткий список: приливы, потливость по ночам, бессонница, тревожность, головокружение, неровный пульс, склонность к депрессии, раздражительность, перепады настроения, дезориентация в пространстве, растерянность, провалы в памяти.

Дезориентация, растерянность, провалы в памяти. В точку, в точку и еще раз в точку. Элис откинулась в кресле, провела рукой по черным вьющимся волосам и оглядела расставленные на полках книжного шкафа фотографии. Элис — выпускница Гарварда. Элис и Джон танцуют на собственной свадьбе. Семейные фотографии тех лет, когда дети были маленькими. Свадьба Анны. Она вернулась к списку в компьютере. Это просто естественный для любой женщины переход к следующему возрастному этапу. Миллионы женщин сталкиваются с этим каждый день. Никакой угрозы для жизни. Никаких отклонений от нормы.

Она написала себе записку: назначить время для консультации у врача. Возможно, ей следует пройти курс заместительной гормональной терапии. Элис в последний раз перечитала список симптомов. Раздражительность. Перепады настроения. В разговоре с

Джоном бикфордов шнур едва не догорел до конца. Все сходилось. Удовлетворенная Элис захлопнула лэптоп.

Еще какое-то время она сидела в кабинете, прислушиваясь к своему тихому дому и соседям, которые устроили барбекю, вдыхала запах гамбургеров на гриле. Почему-то ей больше не хотелось есть. Она запила водой таблетку мультивитамина, прочитала несколько статей в «Джорнал оф когнишн» и отправилась спать.

Где-то после полуночи наконец вернулся Джон. Кровать прогнулась под его весом, и это потревожило сон Элис, но только чуть-чуть. Она не пошевелилась, притворившись, что спит. Он не спал ночь, проработал весь день и наверняка был без сил. О Лидии можно поговорить и утром. И она извинится, что была такой обидчивой и неадекватной. Теплая рука Джона легла на ее бедро, он привлек Элис к себе. Ощущая его дыхание на затылке, она заснула. Она была в безопасности.

Октябрь 2003 года

— Это было сложно проглотить, — сказала Элис, открывая дверь в свой офис.

— Да уж, энчилады^[5] были громадные, — с улыбкой сказал Дэн у нее за спиной. Элис легонько стукнула его по руке блокнотом. Они только что высидели часовой ланч-семинар. Дэн, студент четвертого курса, абсолютно соответствовал стилю Джей Крю: худой, жилистый, с аккуратно подстриженными светлыми волосами и дерзкой улыбкой. Физически он был совсем не похож на Джона, но его чувство юмора и уверенность в себе часто напоминали Элис мужа, когда тот был студентом.

После ряда неудач диссертация Дэна наконец сдвинулась с мертвой точки, и Элис с радостью стала замечать, что он увлекся, и надеялась, что это увлечение перерастет в настоящую страсть. Когда результаты не заставляют себя ждать, исследовательская работа увлечет любого. Фокус в том, чтобы полюбить ее, когда результатов нет и ты не знаешь почему.

— Когда ты едешь в Атланту? — спросила Элис, пока они рылись в бумагах на ее столе в поисках диссертации Дэна.

— На следующей неделе.

— Вполне вероятно, что к этому времени ты ее представишь, она почти готова.

— Не могу поверить — я женюсь. Боже, какой я старый.

Элис нашла диссертацию и передала ее Дэну.

— Успокойся, никакой ты не старый, ты еще в самом начале пути.

Дэн присел к столу, стал листать свою работу и, замечая сделанные красной ручкой пометки на полях, всякий раз хмурился. Элис уделила особое внимание введению и дискуссионным частям диссертации. Она заполнила пропуски в тексте Дэна, создавая более детальное представление о том, каким образом его труд может быть использован в разных областях лингвистических исследований.

— А это что означает? — спросил Дэн, указывая Элис на ее неразборчивые каракули.

— Дифференциальные эффекты ограниченности против рассредоточенного внимания.

— На что ссылаться?

— Ох-ох, на что? — спросила себя Элис и зажмурилась в ожидании, когда имя первого автора и дата первой публикации всплывут в памяти. — Видишь, как это бывает, когда ты старая.

— Бросьте, вас старой не назовешь. Не волнуйтесь, я сам найду.

Самое тяжелое бремя для любого человека, сделавшего научную карьеру, — держать в памяти даты публикаций, детали экспериментов и имена их авторов. Элис часто изумляла своих студентов и постдоков, [\[6\]](#) с легкостью упоминая семь относящихся к тому или иному явлению работ, их авторов и годы публикаций. Большинство преподавателей на факультете обладали этим даром. На самом деле в их кругу даже существовала негласная конкуренция — чей мысленный каталог по их дисциплине объемнее и кто может им быстрее воспользоваться. Элис чаще других становилась обладательницей главного приза в этом состязании. — Нуе, МВВ, двухтысячный! — воскликнула она.

— Не перестаю удивляться, как вам это удается. Seriously, как вы держите в голове всю эту информацию?

Элис усмехнулась в ответ на его восхищение.

— Еще узнаешь, я же говорю — ты в самом начале пути.

Дэн пролистал статью до конца и перестал хмуриться.

— Хорошо, я все понял, так будет лучше. Огромное спасибо. Завтра принесу обратно!

И он выскочил из офиса Элис. Задача была выполнена, она сверилась со списком дел. Желтый листок был прилеплен к подвесному шкафу прямо над монитором у нее на столе.

Класс по когнитивизму V
Ланч-семинар V
Диссертация Дэна
Эрик
День рождения, ужин

Элис с удовлетворением отметила крестиком пункт «Диссертация Дэна».

«Эрик? Что это значит?» — задумалась она.

Эрик Уэллман возглавлял факультет психологии. Она собиралась ему что-то сказать, показать, спросить? У нее назначена с ним встреча? Элис сверилась с календарем. Одиннадцатое октября — ее день рождения. Никаких упоминаний об Эрике. Эрик. Прямо-таки загадка. Она просмотрела почту. Никаких сообщений от Эрика. Элис надеялась, что это может подождать. Раздраженная, но уверенная, что как-нибудь восстановит в памяти то, что связано с Эриком, она выбросила желтый стикер (уже четвертый за день) в корзину и оторвала следующий.

Эрик?
Позвонить доктору

Такие заминки с памятью случались все чаще, и это начинало раздражать Элис. Она откладывала звонок своему терапевту, потому что решила, что со временем это прекратится само собой. Еще она надеялась, что сможет, не привлекая внимания, разузнать об этом этапе жизни у кого-нибудь из знакомых и к доктору идти не придется. Однако все друзья и коллеги ее возраста были мужчинами. Элис вынуждена была признаться самой себе, что пришло время обратиться к врачу.

От кампуса до «Ипулэ» на Инмен-сквер Элис и Джон дошли пешком. Войдя внутрь, Элис сразу увидела у барной стойки свою старшую дочь Анну с ее мужем Чарли. Оба были в отличных синих

костюмах, на Чарли — солидный золотистый галстук, на Анне — нитка жемчуга. Оба уже года два работали в третьей по величине юридической фирме Массачусетса. Анна практиковала в области интеллектуальной собственности, Чарли занимался тяжбами.

По бокалу мартини в руке дочери и по тому, что грудь у нее не увеличилась в размерах, Элис определила, что Анна не беременна. Вот уже шесть месяцев, не делая из этого секрета, Анна безуспешно пыталась зачать ребенка. Как это обычно с ней бывало, чем труднее оказывалось достижение цели, тем больше она к ней стремилась. Элис советовала дочери подождать и не спешить перевернуть эту страницу жизни. Анне всего двадцать семь, она только в прошлом году вышла за Чарли и работала восемьдесят-девять часов в неделю. Но дочь аргументировала свое стремление родить тем, что каждая женщина-профессионал, задумываясь о ребенке, со временем приходит к выводу: подходящее время никогда не наступит.

Элис беспокоило, что рождение ребенка может повлиять на карьеру Анны. Ее собственный путь к бессрочному профессорскому контракту оказался нелегким не из-за того, что ее пугала все возрастающая ответственность или необходимый объем публикаций, а главным образом потому, что она была матерью троих детей. Тошнота, анемия и токсикоз, мучившие ее на протяжении в общей сложности двух с половиной лет беременности, само собой разумеется, отвлекали от работы и тормозили ее. А запросы трех маленьких человечков, появившихся в результате этих беременностей, отнимали столько времени и сил, что самые упертые и занудные руководители факультетов или студенты-отличники не шли с ними ни в какое сравнение.

Ей не раз приходилось с ужасом наблюдать, как скорость продвижения по карьерной лестнице женщин репродуктивного возраста замедлялась практически до нуля или они вообще сходили с дистанции. Наблюдать, как Джон, равный ей в профессии и по уровню интеллекта, мчится мимо нее к цели, тоже было жутковато. Элис часто задавалась вопросом: выдержала бы его карьера три эпизиотомии,^[7] кормление грудью, процесс приучения к горшку, помноженный на три, бесконечные до отупения песенки типа «Колесики автобуса крутятся и крутятся» днем и не менее бесконечные бессонные ночи? Элис в этом очень сомневалась. Сразу после того как они обняли друг друга,

обменялись поцелуями и комплиментами, к стойке приблизилась женщина в черном с головы до ног, с выбеленными волосами.

— Итак, компания в сборе? — поинтересовалась она, мило улыбаясь, но так долго, что это не могло быть искренне.

— Нет, мы ждем еще одного человека, — сказала Анна.

— Я здесь! — сообщил Том, появляясь у них за спиной. — С днем рождения, мам.

Элис обняла и поцеловала сына и только потом поняла, что он пришел один.

— Мы подождем...

— Джил? Нет, мам, мы расстались месяц назад.

— Девушки у тебя меняются так часто, что мы не успеваем запомнить, как их зовут, — заметила Анна. — Уже есть новенькая, для которой нужно занять место?

— Пока нет, — ответил Том Анне и обратился к женщине в черном: — Все в сборе.

Период одиночества Тома между подружками всегда составлял от шести до девяти месяцев, и никогда больше. Умный и энергичный Том учился на третьем курсе медицинского факультета Гарварда и был точной копией своего отца: он нацелился на карьеру хирурга-кардиолога. По его внешности можно было догадаться, что питается он неправильно. Том с иронией признавал, что все его знакомые студенты-медики и хирурги едят бог знает что и на бегу — пончики, чипсы и прочую дрянь из автоматов и больничных кафетериев. Ни у кого нет времени на занятия спортом, если не считать пробежки по лестницам вместо лифта. Зато они через несколько лет смогут лечить друг друга от болезней сердца, шутил Том.

Как только все устроились в полукруглой кабинке за столиком с напитками и закусками, разговор зашел об отсутствующем члене семьи.

— Когда в последний раз Лидия была у кого-нибудь из нас на дне рождения? — спросила Анна.

— Она приезжала, когда мне исполнился двадцать один год, — сказал Том.

— Это было почти пять лет назад! И больше ни разу? — изумилась Анна.

— Нет, не может такого быть, — возразил Джон, но больше ничего не добавил.

— А я уверен, так оно и было. — Том стоял на своем.

— Ты не прав, — сказала Элис. — Она приезжала на пятидесятилетие отца на Кейп-Код. ^[8]

— Как у нее дела, мам?

То, что Лидия не стала поступать в колледж, Анне явно пришлось по душе. Прерванное образование сохраняло за Лидией репутацию самой умной дочери Хаулендов. Будучи старшей, Анна имела возможность раньше других порадовать родителей своими интеллектуальными способностями и стала первой обладательницей статуса умницы. Том тоже был очень одарен, но Анна никогда не обращала на него внимания, возможно, потому что он мальчик. А потом появилась Лидия. Обе девочки были умными, но если Анна буквально билась за то, чтобы стать круглой отличницей, то Лидия получала свой безупречный табель без видимых усилий. Анна это заметила. Обе они обладали бойцовскими качествами и ценили независимость, но Анна не любила рисковать. Она предпочитала безопасные и заранее оговоренные цели, по достижении которых всеобщее одобрение гарантировано.

— У нее все хорошо, — отозвалась Элис.

— Не могу поверить, что она по-прежнему в Калифорнии. Она хоть где-нибудь играет? — поинтересовалась Анна.

— Лидия была просто великолепно в этой пьесе в прошлом году, — сказал Джон.

— Она ходит на курсы, — сообщила Элис.

И как только эти слова слетели у нее с языка, она вспомнила, что Джон у нее за спиной оплачивал курсы дочери, после которых не выдают диплом. Как она могла забыть поговорить с ним об этом? Элис бросила на мужа гневный взгляд. Он едва заметно покачал головой и почесал затылок. Сейчас не время и не место для такого разговора. Она доберется до него позже. Если не забудет.

— Что ж, по крайней мере, она хоть чем-то занята, — сказала Анна.

Она была удовлетворена: все в курсе, в каком положении оказалась ее дочь.

— Пап, как продвигается твой эксперимент? — спросил Том.

Джон подался вперед и стал подробно рассказывать о своей работе. Элис смотрела на мужа и сына. Два биолога, поглощенные научной беседой, и оба пытаются произвести впечатление. Лукавые морщинки в уголках глаз Джона, заметные даже тогда, когда он бывал серьезен, стали еще виднее, а руки задвигались как у марионетки.

Элис любила Джона таким. Ей он не рассказывал о своих исследованиях так подробно и с таким энтузиазмом. Раньше — да. Она до сих пор знала о его работе достаточно, чтобы выдать достойное резюме на какой-нибудь вечеринке с коктейлями, но это были поверхностные знания. Элис помнила, как он разговаривал с ней, когда они вели содержательные беседы, встречаясь с Томом или коллегами Джона. Раньше он все ей рассказывал, а она восхищенно слушала. Элис задумалась: когда же все переменилось, кто из них первым потерял интерес к другому? Ему стало неинтересно рассказывать или ей стало неинтересно слушать?

Кальмары, устрицы, салат арутула, равиоли с тыквой — все было безупречно. После ужина дети и муж нестройно, но громко спели «Хеппи бёздей», вызвав аплодисменты за соседними столиками. Элис задула единственную свечу на своем куске шоколадного торта. Когда все подняли бокалы с «Вдовой Клико», Джон протянул свой чуть выше остальных.

— С днем рождения, моя прекрасная и талантливейшая жена. За твои следующие пятьдесят лет!

Все чокнулись и выпили за Элис.

В дамской комнате Элис внимательно изучала свое отражение в зеркале. Взрослая женщина, которую она видела перед собой, была не очень похожа на ту, какой она себя ощущала. Усталые золотисто-карие глаза, хотя она прекрасно выпалась, кожа тусклая и вялая. Ясное дело — ей больше сорока, но она бы не сказала, что выглядит старой. Элис не чувствовала себя постаревшей, хоть и знала, что не молода. Вступление в очередную возрастную фазу регулярно напоминало о себе неожиданными и малоприятными моментами забывчивости, связанными с менопаузой. В остальном она чувствовала себя молодой, сильной и здоровой.

Элис подумала о маме. Они с ней очень похожи. В памяти Элис мамино лицо, серьезное и напряженное, с рассыпанными по носу и

щекам веснушками, было гладким, без единой морщинки. Она не успела их заработать. Мама умерла, когда ей был сорок один год. Сестре Элис, Энн, шел бы сорок восьмой год. Элис попыталась представить, как выглядела бы сестра, если бы сидела сегодня вечером здесь, в ресторане, с мужем и детьми, но у нее ничего не получилось.

Элис присела на унитаз и увидела кровь. Менструация. Она, конечно, понимала, что месячные в начале менопаузы часто приходят нерегулярно и не всегда исчезают внезапно и навсегда.

Вся ее смелость под воздействием шампанского и вида крови улетучилась. Элис разрыдалась. Не хватало воздуха. Ей исполнилось пятьдесят, и она боялась, что сходит с ума.

В дверь постучали.

— Мам? — Это была Анна. — С тобой все в порядке?

Ноябрь 2003 года

Доктор Тамара Мойер занимала кабинет на третьем этаже пятиэтажного офисного здания, которое находилось всего в нескольких кварталах к западу от Гарвард-сквер, то есть недалеко от того места, где Элис в одно мгновение потерялась. Серые, как в школе, стены приемной и смотровой по-прежнему украшали фотографии Ансея Адамса в рамочках и плакаты фармацевтического содержания, но они не вызывали у Элис негативных ассоциаций. На протяжении двадцати двух лет, которые доктор Мойер была ее терапевтом, посещения Элис носили исключительно превентивный характер — физический осмотр, иммунизация и, с недавнего времени, маммограмма.

— Что привело тебя ко мне сегодня, Элис? — спросила доктор Мойер.

— В последнее время у меня стали возникать проблемы с памятью, но я посчитала, что это фактор, сопутствующий менопаузе. Последний раз месячные были у меня около полугода назад, а в прошлом месяце пришли снова. Так что, возможно, у меня пока нет менопаузы. И тогда... в общем, я решила, что мне надо к тебе прийти.

— Расскажи конкретнее, что именно ты забываешь? — попросила доктор Мойер, не поднимая головы от своих записей.

— Имена, слова посреди разговора, куда я положила свой «блэкбери», что означает запись в ежедневнике.

— Понятно.

Элис внимательно наблюдала за врачом. Казалось, ее откровения не произвели на нее впечатления. Доктор Мойер воспринимала информацию, как священник выслушивает подростка, который признается в постыдных мыслях о девочках. Вероятно, ей приходится по несколько раз в день слушать подобные жалобы от абсолютно здоровых людей. Элис даже захотелось извиниться за то, что она оказалась паникершей и, даже можно сказать, дурой и отнимает время. Все забывают подобные вещи, особенно с возрастом. Плюс ко всему менопауза, привычка делать три дела сразу, а думать о дюжине — эти заминки с памятью кажутся мелкими, безобидными, незначительными и даже ожидаемыми. Все подвергаются стрессам. Все устают. Все что-то забывают.

— Еще я не смогла сориентироваться на Гарвард-сквер. Минуты две не могла понять, где нахожусь, а потом все вспомнила.

Доктор Мойер перестала записывать симптомы и подняла глаза на Элис. Эта информация произвела на нее впечатление.

— Тебе было трудно дышать?

— Нет.

— Ты чувствовала оцепенение или покалывание?

— Нет.

— Болела голова или было головокружение?

— Нет.

— Ты не почувствовала сильного сердцебиения?

— Сердце еще как колотилось, но, когда ты сбита с толку, это больше похоже на выброс адреналина от страха. За секунду до того, как это случилось, я чувствовала себя просто великолепно.

— А в тот день с тобой случилось что-нибудь необычное?

— Нет, я только что вернулась из Лос-Анджелеса.

— Тебя бросало в жар?

— Нет. Я почувствовала что-то вроде этого, когда перестала ориентироваться, но, повторяю, я думаю, что это от испуга.

— Ладно. Как ты спишь?

— Прекрасно.

— Сколько часов в день?

- Пять или шесть.
  - Бывает трудно заснуть?
  - Нет.
  - Сколько раз за ночь ты обычно просыпаешься?
  - По-моему, ни разу.
  - Ложишься спать каждый день в одно и то же время?
  - Обычно да. Если только не переезжаю с места на место, в последнее время я много ездила.
  - И где ты была?
  - Последние несколько месяцев — в Калифорнии, Италии, Нью-Орлеане, Флориде, Нью-Джерси.
  - Ты не болела после какой-нибудь поездки? Может быть, у тебя был жар или лихорадка?
  - Нет.
  - Ты принимаешь какие-нибудь медикаменты, что-нибудь, что может вызвать аллергическую реакцию, препараты, которые ты не считаешь медикаментозными?
  - Только мультивитамины.
  - Изжога?
  - Нет.
  - Изменение веса?
  - Нет.
  - Не замечала кровь в моче, стул нормальный?
  - Все в порядке.
- Как только доктор Мойер получала ответ на свой вопрос, она тут же задавала следующий, а темы менялись с такой скоростью, что Элис не успевала понять их логику. Это было похоже на катание на американских горках с закрытыми глазами, она не могла предсказать, когда будет следующий поворот.
- Ты сейчас более встревожена или подавлена, чем обычно?
  - Только из-за этих заминок с памятью. В остальном нет.
  - А как у тебя с мужем?
  - Прекрасно.
  - Ты считаешь, что твое душевное состояние в норме?
  - Да.
  - Не думаешь, что это депрессия?
  - Нет.

Элис знала, что такое депрессия. После смерти мамы и сестры, когда ей было восемнадцать, она потеряла аппетит, не могла заснуть больше чем на два часа, хотя постоянно чувствовала усталость, и ее ничто не интересовало и не радовало. Это длилось чуть больше года, и с тех пор она ничего подобного не испытывала. Сейчас с ней происходило нечто другое. Прозак^[9] в этом деле не помощник.

— Ты выпиваешь?

— Только в компании.

— Сколько?

— Один-два бокала за вечер, может, немного больше по особому случаю.

— Наркотики?

— Нет.

Доктор Мойер задумчиво посмотрела на Элис, а потом, постукивая ручкой по своим записям, заново их перечитала. Элис подозревала, что ответа на ее вопросы в них нет. Она вцепилась обеими руками в дерматиновый стул.

— Так у меня начинается менопауза?

— Да. Можно назначить курс FSH,^[10] но все, что ты мне рассказала, соответствует этому диагнозу. Средний возраст начала менопаузы — сорок восемь — пятьдесят два. Ты как раз в этой вилке. В течение года у тебя еще пару раз будут менструации. Это абсолютно нормально.

— Заместительная терапия может помочь решить проблемы с памятью?

— Мы больше не назначаем женщинам этот курс, если только у них нет серьезных проблем со сном и действительно мучительных приливов или остеопороза. Не думаю, что твои проблемы с памятью как-то связаны с менопаузой.

Кровь отлила от лица Элис. Это были именно те слова, которые она боялась услышать, и о чем только недавно отважилась подумать. Высказанное вслух мнение профессионала разнесло ее доводы в пух и прах. С ней что-то происходит, и она не готова услышать, что именно. Элис поборола нарастающее желание сдаться или немедленно убежать из кабинета куда глаза глядят.

— Почему?

— Нарушения памяти и дезориентация в списках симптомов менопаузы следуют за нарушением гигиены сна. Такие женщины с трудом воспринимают реальность, потому что не спят как положено. Есть вероятность, что ты спишь не так уж хорошо, как тебе кажется. Возможно, твой график и перелеты оказывают негативное влияние на сон или ты беспокоишься о чем-то во сне.

Элис подумала о том времени, когда у нее часто путались мысли из-за недостатка сна. Естественно, ее интеллектуальные возможности были не на высоте в последние недели каждой беременности, после родов или когда она в авральном режиме работала над завершением проекта по гранту. Вот только когда она потерялась на Гарвард-сквер, в ее жизни не происходило ничего подобного.

— Возможно. А не может быть так, что теперь мне, в силу возраста или из-за менопаузы, требуется более продолжительный сон?

— Нет. Такого в своей практике я не наблюдала.

— Если это не следствие недосыпания, то что это, по-твоему? — спросила Элис.

К этому моменту ее голос окончательно утратил уверенность и четкость звучания.

— Вообще-то меня больше беспокоит дезориентация. Не думаю, что это связано с сосудами. Я считаю, надо пройти кое-какие тесты. Ты сдашь кровь на анализ, сделаешь маммограмму, комплексную томографию костей, потому что уже пора, и магнитно-резонансную томографию мозга.

Опухоль мозга. Она об этом даже не думала. Смутный силуэт нового хищника возник в ее воображении, и паника снова начала вгрызаться в нее изнутри.

— Если ты не думаешь, что это связано с сосудами, чего ты ждешь от томографии мозга?

— Всегда полезно все разложить по полочкам. Сделаешь томографию, а потом сразу ко мне, и мы подумаем, как быть дальше.

Доктор Мойер избежала прямого ответа, а Элис не стала ее принуждать. Она не думала, что у нее опухоль.

Уильям-Джеймс-Холл — факультеты психологии, социологии и социальной антропологии — находится как раз за воротами Гарвард-Ярда, которые выходят на Крикленд-стрит. Этот район студенты

называют Сибирью. Однако географическое положение далеко не главный признак, который отдаляет его от основного кампуса. Уильям-Джеймс-Холл никто и никогда не спутает со старинными университетскими строениями в стиле классицизма, которые служат украшением Ярда и где располагаются общежития для первокурсников и классы математики, истории и английского. А вот с паркингом его можно спутать. У этого здания нет ни дорических, ни коринфских колонн, ни кладки красного кирпича, ни витражей, ни шпилей, ни атриумов, ни одной детали, которая бы хоть как-то роднила бы его с университетом. На создание этого лишенного каких-либо отличительных черт блока бежевого цвета двести десять футов высотой, вполне возможно, архитектора вдохновил ящик Скиннера.^[11] Неудивительно, что это здание не включают в маршруты пеших экскурсий и не помещают его фотографию в гарвардском календаре как символ весны, лета, зимы или осени.

Но хотя внешний вид Уильям-Джеймс-Холла безусловно ужасен, вид из окон большинства офисов и конференц-залов, которые располагаются на его верхних этажах, просто великолепен. Элис сидела за столом в своем офисе на десятом этаже, пила чай и отдыхала, разглядывая дивный вид на Чарлз-ривер и Бостон-Бэй. Пейзаж был словно помещен в раму ее огромного окна на юго-восток. Многие художники и фотографы запечатлели его в масле, акварелью и на фотопленке. По всему Бостону на стенах в офисных зданиях можно было найти эту картину — в рамке или просто приколотую к стене.

Элис ценила это преимущество и время от времени любовалась этим пейзажем в натуральном виде. Качество и динамика отображавшейся в окне картины постоянно изменялись в зависимости от часа и времени года. В это солнечное ноябрьское утро «Вид Бостона с Уильям-Джеймс-Холла. Осень» демонстрировал сверкающие на солнце бледно-голубые стекла Центра Джона Хэнкока^[12] и гребные лодки, скользящие по серебряной реке к Бостонскому музею науки так плавно, словно их тянули за ниточку. Этот вид также давал ей полезную информацию о жизни за пределами Гарварда. Когда на фоне темнеющего неба над Фенвей-парк вспыхивала красно-белая неоновая реклама CITGO,^[13] это действовало Элис на нервы, как звонок будильника. Она забывала о работе, мысленно переключаясь на дом. Когда-то, еще до того, как она получила бессрочный контракт, Элис

занимала маленькую комнату без окон в самом чреве Уильям-Джеймс-Холла. Не видя внешнего мира за толстыми бежевыми стенами, она часто, сама того не осознавая, засиживалась на работе допоздна. Не один раз в конце рабочего дня Элис с изумлением обнаруживала, что северо-восточный ветер на целый фут засыпал Кембридж снегом, а ее не столь заикленные на работе коллеги или просто те, у кого были окна, уже давно благоразумно покинули Уильям-Джеймс-Холл, озабоченные поисками хлеба, молока и туалетной бумаги, перед тем как попасть домой.

Но сейчас ей было не до окна. После обеда нужно было лететь на ежегодное совещание Общества психономики в Чикаго, а ей еще предстояло завершить кучу дел. Элис взглянула на свою памятку.

Рецензия на статью в «Нэйчур нейросайенс» V
Собрание факультета V
Встреча с ТА V
Класс по когнитивизму
Закончить план конференции
Пробежка
Аэропорт

Элис допила остывший чай и стала просматривать заметки к предстоящей лекции. Она была посвящена семантике, третья из шести ее любимого курса по лингвистике. Даже после двадцати пяти лет преподавания Элис всегда уделяла час на подготовку к лекции. Естественно, теперь она могла, не думая ни минуты, преподать семьдесят пять процентов материала. Тем не менее оставшиеся двадцать пять касались открытий, передовых методик или дискуссионных вопросов в данной области, и она использовала этот час именно на это. Благодаря постоянно обновляющейся информации она и любила свой предмет, и требовала стопроцентного присутствия на занятиях.

В Гарварде особое значение уделяли исследовательской работе, по этой причине и студенты, и администрация относились к преподаванию без особого энтузиазма. Одержимость Элис преподаванием отчасти объяснялась тем, что она оставалась верна своему долгу и верила, что может заразить своей страстью очередное

поколение студентов. Или, по крайней мере, не станет причиной того, что следующий носитель новых идей в когнитивизме не сделает крен в сторону политических наук. Плюс ко всему она просто любила преподавать.

Подготовившись к лекции, Элис просмотрела электронную почту.

Элис!

Мы все еще ждем от тебя три слайда для доклада Майкла: схему восстановления слов, модель языковой карикатуры, текстовый слайд. Доклад состоится не раньше среды, но было бы очень неплохо, если бы Майкл включил твои слайды в презентацию и убедился, что они ему подходят и вписываются в лимит времени. Можешь переслать их мне или Майклу.

Мы остановились в «Хаятт». Увидимся в Чикаго.

Всего наилучшего,

Эрик Гринберг.

В голове Элис холодным светом замигала тусклая лампочка. Так вот о каком загадочном Эрике шла речь в ее памятке в прошлом месяце. Та запись не имела никакого отношения к Эрику Уэллману — она должна была напомнить, чтобы Элис переслала эти слайды Эрику Гринбергу, ее бывшему коллеге по Гарварду, а сейчас профессору психологии в Принстонском университете. Элис и Дэн сложили вместе три слайда, описывающие эксперимент, который Дэн поспешил провести вместе с постдоком Эрика Майклом. Предполагалось, что слайды будут сопровождать доклад Майкла по психоэкономике. Элис поторопилась, прежде чем ее что-то отвлечет, отослать слайды по электронной почте, сопроводив их искренними извинениями перед Эриком. К счастью, у него еще было время. Обошлось без жертв.

Как и многое в Гарварде, аудитория, в которой Элис читала курс по когнитивизму, была больше, чем требовалось. Количество синих мягких стульев на трибунах на несколько сотен превосходило число

записавшихся на лекции студентов. В конце аудитории стоял впечатляющий сверхсовременный аудиовидеоцентр, а в начале висел проекционный экран — не меньше, чем в кинотеатре. Пока три помощника подсоединяли провода к компьютеру Элис, а студенты не торопясь заполняли аудиторию, она открыла лэптоп и выбрала папку «Курс лингвистики».

В ней было шесть файлов: «Овладение», «Синтаксис», «Семантика», «Аудирование», «Моделирование» и «Патологии». Элис еще раз перечитала названия файлов. Она не могла вспомнить, на какую тему должна прочесть лекцию. Только что она целый час тщательно готовилась дать материал по одной из этих тем, но не могла вспомнить, по какой именно. Синтаксис? Все темы были ей хорошо знакомы, и ни одна не выделялась среди других.

После визита к доктору Мойер каждый раз, когда что-то выпадало из памяти Элис, дурные предчувствия усиливались. Это было не сравнить с тем, когда она забывала, где зарядка от органайзера или очки Джона. Это было ненормально. Измученным голосом параноика она говорила себе, что у нее, вероятно, опухоль мозга. Еще она убеждала сама себя не сходить с ума и не тревожить Джона, пока доктор Мойер не выскажет свое профессиональное мнение, а это, к несчастью, могло случиться только на следующей неделе, после конференции по психоэкономике.

Полная решимости пережить следующий час, Элис глубоко вздохнула. Пусть она и не помнит тему сегодняшней лекции, зато она не забыла, кто ее студенты.

— Не мог бы кто-нибудь из вас подсказать мне, что у нас по программе на сегодня? — спросила она.

Несколько студентов ответили нестройными голосами:

— Семантика.

Элис верно рассчитала, что по крайней мере два-три человека ухватятся за возможность показать, что они в курсе дела и готовы помочь. Ее ничуть не пугало, что кто-то сочтет ее вопрос странным или удивится тому, что она не знает тему лекции. Студентов и профессоров разделяет дистанция огромного размера: возраст, багаж знаний, статус.

Плюс за семестр Элис успела продемонстрировать студентам свою компетенцию и имела оглушительный успех, читая курс

литературы. Даже если бы кому-то из них пришло в голову поразмышлять на эту тему, они бы, скорее всего, решили, что профессора отвлекли более важные, чем курс «Психология 256», вопросы и у нее просто не было времени заглянуть в программу. Они даже подумать не могли, что Элис только что посвятила семантике целый час.

К вечеру солнечный день стал пасмурным и промозглым, начиналась зима. Прошлой ночью во время ливня с деревьев сорвало почти все оставшиеся листья, и зиму они встречали практически голыми. Элис вполне комфортно чувствовала себя в шерстяном костюме. Наслаждаясь холодным осенним воздухом и разбрасывая на ходу сухие листья, она не спеша шла домой.

В доме горел свет, на полу возле столика в прихожей стояли туфли и сумка Джона.

— Привет! Я дома, — сказала Элис.

Джон вышел из кабинета и уставился на нее, явно сбитый с толку и не в состоянии подобрать нужные слова. Элис тоже растерялась и уже начала думать, что случилось нечто ужасное. Ее мысли сразу обратились к детям. Она замерла в дверях и, собравшись с духом, приготовилась услышать самое страшное.

— Ты разве не должна быть сейчас в Чикаго?

— Что ж, Элис, твой анализ крови в порядке, магнитно-резонансная томография тоже, — сказала доктор Мойер. — Одно из двух: либо подождем месяца три, посмотрим, как у тебя дальше пойдут дела, как ты спишь и прочее, либо...

— Я хочу проконсультроваться у невролога.

Декабрь 2003 года

В день, когда Эрик Уэллман устроил вечеринку в честь своего дня рождения, небо нависло, как перед снегопадом. Элис надеялась, что выпадет снег. Как и большинство уроженцев Новой Англии, она каждый год, как ребенок, радовалась первому снегу. И естественно, как и большинство уроженцев Новой Англии, в феврале она проклинала то, чего так ждала в начале декабря. К этому времени в ней уже росла ненависть к лопатам и сапогам, она мечтала о том

времени, когда нежно-розовые и желто-зеленые краски весны сменяют черно-белую зимнюю палитру. Но в этот вечер снег был бы настоящим подарком.

Каждый год Эрик и его жена Марджори устраивали вечеринку для всего факультета психологии. Это событие не подразумевало ничего экстраординарного, но его всегда украшали детали, которые грели Элис душу: Эрик с комфортом устраивался на полу в гостиной, там же на стульях и кушетках рассаживались студенты и младшие сотрудники, Кевин и Глен боролись за обладание куклой Гринча, и все старались заполучить кусок легендарного пирога Марти.

Коллеги Элис были более чем талантливы, честолюбивы и непритязательны, в любой момент готовы прийти на помощь и вступить в дискуссию. Она считала их своей семьей. Может быть, потому, что у нее не было ни братьев, ни сестер, ни родителей. Или просто время года делало ее такой сентиментальной и подталкивало к размышлениям о смысле существования и своем месте в жизни. Может, и так, но не только.

Они были больше чем коллеги. Научные открытия, продвижение по карьерной лестнице и новые публикации — все эти события отмечались, но были еще свадьбы и рождения детей и достижения детей и внуков. Они вместе ездили по всему миру на конференции, и многие встречи совмещались с семейными каникулами. Они поддерживали друг друга во время неудач в исследованиях, вместе переживали отказы от грантов, противостояли приступам сомнений в себе, болезням и разводам.

Но самое главное, что их объединяло, — это исследование человеческого разума, желание разобраться в механизмах, которые руководят поведением человека, его речью, эмоциями и потребностями. И если «священным Граалем» их исследований был престиж каждого в отдельности, то сутью было совместное стремление познать нечто ценное и поделиться этим со всем миром. Это был социализм с прививкой капитализма. Удивительная, полная конкурентной борьбы интеллектуальная жизнь. И они, все вместе, были полноправными участниками этой жизни.

Пирог благополучно исчез, и Элис, ухватив слойку с кремом, отправилась на поиски Джона. Он беседовал с Эриком и Марджори в гостиной. Когда Элис присоединилась к их компании, прибыл Дэн.

Дэн представил друзьям свою жену Бет, после чего последовали сердечные поздравления и рукопожатия. Марджори приняла у вновь прибывших пальто. Дэн был в смокинге, а Бет — в длинном, до самого пола, красном платье. Они опоздали и были одеты слишком официально для подобной вечеринки — вероятно, уже успели побывать на другом мероприятии. Эрик предложил гостям напитки.

— Я, пожалуй, выпью еще бокал, — сказала Элис, при этом бокал у нее в руке был наполовину полон.

Джон поинтересовался у Бет, как ей супружеская жизнь. Элис никогда не встречалась с невестой Дэна, но кое-какой информацией он с ней поделился. Дэн и Бет жили вместе в Атланте, когда Дэна приняли в Гарвард. Бет осталась дома, и поначалу ее вполне устраивали отношения на расстоянии плюс обещание жениться после окончания университета. По прошествии трех лет Дэн неосмотрительно обмолвился, что на получение образования у него вместо пяти лет вполне может уйти шесть или даже семь. Они поженились в прошлом месяце.

Элис, извинившись, отделилась от компании и направилась в дамскую комнату. По пути из обновленной фасадной части дома в старую она задержалась в коридоре, чтобы допить вино, доесть слойку и полюбоваться развешенными на стенах фотографиями улыбающихся внуков Эрика. После того как она зашла в туалет, Элис забрела в кухню, налила себе еще один бокал вина и включилась в оживленную беседу жен преподавателей.

Они кружили по кухне, по пути легонько подталкивая друг друга локтями или хлопая по плечу. Они всех знали, нахваливали друг друга, поддразнивали и непринужденно смеялись. Все эти женщины вместе ходили за покупками и в кафе и состояли в одних и тех же клубах книголюбов. Они были близки. Элис знала их мужей, и это отдаляло ее от них. Она слушала, потягивала вино и кивала головой — ее присутствие в кухне можно было сравнить с бегом на тренажере вместо бега по гравиевой дорожке.

Снова наполнив бокал, Элис незаметно выскользнула из кухни. Джона она нашла в гостиной, он беседовал с Эриком, Дэном и молодой женщиной в красном платье. Элис подошла к роялю Эрика и, прислушиваясь к беседе, тихонько постукивала пальцами по крышке. Каждый год она надеялась, что кто-нибудь попросит ее сыграть, но

никто не просил. Несколько лет они с Энн, когда еще были детьми, брали уроки, но теперь без нот она могла наиграть только «Baby Elephant Walk» и «Turkey in the Straw», и то правой рукой. Может быть, эта женщина в красном вечернем платье умеет играть на рояле.

В разговоре возникла пауза, и Элис встретила с этой женщиной взглядом.

— Простите, я Элис Хауленд. Кажется, мы не знакомы.

Женщина растерянно взглянула на Дэна.

— Я Бет.

Бет выглядела довольно молодо и вполне могла быть аспиранткой, но к декабрю Элис обычно узнавала даже первокурсников. Она припомнила, что Марти как-то сказал, что принял на работу нового сотрудника, женщину.

— Вы новый постдок Марти? — поинтересовалась она.

Женщина снова встретила взглядом с Дэном.

— Я жена Дэна.

— О, как приятно наконец-то с вами познакомиться. Примите мои поздравления!

Никто не произнес ни слова. Дэн посмотрел Джону в глаза, потом на бокал Элис, потом снова на Джона, как будто хотел что-то сказать.

— Что? — ничего не понимая, спросила Элис.

— Знаешь, уже поздно, а мне завтра рано вставать, — сказал Джон. — Пойдем домой, ты не против?

Когда они оказались на улице, Элис хотела спросить, что означают все эти переглядывания, но, пока они были в гостях, выпал чудесный, похожий на сахарную вату снег, и, глядя на него, она обо всем забыла.

За три дня до Рождества Элис посетила Массачусетский главный госпиталь в Бостоне. Она сидела в комнате ожидания перед отделением расстройства памяти и притворялась, что читает журнал «Хелс». На самом деле она наблюдала за ждущими своей очереди пациентами. Все пришли парами. Женщина, которая выглядела на двадцать лет старше Элис, сидела рядом с женщиной, которая была как минимум на двадцать лет старше ее самой, наверняка ее мать. Женщина с густыми, ненатурально черными волосами и громоздкими золотыми украшениями громко и отчетливо, с явным бостонским

акцентом говорила что-то отцу, который сидел в инвалидной коляске и не сводил глаз со своих безупречно белых туфель. Тошая седая женщина листала журнал — слишком быстро, чтобы успеть хоть что-то прочесть, а рядом с ней сидел такой же седой мужчина, полный, с тремором правой руки. По всей видимости, муж и жена.

Элис целую вечность ждала, когда ее наконец позовут. У доктора Дэвиса было молодое гладкое лицо. Он был в очках в черной оправе и в белом расстегнутом халате. Глядя на него, можно было подумать, что когда-то он был худым, но несколько оплывшая нижняя часть его торса напомнила Элис о комментариях Тома по поводу нездорового образа жизни врачей. Доктор, сидя в кресле за столом, пригласил Элис сесть напротив.

— Итак, Элис, расскажите, что с вами происходит.

— В последнее время у меня часто возникают проблемы с запоминанием, и это меня тревожит. Я забываю слова во время лекций или в разговоре, я вынуждена писать «класс когнитивной лингвистики» в своем ежедневнике, иначе могу забыть пойти на занятия, я совершенно забыла о конференции в Чикаго и не попала на свой рейс. Однажды на Гарвард-сквер я минуты две не могла понять, где нахожусь, хотя я профессор Гарвардского университета и бываю на этой площади едва ли не каждый день.

— И как давно это началось?

— В сентябре. Может быть, этим летом.

— Элис, вы пришли сюда одна?

— Да.

— Хорошо. В будущем вам лучше приходиться вместе с кем-то из членов семьи или человеком, который регулярно с вами контактирует. Вы жалуетесь на проблемы с памятью, следовательно, не можете быть достоверным источником информации о том, что с вами происходит.

Элис смутилась, как маленькая девочка. А выражение «в будущем» застряло у нее в голове и изводило, как вода, методично капающая из неисправного крана.

— Хорошо, — согласилась она.

— Вы принимаете какие-нибудь лекарства?

— Нет, только мультивитамины.

— Снотворное, диетические таблетки, еще какие-нибудь препараты?

— Нет.

— Выпиваете?

— Немного. Один-два бокала вина за ужином.

— Вы вегетарианка?

— Нет.

— Были ли у вас в прошлом травмы головы?

— Нет.

— Хирургические операции?

— Нет.

— Как вы спите?

— Прекрасно.

— У вас случались депрессии?

— Нет, с тех пор, как я была подростком.

— Стрессоустойчивость?

— Обычная. Стрессы идут мне на пользу.

— Расскажите о ваших родителях.

— Мама и сестра погибли в автокатастрофе, когда мне было восемнадцать. Отец умер от печеночной недостаточности в прошлом году.

— Гепатит?

— Цирроз. Он был алкоголик.

— Сколько ему было лет?

— Семьдесят один.

— У него были какие-нибудь другие проблемы со здоровьем?

— Насколько я знаю, нет. В последние годы я не так часто с ним виделась.

А когда это случилось, он был маловразумителен, попросту пьян.

— А у других членов вашей семьи?

Элис выложила доктору скудные сведения об истории болезни членов своей семьи.

— Хорошо. Сейчас я назову вам имя и адрес, а вы повторите за мной. Потом мы займемся другими вещами, после чего я попрошу вас снова назвать эти имя и адрес. Итак, Джон Блэк, Брайтон, Сорок вторая Восточная улица. Можете повторить это для меня?

Элис повторила.

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят.

— Какое сегодня число?

— Двадцать второе декабря две тысячи третьего года.

— Время года?

— Зима.

— Где мы с вами сейчас находимся?

— Массачусетский главный госпиталь, восьмой этаж.

— Вы можете назвать близлежащие улицы?

— Кембридж-стрит, Фрут-стрит, Сторроу-драйв.

— Хорошо. Какое сейчас время суток?

— Позднее утро.

— Назовите месяцы от декабря в обратном порядке.

Она назвала.

— Посчитайте в обратном порядке от ста до шести.

Он остановил ее на семидесяти шести.

— Назовите эти предметы.

Он показал ей шесть карточек с рисунками.

— Гамак, перо, ключ, стул, кактус, перчатка.

— Хорошо, прежде чем показать на окно, дотроньтесь левой рукой до правой щеки.

Она сделала это.

— Можете написать на этом листке предложение о том, какая сегодня погода?

Элис написала: «Солнечное, но холодное зимнее утро».

— А теперь нарисуйте часы, показывающие без двадцати четыре.

Она нарисовала.

— И скопируйте вот этот рисунок.

На рисунке было два четырехугольника, наложенные друг на друга. Элис скопировала.

— Хорошо, Элис, забирайтесь на стол, мы произведем кое-какие неврологические исследования.

Она водила глазами за фонариком доктора, быстро стучала указательным и большим пальцами друг о друга, шла по прямой через комнату, переступая с пятки на носок. И делала все легко и быстро.

— Хорошо. Какое имя и адрес я назвал до тестов?

— Джон Блэк...

Элис запнулась и испытующе посмотрела на доктора. Она не могла вспомнить адрес. О чем это говорило? Возможно, она просто

недостаточно внимательно его слушала.

— Это в Брайтоне, но я не могу вспомнить улицу.

— Хорошо. Двадцать четыре, двадцать восемь, сорок два или сорок восемь?

Элис не знала.

— Попробуйте угадать.

— Сорок восемь.

— Это была Северная, Южная, Восточная или Западная улица?

— Восточная?

Ни лицо доктора, ни его жесты не давали Элис подсказки: правильный ли она выбрала ответ. Но если придется угадывать еще раз, значит, ответ неверный.

— Значит, так, Элис, у нас есть ваш последний анализ крови и магнитно-резонансная томография. Я бы хотел, чтобы вы сделали дополнительный анализ крови и поясничную пункцию. Через четыре-пять недель у вас на руках будут результаты, и вы в тот же день пройдете нейропсихологические тесты, после чего мы встретимся.

— Что, по вашему мнению, происходит? Это обычная забывчивость?

— Я так не думаю, Элис, мы должны провести дополнительные исследования.

Она посмотрела доктору в глаза. Как-то один ее коллега сказал, что взгляд прямо в глаза, который длится дольше шести секунд, говорит либо о сексуальном желании, либо о желании убить. Элис в это не поверила, но заинтересовалась и даже проверила на некоторых своих друзьях и нескольких незнакомцах. К своему удивлению, она обнаружила, что каждый из них, за исключением Джона, отводил взгляд раньше, чем истекали те самые шесть секунд.

Доктор Дэвис опустил глаза на четвертой секунде. Вероятно, это означало, что он не желает ее смерти и не желает сорвать с нее одежды, но Элис опасалась, что это означает нечто большее. Ее будут колоть, брать анализы, сканировать, тестировать... Однако она догадывалась, что доктору не нужны дальнейшие исследования. Она рассказала о себе, но не смогла вспомнить адрес Джона Блэка. Доктор уже знал, что с ней происходит.

Утро сочельника Элис провела на диване. Пила чай и смотрела фотоальбомы. Год за годом она помещала новые снимки в пустые пластиковые карманчики. Она не надписывала фотографии — хронология и так строго соблюдалась. Элис помнила всех.

Лидия, Том и Анна, соответственно два года, шесть и семь, в июне на Хардингс-бич возле их первого дома на Кейп-Код. Анна на футбольном матче юношеских команд на стадионе «Пекоссетт». Она с Джоном на Севен-Майл-бич на Большом Каймане.

Она могла не только назвать возраст детей или место, где был сделан тот или иной снимок, но и в деталях описать большинство из них. Каждая фотография вызывала в памяти другие, не запечатленные на пленке моменты того дня, людей, которые там были, и дополняла картину ее тогдашней жизни.

Лидия в клювом зеленовато-голубом костюме на своем первом творческом вечере в хореографическом училище. Это было перед заключением бессрочного контракта, Анна тогда училась в неполной средней школе и носила брекеты, Том изнывал от любви к девочке из его бейсбольной команды, а Джон жил в Везеде, у него был годичный творческий отпуск.

Если у нее и возникали проблемы, так это с фотографиями Анны и Лидии, их ангельские личики часто было трудно отличить одно от другого. Однако она умудрялась найти детали, которые подсказывали, кто есть кто. Короткие баки Джона явно из семидесятых. Стало быть, ребенок у него на коленях — Анна.

— Джон, кто это? — спросила Элис и показала фотографию мужу.

Джон оторвался от журнала, сдвинул очки на кончик носа и сощурился.

— Том?

— Милый, карапуз в розовом — это Лидия.

Элис сверилась с кодаковской датой на обратной стороне снимка. Двадцать девятое мая, тысяча девятьсот восемьдесят второй год. Лидия.

— О! — Джон сдвинул очки обратно на переносицу и вернулся к чтению.

— Джон, я собиралась поговорить с тобой об актерских классах Лидии.

Джон загнул страницу журнала, положил его на стол, сложил очки и откинулся в кресле. Он знал, что разговор будет долгим.

— Что ж, давай.

— Не думаю, что нам стоит поддерживать ее там тем или иным способом, и уж точно тебе не следует оплачивать ее занятия у меня за спиной.

— Прости, ты права, я должен был тебе рассказать, но я замотался и забыл, ты знаешь, как это бывает. Но я не согласен по сути, и ты это тоже знаешь. Других детей мы поддерживаем.

— Это совсем другое.

— Нет, не другое. Тебе просто не нравится ее выбор.

— Дело не в актерстве. Дело в том, что она и не думает поступать в колледж. Когда и если она надумает, может быть уже поздно, Джон. И ты помогаешь ей тянуть время.

— Она не хочет поступать в колледж.

— Мне кажется, она просто бунтует против нашего образа жизни.

— А я не думаю, что это имеет какое-то отношение к нашим желаниям или нашему образу жизни.

— Я хочу для нее большего.

— Она много работает, увлечена своим делом и серьезно к нему относится, она счастлива. Этого мы и должны для нее желать.

— Наш долг — передавать детям свой жизненный опыт. Я действительно боюсь, что она упустит что-то важное в своей жизни. Не откроет для себя много нового, не научится смотреть на мир с разных точек зрения, не примет вызовы этого мира, упустит возможности, не встретит интересных людей. Мы с тобой познакомились в колледже...

— У нее все это есть.

— Это не то же самое.

— Пусть. Я считаю, что оплачивать ее занятия — более чем справедливо. Прости, что не сказал тебе, но с тобой трудно говорить на эту тему. Тебя все равно не переубедить.

— Тебя тоже.

Джон взглянул на часы на камине, потянулся за очками и нацепил их на макушку.

— Я на часок должен заскочить в лабораторию, а потом подберу ее в аэропорту. Тебе ничего не нужно? — спросил он, вставая с кресла,

чтобы уйти.

— Нет.

Их глаза встретились.

— У нее все будет хорошо, Эли, не волнуйся.

Она приподняла брови, но ничего не сказала. А что тут скажешь? Они уже разыгрывали эту сцену прежде, и вот чем все заканчивается. В споре Джон выбирал путь наименьшего сопротивления, всегда сохранял свой имидж любящего родителя и не убеждал Элис перейти на свою сторону. Что бы она ни говорила, он стоял на своем.

Джон ушел. Оставшись одна, Элис расслабилась и вернулась к фотографиям в альбоме. Любимые, обожаемые дети — младенцы, тоддлеры, ^[14] тинейджеры.

Куда уходит время? Элис разглядывала фотографию маленькой Лидии, которую Джон принял за Тома. Она снова почувствовала уверенность в своей памяти. Но конечно же, эти фотографии приоткрывали дверь к историям, которые хранила ее долговременная память.

Адрес Джона Блэка хранился в краткосрочной памяти. Внимание, повтор, уточнение нужны в том случае, если воспринимаемая информация помещена в базу долговременной памяти, в противном случае ее быстро и естественно сотрет поток времени. Предписания и вопросы доктора Дэвиса разбили ее внимание на части и не дали возможности повторить или конкретизировать для себя названный адрес. И если сейчас этот самый несуществующий Джон Блэк немного пугал и злил Элис, в кабинете доктора Дэвиса он ничего для нее не значил. В подобных условиях мозг среднего человека вполне мог потерять нужную информацию. Но у нее был далеко не среднестатистический мозг.

Элис услышала, как в щель во входной двери упала почта, и кое-что придумала. Она только раз взглянула на каждый предмет: поздравительная открытка с малышом в колпаке Сайты от одного из выпускников, рекламный проспект фитнес-клуба, счет за телефон, счет за газ, каталог «Эл Эл Бин». После этого она вернулась к дивану, допила чай, поставила фотоальбомы на полку и села. Тишину в доме нарушали только тиканье часов и редкий отрывистый свист пара в батареях. Элис посмотрела на часы. Прошло пять минут. Вполне достаточно.

Не глядя на почту, она сказала вслух:

— Открытка с малышом в колпаке Санты, приглашение в спортклуб, счета за телефон, за газ, очередной каталог «Эл Эл Бин».

«Проще простого».

Но, если честно, промежуток времени между тем моментом, когда она услышала адрес Джона Блэка, и тем, когда ее попросили его вспомнить, был гораздо больше, чем пять минут. Следовало увеличить интервал.

Элис схватила с полки словарь и сформулировала для себя два правила по выбору слов. Так как ее целью было не заучивание новых слов, а проверка краткосрочной памяти, слово должно быть знакомым, но при этом она не должна была часто его употреблять. Она раскрыла словарь на случайной странице и указала пальцем на слово «берсерк». Написав его на листке бумаги, Элис сложила листок, убрала его в карман брюк и установила будильник на микроволновке на пятнадцать минут.

У маленькой Лидии была любимая книжка — «Бегемот-берсерк».

[15] Элис стала думать о рождественском ужине. Запищал таймер. «Берсерк».

Сомнений нет, не понадобилось даже сверяться со шпаргалкой.

Элис продолжала играть в эту игру в течение всего дня, увеличила количество слов до трех, а промежуток времени — до сорока пяти минут. Несмотря на повышенную степень сложности и большую вероятность того, что приготовление ужина уведет ее память в сторону, она ни разу не ошиблась.

«Стетоскоп, миллениум, дикобраз».

Она приготовила равиоли с рикоттой и красный соус.

«Катод, гранат, шпалера».

Нарезала салат и замариновала овощи.

«Львиный зев, документальный фильм, устранять».

Положила ростбиф в духовку и накрыла стол в столовой.

Анна, Чарли, Том и Лидия расположились в гостиной. Элис слышала, что Анна и Джон спорят. Из кухни она не могла разобрать, о чем они говорят, но, судя по интонациям и повышенным голосам, это был спор. Возможно, о политике. Чарли и Том помалкивали.

Лидия мешала на плите морс и рассказывала об актерских классах. Поскольку приходилось сосредотачиваться на готовке ужина,

словах для запоминания и Лидии, у Элис не оставалось сил для возражений или неодобрения. Лидия, так как ее не перебивали, произносила воодушевленный монолог о том, чем она занималась. Элис, несмотря на предвзятое отношение к выбору дочери, обнаружила, что ей это интересно.

— И после всего увиденного задаешься вопросом Илии: «Почему в эту ночь, а не в другую?»

Запищал таймер. Лидия отошла в сторону, и Элис заглянула в духовку. Она довольно долго разглядывала недожаренное мясо, даже лицу стало жарко.

«О!»

Это был сигнал вспомнить три слова «из кармана».

«Тамбурин, змея...»

— Повседневная жизнь не рутина, на кону всегда жизнь или смерть, — сказала Лидия.

— Мам, где штопор? — крикнула Анна из гостиной.

Элис изо всех сил старалась игнорировать голоса дочерей, которые ее разум был приучен слышать поверх всех звуков на планете. Она сконцентрировалась на собственном внутреннем голосе, который, как заклинание, повторял два слова: «Тамбурин, змея, тамбурин, змея, тамбурин, змея».

— Мам! — позвала Анна.

— Я не знаю, где он, Анна! Я занята, поищи сама.

«Тамбурин, змея, тамбурин, змея, тамбурин, змея».

— Если хорошо подумать, то все всегда сводится к выживанию. Чего мне не хватает, чтобы выжить, и что произойдет, если мне это не удастся? — продолжала Лидия.

— Лидия, прошу тебя, я не хочу сейчас об этом слушать, — резко оборвала дочь Элис и сжала влажные от пота виски.

— Хорошо.

Лидия повернулась к плите и стала энергично размешивать морс. Наверное, обиделась.

«Тамбурин, змея».

— Никак не могу найти! — снова крикнула Анна.

«Компас! Тамбурин, змея, компас».

Расслабившись, Элис начала выкладывать продукты для пудинга с белым шоколадом: ваниль, пинта жирных сливок, молоко, сахар,

белый шоколад, хала и две картонные упаковки по половине дюжины яиц в каждой.

«Дюжина яиц?»

Если листок с рецептом мамы еще и существовал, она не знала, где его искать. Уже много лет он был ей ни к чему. Простой рецепт, лучше, чем рецепт творожного пудинга Марти, и она с юности готовила по нему каждое Рождество. Сколько яиц? Должно быть, больше шести, иначе она достала бы только одну упаковку. Семь, восемь, девять?

Она на секунду отвлеклась от яиц, но другие ингредиенты тоже ни о чем ей не говорили. Надо использовать все сливки или отмерить какое-то количество? Сколько сахара? Смешать все сразу или в определенном порядке? Какой взять противень? При какой температуре печь и как долго? Ни малейшей подсказки. Информация просто стерлась из памяти.

«Что, черт возьми, со мной происходит?»

Она снова посмотрела на яйца. По-прежнему ничего. Она ненавидела эти проклятые яйца. Взяв одно, со всей силы бросила его в раковину. Одно за другим Элис перебила все. Это принесло некоторое удовлетворение, но надо было уничтожить что-то еще, для чего потребовалась бы физическая сила, чтобы этот процесс ее утомил. Она оглядела кухню. Глаза Элис сверкали от ярости, и тут она встретилась взглядом с возникшей на пороге кухни Лидией.

— Мам, что ты делаешь?

Битье яиц не ограничилось одной раковиной. Осколки скорлупы и желток разлетелись по стене и столешнице, а по дверцам шкафчиков, словно слезы, стекал белок.

— Яйца просрочены. В этом году пудинга не будет.

— Перестань, сочельник не может быть без пудинга.

— Яиц больше нет, а я больше не могу торчать в этой душной кухне.

— Я схожу в магазин. Иди в гостиную, отдохни, я приготовлю пудинг.

Элис прошла в гостиную, ее трясло, но волна дикой злости схлынула, она не могла понять, что испытывает — опустошенность или признательность. Джон, Том, Анна и Чарли беседовали и пили

красное вино. Видимо, кто-то все же нашел штопор. Лидия в пальто и шапочке заглянула в комнату.

— Мам, а сколько яиц покупать?

Январь 2004 года

У нее были веские причины отменить назначенные на утро девятнадцатого января визиты к нейропсихологу и доктору Дэвису. Экзаменационная неделя осеннего семестра в Гарварде выпала на январь, когда студенты вернулись после зимних каникул. Последний экзамен в классе по когнитивизму, который вела Элис, был назначен именно на это утро. Ее присутствие не было так уж важно, но она любила это ощущение на экзамене, когда видишь весь путь, который твои студенты прошли от начала до конца курса. С большой неохотой она договорилась с коллегой о подмене. Но главной причиной было то, что девятнадцатого января тридцать два года назад погибли ее мама и сестра. Элис не считала себя суеверной, как Джон, но никогда в этот день она не получала добрых известий. Она даже попросила администратора назначить визит на какой-нибудь другой день, но выбор был невелик — либо девятнадцатого, либо через четыре недели. И она согласилась. Ждать целый месяц ей совсем не хотелось.

Элис представляла себе студентов, то, как они нервничают и стараются быстро заполнить графы ответов на вопросы в синих экзаменационных книжках. Как они надеются, что краткосрочная память, плотно загруженная знаниями за семестр, их не подведет. Она отлично понимала, что они чувствуют. В это утро ей дали всевозможные нейропсихологические тесты. Тест Струпа, цветные прогрессивные матрицы Равена, ментальная ротация Шепарда, бостонский тест наименований, тест Векслера «WAIS-R» (раздел «Последовательные картинки»), тест зрительной ретенции Бентона, тест Нью-Йоркского университета на семантическую память — все они были ей знакомы. Их разработали для выявления слабых мест во владении языком, кратковременной памяти и логических процессов. Вообще-то она не раз бывала на таких тестах в качестве объективного контроля над работами аспирантов. Но сейчас она не осуществляла контроль, а проходила их сама.

На копирование и повторы, систематизацию и присваивание имен ушло почти два часа. Как и студенты, которых она себе представляла, после тестов Элис почувствовала облегчение и была уверена, что справилась с испытанием. В кабинет доктора Дэвиса ее проводил нейропсихолог. Элис устроилась в одном из кресел, стоявших прямо напротив доктора, который посмотрел на пустое кресло и вздохнул. Он еще не заговорил, а Элис уже поняла, что у нее проблемы.

— Элис, разве мы с вами в прошлый раз не договаривались, что вы придете не одна?

— Договаривались.

— В нашем отделении есть условие: пациент приходит на прием с человеком, который его хорошо знает. Я не смогу вам помочь, если у меня не будет точной картины того, что с вами происходит. А без такого человека я не могу быть уверен, что владею нужной информацией. В следующий раз, Элис, никаких отговорок. Вы согласны?

— Да.

В следующий раз. Облегчение и уверенность, которые появились после того, как она сама оценила свои тесты по нейропсихологии, бесследно исчезли.

— Теперь, когда у меня есть результаты ваших тестов, мы можем двигаться дальше. Я не вижу никаких отклонений в МРТ. Никаких признаков церебрально-сосудистых заболеваний, ни намек на микроинсульт или гидроцефалию. Тут все отлично. Ваши анализ крови и люмбальная пункция также дали отрицательный результат. Я искал диагноз, который подходил бы к вашим симптомам. И теперь мы знаем, что у вас нет ВИЧ, нет рака, вы не страдаете авитаминозом, митохондриальными или другими редкими заболеваниями.

Речь доктора была гладкой, очевидно, ему не первый раз приходилось говорить нечто подобное. То, что у нее нашли, всплывет в самом конце. Элис кивнула, давая понять, что следит за его словами и он может продолжать.

— Что касается внимательности и таких вещей, как абстрактное мышление, пространственное восприятие и плавность речи, то тут ваш процентиль равен девяносто девяти. Но к сожалению, я заметил следующее: у вас непропорциональное относительно вашего возраста ухудшение кратковременной памяти и, соответственно, снижение

уровня активности. Я понял это из вашей собственной оценки проблемы и вашего же описания того, как этот спад влияет на вашу профессиональную деятельность. Кроме того, я лично был тому свидетелем, когда вы не сумели повторить адрес, который я попросил вас запомнить во время нашей последней встречи. И хотя сегодня вы были практически безупречны в большинстве когнитивных областей, но, выполняя две задачи, касающиеся краткосрочной памяти, вы продемонстрировали значительную вариативность. В решении одной из задач ваш процентиль снизился до шестидесяти.

Таким образом, Элис, я прихожу к выводу, что ваше состояние, вероятно, соответствует критериям болезни Альцгеймера.

«Болезнь Альцгеймера».

От этих слов у нее перехватило дыхание. Как он сказал? Элис мысленно повторила слова доктора. «Вероятно». Это дало ей силы дышать и вернуло способность говорить.

— Вероятно. Это значит, что мое состояние может и не соответствовать критериям болезни.

— Нет. Мы используем термин «вероятность» только потому, что в наше время единственный способ поставить диагноз «болезнь Альцгеймера» — это гистология мозговой ткани, для чего требуется либо аутопсия, либо биопсия. Ни то ни другое вам не подходит. Это клинический диагноз. В вашей крови нет протеинов, которые бы указали на этот диагноз, а МРТ покажет нам атрофию мозга только на более поздних этапах болезни.

«Атрофия мозга».

— Но это невозможно, мне всего лишь пятьдесят.

— У вас ранняя болезнь Альцгеймера. Вы правы, мы привыкли к мысли, что это болезнь пожилых, но у десяти процентов больных, кому меньше шестидесяти пяти, диагностирована ранняя форма болезни.

— Чем она отличается от обычной?

— Отличий нет, если не считать, что обычно это передается генетически и проявляется гораздо раньше.

«Передается генетически. Анна, Том, Лидия».

— Но если вы уверены лишь в том, чего у меня нет, как вы можете утверждать, что это Альцгеймер?

— После того, что вы мне рассказали, плюс ваша история болезни и тесты на ориентацию, регистрирование, внимание, речь и воспоминание, я был уверен на девяносто пять процентов. А после того как неврологическое обследование, анализ крови, люмбальная пункция и МРТ ничего не объяснили, отпали последние пять процентов. Я уверен, Элис.

«Элис».

Звук собственного имени проник в каждую ее клетку и, казалось, выбил все молекулы за пределы тела. Элис наблюдала за собой из противоположного угла комнаты.

— И что это значит? — услышала она собственный голос.

— Сейчас в нашем распоряжении есть два препарата для лечения Альцгеймера, и я хочу, чтобы вы их принимали. Первый — арисепт. Он поддерживает холинергическую активность. Второй — наменда. Его одобрили только этой осенью, очень многообещающий препарат. Эти лекарства, конечно, не исцеляют, но могут замедлить прогрессирование симптомов, а мы хотим отвоевать для вас как можно больше времени.

«Время. А сколько времени?»

— Еще я хочу, чтобы вы принимали витамин Е дважды в день, витамин С, детский аспирин и статины — один раз в день. Я не обнаружил у вас факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний, но все, что хорошо для сердца, хорошо для мозга, а мы хотим спасти каждый нейрон и каждый синапс, какие только сможем.

Он записал все это в блокнот с бланками рецептов.

— Элис, кто-нибудь из ваших близких знает, что вы здесь?

Она снова услышала свой голос со стороны:

— Нет.

— Хорошо, но вы кому-нибудь из них расскажите. Мы можем замедлить когнитивный спад, но не можем его остановить или дать ему обратный ход. Для вашей безопасности важно, чтобы кто-то постоянно был рядом с вами и знал, что происходит. Вы расскажете мужу?

Она видела Элис, которая кивнула.

— Хорошо. Тогда вот вам рецепты, принимайте лекарства точно так, как там написано. Позвоните мне, если будут какие-то побочные эффекты. Встретимся через шесть месяцев, а до этого можете звонить

мне или писать по электронной почте по любому вопросу. Еще я бы рекомендовал вам связаться с Дениз Даддарио. Она социальный работник и может оказать вам необходимую поддержку. Через полгода приходите вместе с мужем, и мы посмотрим, как у вас идут дела.

Она пыталась разглядеть что-нибудь в умных глазах доктора. Она ждала. Она начала ощущать свои руки, которые сжимали холодные металлические подлокотники кресла. Это были ее руки. Она не превратилась в бесплотную совокупность молекул в углу врачебного кабинета. Она, Элис Хауленд, сидит в жестком холодном кресле рядом с пустым креслом в кабинете невролога в отделении нарушений памяти Массачусетского главного госпиталя. И ей только что поставили диагноз — болезнь Альцгеймера. Она всматривается в глаза своего доктора и надеется увидеть в них что-то еще, но видит только правду и сожаление.

Девятнадцатое января. В этот день никогда не случилось ничего хорошего.

В своем кабинете, за плотно закрытой дверью, она просматривала анкету ежедневной активности. Эту анкету доктор Дэвис попросил передать Джону. В начале первой страницы жирным шрифтом было напечатано: «Заполняет информант, не пациент».

Слово «информант», закрытая дверь, выпрыгивающее из груди сердце — все это в совокупности порождало чувство вины. Как будто она, завладев секретными документами, скрывалась в столице какого-нибудь восточноевропейского государства, а полицейские машины с мигалками уже мчались по ее следу.

Оценочная шкала активности колебалась от нуля (проблем нет, все как всегда) до трех (серьезное ухудшение, абсолютная зависимость от посторонней помощи). Элис перечитала описание событий напротив оценки «3» и пришла к выводу, что они характеризуют последнюю стадию этой болезни, конец прямой и короткой дороги, на которую ее внезапно вытолкнули в машине без тормозов и руля.

Это был унижительный список.

Отсутствует способность самостоятельно принимать пищу. Не контролирует кишечник и мочевой пузырь. Не способна принимать медикаменты без посторонней помощи. Сопrotивляется уходу. Перестала работать. Существует только в границах дома или

госпиталя. Не способна распоряжаться деньгами. Не выходит из помещения без сопровождения.

Унизительный список, но аналитический ум Элис тотчас скептически соотнес все эти пункты с ее нынешним состоянием. Насколько этот список соответствует прогрессирующей болезни Альцгеймера? И какая его часть описывает состояние преимущественно очень старых людей? Страдают ли восьмидесятилетние старики недержанием мочи оттого, что у них болезнь Альцгеймера, или оттого, что у них восьмидесятилетние мочевые пузыри? Возможно, все эти пункты не относятся к таким, как она, к молодым и физически крепким людям.

Самое худшее перечислялось под заголовком «Коммуникация».

Речь почти неразборчива. Не понимает, что говорят другие люди. Перестала читать. Ничего не пишет. Не пользуется языком.

Все это можно применить к такой, как она. К человеку с болезнью Альцгеймера.

Элис оглядела полки с книгами и периодикой в книжном шкафу, взглянула на стопку непроверенных экзаменационных работ на письменном столе, на входящие письма в электронной почте, на мигающую красную лампочку голосовой почты на телефоне. Подумала о книгах, которые всегда хотела прочитать, тех, что украшали верхнюю полку в ее спальне, она рассчитывала, что у нее еще будет на них время. «Моби Дик». Ее ждали исследования, ненаписанные статьи, лекции, которые она должна была читать или на которых должна была присутствовать. Все, что она любила, вся ее жизнь была связана с языком.

На последних страницах анкеты информанта просили оценить следующие симптомы пациента за последний месяц: бред, галлюцинации, возбужденность, подавленность, тревожность, эйфория, апатия, расторможенность, раздраженность, повторяющиеся двигательные расстройства, нарушение сна, смена вкусовых пристрастий. Элис захотелось самой заполнить все эти графы, чтобы продемонстрировать свою состоятельность и доказать, что доктор Дэвис наверняка ошибается. А потом она вспомнила его слова: «Вы не можете быть источником достоверной информации о том, что с вами происходит». Может быть, но в то же время она вспомнила, что он это

сказал. Интересно, скоро ли наступит время, когда она уже не будет на это способна?

Следовало признать, что ее знания о болезни Альцгеймера были весьма поверхностными. Она знала, что в мозгу больного снижается уровень ацетилхолина — нейромедиатора, необходимого для обучения и запоминания. Еще она знала, что гиппокамп^[16] — структура, по форме напоминающая морской конек, — начинает тонуть в каких-то бляшках и клубках. Вот только что это за бляшки и клубки, она сказать не могла. Элис знала, что аномия — это очередной симптом, и понимала, что однажды наступит день, когда она перестанет узнавать любимые лица мужа, детей, коллег...

И она понимала, что есть кое-что еще. Скрытая от нее омерзительная информация.

Элис набрала в Google «болезнь Альцгеймера». Средний палец застыл над клавишей ввода, и в этот момент два резких удара заставили ее прервать процесс и спрятать «улики». Не потрудившись подать еще какой-нибудь сигнал и не дожидаясь ответа, дверь открыли.

Она боялась, что по ее лицу видно, как она напугана, взволнована и смущена.

— Ты готова? — спросил Джон.

Нет, она не была готова. Если она откроет Джону то, о чем ей сказал доктор Дэвис, если она передаст ему анкету ежедневной активности, все это станет реальностью. Джон превратится в информанта, а она — в умирающую неспособную пациентку. Она не была готова выдать себя. Время еще не пришло.

— Идем, ворота через час закроют, — сказал Джон.

— Да, — отозвалась Элис, — я готова.

Основанное в тысяча восемьсот тридцать первом году как первое кладбище-сад в Америке, Маунт-Оберн превратилось в национальное достояние. Известный на весь мир дендрарий стал последним пристанищем сестры, матери и отца Элис.

Это был первый раз, когда отец, живой или мертвый, присутствовал на годовщине той роковой аварии, и это ее раздражало. Посещение кладбища всегда было личным делом Элис, которое касалось только ее сестры и матери. А теперь он тоже будет присутствовать. Он этого не заслуживал.

Они шли по тисовой аллее в старой части кладбища. Возле семейного места Шелтонов Элис сбавила шаг и перестала смотреть по сторонам. Здесь были похоронены все дети Чарлза и Элизабет: Сьюзи, совсем малышка, возможно мертворожденная, в тысяча восемьсот шестьдесят шестом, Уолтер в возрасте двух лет в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом и пятилетняя Каролин в тысяча восемьсот семьдесят четвертом. Элис набралась мужества и попыталась представить горе Элизабет, мысленно поместив на надгробия имена собственных детей. Ей никогда не удавалось надолго удержать в голове эту кошмарную картину. Новорожденная Анна — затихшая, посиневшая, Том в желтой пижамке — смерть, по всей видимости, наступила в результате какой-то болезни, и Лидия — застывшая и безжизненная после дня раскрашивания в детском саду. Воображение Элис всегда отказывалось поддерживать такого рода фантазии и очень быстро возвращало всех ее детей в реальность.

Последний ребенок Элизабет умер, когда ей было тридцать восемь. Элис задавалась вопросом: пыталась ли она после этого родить? Или уже не могла зачать? Или они с Чарлзом слишком боялись, что придется устанавливать еще одно крохотное надгробие, и стали спать на разных кроватях? Элизабет пережила Чарлза на двадцать лет. Обрела ли она покой под конец жизни?

Молча они прошли к их семейному участку. Простые, как обувные коробки, гранитные надгробия стояли особняком под кроной букового дерева. Энн Лидия Дейли, 1955–1972, Сара Луиза Дейли, 1931–1972, Питер Лукас Дейли, 1932–2003. Бук возвышался над могилами как минимум на сотню футов. Весной, летом и осенью его украшала блестящая зеленая и багряная листва. Но в январе голые черные ветви отбрасывали на могилы длинные изломанные тени, так что бросало в дрожь. Любой режиссер фильмов ужасов залюбовался бы этим деревом в январе.

Они стояли под ним, и Джон держал ее руку в своей. Никто не проронил ни слова. В теплое время года они слышали бы пение птиц, журчание спринклеров,^[17] шум землеройных машин и музыку из приемников в автомобилях. Сегодня тишину на кладбище нарушало только гудение проезжающих за его воротами машин.

О чем думал Джон, когда стоял возле могил ее родных? Она никогда его об этом не спрашивала. Он не был знаком ни с ее мамой,

ни с сестрой, так что вряд ли мог долго о них думать. Может, он думал о собственной смерти и душе? Или о ее смерти и душе? Или о своих родителях и сестрах, которые были живы? Или его мысли ушли совсем в другую сторону и он перебирал в голове детали своих экспериментов, обдумывал занятия или рисовал в воображении предстоящий ужин?

Откуда у нее взялась эта болезнь? «Прочная генетическая связь». Развилась бы у матери болезнь Альцгеймера, если бы она дожила до пятидесяти? Или это был отец?

Когда отец был моложе, он мог выпить чудовищное количество алкоголя и при этом не казаться пьяным. Он притихал, уходил в себя, но всегда оставался достаточно коммуникабельным, чтобы заказать очередную порцию виски или настаивать на том, что он может вести машину. Как в ту ночь, когда за рулем «Бьюика» он съехал с девяносто третьего шоссе и врезался в дерево, убив свою жену и младшую дочь.

Что касается алкоголя, тут его пристрастия никогда не менялись, а вот поведение стало другим лет пятнадцать назад. Он без конца ворчал, перестал следить за собой и не узнавал собственную дочь — Элис считала это следствием того, что алкоголь пропитал его печень и замариновал мозги. Возможно ли, что он жил с непоставленным диагнозом Альцгеймера? Элис не нужны были результаты аутопсии. Все сходилось, и у нее появилась идеальная мишень для проклятий.

«Ну что, папа, ты счастлив? У меня твоя мерзкая ДНК. Ты убьешь всех нас. Каково это — чувствовать, что убил свою семью?»

Постороннему человеку рыдания Элис показались бы естественными, учитывая окружающую обстановку: на кладбище опускается вечер, она стоит у могил родителей и сестры под жутковатым черным букром. Но для Джона это стало полной неожиданностью. После смерти отца в феврале она не проронила ни слезинки, а время залечило раны от потери матери и сестры.

Джон не успокаивал Элис — просто обнял и прижал к себе. Она понимала, что кладбище закроется с минуты на минуту. Понимала, что наверняка заставила нервничать мужа. Что никакие слезы не очистят ее больной мозг. Она уткнулась лицом в шерстяное пальто Джона и рыдала, пока не обессилела.

Джон взял ее лицо в ладони и поцеловал в уголки глаз.

— Эли, ты в порядке?

«Нет, Джон, не в порядке. У меня болезнь Альцгеймера».

Ей даже показалось, что она произнесла это вслух, однако слова остались заперты в ее мозгу — но не из-за каких-то бляшек и клубков. Она просто не могла их выговорить.

Элис представила свое имя на надгробии рядом с могилой сестры. Лучше бы ей умереть, чем потерять рассудок. Она подняла голову и посмотрела в глаза Джона. Он терпеливо ждал ответа. Как сказать ему о своей болезни? Он любил ее ум. Разве он сможет любить ее такой? Она перевела взгляд на памятник Энн.

— Просто у меня был плохой день.

Она бы умерла, но не призналась.

Элис хотела убить себя. Спонтанные мысли о самоубийстве приходили внезапно и одолевали, заставляя забыть обо всем, загоняя в угол. Но она не хотела умирать. Она по-прежнему уважаемый профессор психологии Гарвардского университета. Она еще может читать, писать и использовать ванную по назначению. У нее еще есть время. И она должна рассказать обо всем Джону.

Она сидела на диване, обхватив колени, и у нее было такое чувство, что ее вот-вот вырвет. Джон замер на краешке кресла с подголовником.

— Кто тебе это сказал? — спросил он.

— Доктор Дэвис, невролог из Массачусетского главного госпиталя.

— Невролог. Когда?

— Десять дней назад.

Он отвернулся и стал крутить на пальце обручальное кольцо, будто рассматривая картину на стене. Элис задержала дыхание и ждала, когда он снова на нее посмотрит. Может быть, он уже никогда не будет смотреть на нее как прежде. Она сильнее сжала руками колени.

— Он ошибся, Эли.

— Не ошибся.

— С тобой ничего такого не происходит.

— Нет, происходит. Я стала забывать разные вещи.

— Каждый что-то забывает. Я всегда забываю, куда положил очки. Этот твой доктор тоже скажет, что у меня Альцгеймер?

— То, что происходит со мной, ненормально. Это не просто проблема с очками.

— Хорошо, ты стала забывчивой, но у тебя менопауза, ты испытываешь стресс, смерть отца, вероятно, всколыхнула те чувства, которые ты испытала, потеряв маму и Энн. У тебя, наверное, депрессия.

— Нет у меня никакой депрессии.

— Откуда ты знаешь? Ты клиницист? Тебе надо было поговорить с твоим врачом, а не с этим неврологом.

— Я говорила.

— Расскажи, что именно она сказала.

— Она не считает, что это менопауза или депрессия. На самом деле у нее не было объяснения. Она думала, что я не высыпаюсь, и хотела подождать и встретиться со мной через два месяца.

— Видишь, ты просто не бережешь себя.

— Она не невролог, Джон. Я прекрасно высыпаюсь. И это было в ноябре. Это было два месяца назад, и лучше не стало. Стало хуже.

Элис просила мужа поверить в то, во что сама не хотела верить месяцами. Начала она со случая, о котором он уже знал.

— Помнишь, я не поехала в Чикаго?

— Это могло случиться и со мной, и с любимым из наших знакомых. У нас сумасшедший график.

— У нас всегда был сумасшедший график, но я никогда не забывала сесть на самолет. Я не просто забыла, когда мой рейс, я абсолютно забыла о конференции, на подготовку к которой потратила весь день.

Он ждал. У нее были тайны, о которых он не знал.

— Я забываю слова. Я напрочь забыла тему лекции, пока шла от кабинета к аудитории. В полдень я не могу понять значение слов, которые утром вписала в свой ежедневник.

Она читала его мысли.

«Переутомление. Стресс. Страхи. Нормально, нормально, нормально».

— Я не приготовила пудинг на Рождество, потому что не смогла. Я не смогла вспомнить ни строчки из рецепта. Он просто стерся из памяти, а ведь я готовила этот десерт без рецепта еще с тех пор, как была девчонкой.

Она представляла неопровержимые доказательства против самой себя. Для суда было бы достаточно. Но Джон любил ее.

— Я стояла напротив «Найни» на Гарвард-сквер и не имела ни малейшего представления, в какой стороне мой дом. Не могла понять, где нахожусь.

— Когда это было?

— В сентябре.

Она пробила стену молчания, но не решимость Джона доказать ей, что она здорова.

— И это не все. Я с ужасом думаю о том, что забыла о чем-то и даже не заметила этого.

У Джона изменилось выражение лица, как будто он обнаружил на своих пленках РНК нечто, потенциально имеющее значение, что-то вроде пятен в тесте Роршаха. [\[18\]](#)

— Жена Дэна, — сказал он, больше обращаясь к себе, чем к Элис.

— О чем ты?

Стена дала трещину. Она видела это. Сейчас он все поймет, и от его убежденности не останется и следа.

— Мне надо кое-что почитать, а потом я хочу поговорить с твоим неврологом.

Не глядя на Элис, он встал и пошел в свой кабинет. Она сидела на диване одна, обхватив руками колени, и чувствовала, что ее вот-вот вырвет.

Февраль 2004 года

Пятница:

Принять утренние лекарства V

Собрание факультета, 9.00, комната 545 V

Ответить на e-мейл V

Класс «Мотивации и эмоции», 13.00, Научный центр, аудитория «Б» (лекция «Гомеостаз и манипуляции») V

Встреча с консультантом-генетиком (информация у Джона)

Принять вечерние лекарства

Консультант по генетике Стефани Аарон принимала пациентов отделения нарушений памяти Массачусетского главного госпиталя. У нее были изогнутые дугой брови, от чего лицо казалось очень открытым, и черные волосы до плеч. Она приветствовала их теплой улыбкой.

— Итак, расскажите, почему вы здесь, — начала Стефани.

— Недавно моей жене сказали, что у нее болезнь Альцгеймера, и мы бы хотели, чтобы ее обследовали на предмет мутации генов APP, PS1 и PS2.

Джон сделал свою домашнюю работу. Последние недели он провел, с головой закопавшись в книги по молекулярной этиологии Альцгеймера. Блуждающие протеины, порождаемые этими тремя генами, известны как виновники ранней болезни Альцгеймера.

— Элис, расскажите, чего вы ждете от этих тестов? — спросила Стефани.

— Ну, по-моему, это разумный способ подтвердить мой диагноз. Конечно, есть еще биопсия мозга и аутопсия.

— Вы считаете, что ваш диагноз может быть ошибочным?

— Мы думаем, что это очень даже возможно, — сказал Джон.

— Хорошо, давайте сначала рассмотрим, что будет означать для вас отрицательный ответ. Эти мутации генов проникающие. Если обследование даст положительный результат на мутации APP, PS1 и PS2, я скажу, что это надежное подтверждение вашего диагноза. Но если мы получим отрицательный ответ, все будет сложнее. Мы не сможем уверенно интерпретировать, что это означает. У примерно пятидесяти процентов людей с ранним Альцгеймером нет мутации этих трех генов. Но это не говорит о том, что у них нет этой болезни или что их болезнь не носит генетический характер. Дело в том, что нам пока неизвестно, в каком гене происходит мутация.

— Разве это не десять процентов у людей ее возраста? — спросил Джек.

— Для этой группы процент немного снижен, это правда. Но если результат обследования будет негативным, мы, к сожалению, не сможем уверенно сказать, что у нее нет этой болезни. Есть вероятность, что Элис просто принадлежит к меньшему проценту больных ранним Альцгеймером, у которых мутация проходит в еще не установленном гене.

Это казалось более чем правдоподобно, если прибавить еще и мнение доктора Дэвиса. Элис знала, что Джон все понимает, но он предпочитал интерпретировать это как «у Элис нет Альцгеймера, наша жизнь не разрушена», тогда как Стефани придерживалась противоположного мнения.

— Элис, вы понимаете, что это значит? — спросила она.

Вопрос задел Элис, хотя в такой ситуации он был вполне логичен. Перед ее мысленным взором мелькнул подтекст этого разговора в будущем. Достаточно ли она соображает, чтобы понять суть сказанного? Не слишком ли поврежден ее мозг и расстроено сознание, чтобы осознать информацию? К ней всегда относились с большим уважением. Если ее духовная сила постепенно обернется душевным недугом, что придет на смену уважению? Жалость? Снисходительность? Неловкость?

— Да, — ответила Элис.

— Еще я хотела бы прояснить одну вещь — в случае если результат будет положительный, генетический диагноз ничего не изменит ни в вашем лечении, ни в прогнозах.

— Я понимаю.

— Хорошо. Тогда давайте поговорим о вашей семье. Элис, ваши родители живы?

— Нет. Мама погибла в автокатастрофе, когда ей был сорок один год, отец умер в прошлом году от печеночной недостаточности, ему был семьдесят один год.

— У них не было проблем с памятью? У кого-нибудь находили признаки деменции^[19] или изменения личности?

— С мамой все было в полном порядке. Отец всегда пил. Он был тихий человек, но к старости стал непредсказуем, с ним невозможно было разговаривать. Не думаю, что в последние годы он меня узнавал.

— Его водили на прием к неврологу?

— Нет. Я решила, что все это из-за алкоголизма.

— Когда, вы говорите, начались эти перемены?

— Когда ему было немного за пятьдесят.

— Он был мертвецки пьян каждый день. И умер от цирроза, а не от Альцгеймера, — вмешался Джон.

Элис и Стефани выдержали паузу, мысленно позволив ему думать так, как он хочет.

— У вас есть братья или сестры?

— Моя единственная сестра погибла в автокатастрофе вместе с мамой. Братьев у меня нет.

— Тети, дяди, кузены, бабушки, дедушки?

Элис выложила Стефани все, что знала о болезнях и обстоятельствах смерти своих родственников.

— Хорошо, если у вас нет вопросов, сейчас придет медсестра и возьмет у вас кровь на анализ. Результат будет готов через две недели.

Они ехали по Сторроу-драйв. Элис смотрела в окно — холодно, темно, хотя только полшестого, на набережной Чарлз-ривер ни души: никто не осмелился бросить вызов непогоде. Никаких признаков жизни. Джон выключил приемник. Ничто не отвлекало ее от мыслей о поврежденной ДНК и отмирающих тканях мозга.

— Ответ будет отрицательным, Эли.

— Ну и что? Отрицательный ответ не означает, что у меня этого нет.

— Формально нет, но тогда появляется множество вариантов.

— Например? Ты говорил с доктором Дэвисом. Он уже протестировал меня на все возможные виды деменции.

— Послушай, я считаю, что ты поторопилась обратиться к неврологу. Он рассмотрел набор твоих симптомов и увидел болезнь Альцгеймера. Но это его специальность, что еще он мог увидеть? Помнишь, в прошлом году ты ушибла колено? Если бы ты обратилась к хирургу-ортопеду, он бы увидел порванные связки или изношенность хрящей и захотел тебя оперировать. Он хирург, и хирургическое вмешательство для него — единственное решение. Ты же просто перестала бегать, принимала ибупрофен и через две недели прекрасно уже себя чувствовала. Я считаю, ты переутомилась, менопауза действует на твою нервную систему, и я думаю, у тебя депрессия. Мы справимся, Эли, нам просто надо говорить друг с другом.

С ним трудно было спорить. Маловероятно, что в ее возрасте может быть болезнь Альцгеймера. У нее менопауза, она переутомилась. И возможно, это депрессия. Вот почему она не стала бороться и смирилась с диагнозом. Это совсем на нее не похоже. Наверное, у нее стресс, переутомление, менопауза, упадок сил. Может быть, у нее и нет болезни Альцгеймера.

Среда:
7.00, принять утренние лекарства V
Закончить статью по психоэкономике V
11.00, встреча с Дэном в моем офисе V
12.00, ланч-семинар, комната 700 V
15.00, встреча с консультантом по генетике
(информация у Джона)
20.00, принять медикаменты

Когда они вошли в кабинет, Стефани сидела за столом, но на этот раз не улыбалась.

— Прежде чем мы обсудим результаты обследования, не хотите ли вы освежить в памяти нашу последнюю беседу? — поинтересовалась она.

— Нет, — ответила Элис.

— Вы по-прежнему хотите знать, каковы результаты?

— Да.

— Мне жаль, Элис, но ответ на мутацию PS1 — положительный.

Что ж, вот оно, абсолютное подтверждение, без всяких прикрас и экивоков. Пиллюлю не подсластили. Ей придется подсесть на коктейли заместительной терапии эстрогенами, на ксанакс и прозак и провести следующие шесть месяцев в Каньон-Ранч, отдавая сну по двенадцать часов в день. И это ничего не изменит. У нее болезнь Альцгеймера. Она хотела взглянуть на Джона, но не смогла заставить себя повернуть голову.

— Как мы уже говорили, эта мутация имеет характер аутосомно-доминантного наследования, она связана с развитием болезни Альцгеймера, так что полученный результат соответствует диагнозу, который вам поставили до нашей встречи.

— Какой рейтинг доверия у вашей лаборатории? Что это за лаборатория? — спросил Джон.

— Это лаборатория диагностики «Афина», их позиция — девяносто девять процентов точности при диагностике такого рода мутаций.

— Джон, все верно, — сказала Элис.

Она уже могла смотреть на него. Его худое лицо, обычно жесткое и решительное, показалось ей вялым и каким-то чужим.

— Мне жаль, я знаю, вы оба надеялись найти доказательства, что диагноз неверен, — сказала Стефани.

— Как это отразится на наших детях? — спросила Элис.

— Да, это серьезный вопрос. Сколько им лет?

— От двадцати до тридцати.

— Стало быть, пока мы не можем распознать у них какие-либо симптомы. У каждого из них есть пятьдесят процентов вероятности наследовать эту мутацию. Можно провести пресимптоматические генетические тесты, но тут нужно многое взвесить. Захотят ли они жить с этой информацией? Как это повлияет на их жизнь? Что, если у одного из них положительный результат, а у другого — отрицательный? Как это скажется на их взаимоотношениях? Элис, им вообще известно о вашем диагнозе?

— Нет.

— Вам следует подумать о том, как рассказать им об этом в ближайшее время. Я знаю, это слишком серьезно, чтобы выложить все сразу. Тем более, как я понимаю, вы еще сами не привыкли к этой мысли. Но это прогрессирующая болезнь, вы можете откладывать разговор с детьми, но тогда, возможно, наступит момент, когда вы уже будете не в состоянии объяснить им все так, как сделали бы это сейчас. Или вы бы хотели, чтобы это сделал Джон?

— Нет, мы поговорим с ними, — сказала Элис.

— У кого-нибудь из ваших детей есть дети?

«Анна и Чарли».

— Пока нет, — ответила Элис.

— Если они планируют завести детей, эта информация будет иметь для них очень большое значение. Я собрала кое-какие данные, которые вы можете им передать, если захотите. И еще. Вот моя визитка и визитка терапевта, он специалист по работе с семьями, которые прошли через генетическое обследование. У вас есть ко мне еще какие-нибудь вопросы? Я постараюсь ответить.

— Нет, кажется, все.

— Мне жаль, что я не смогла предоставить вам результаты, на которые вы надеялись.

— Мне тоже.

Никто из них не проронил ни слова. Они сели в машину, Джон заплатил за парковку и вырулил на Сторроу-драйв. Уже вторую неделю дул промозглый ветер, и температура держалась ниже ноля. Непогода разогнала любителей пробежек по домам. Тренажер или ожидание — больше им ничего не остается. Элис терпеть не могла тренажеры. Она ждала, что Джон скажет хоть что-нибудь. Но он не проронил ни слова. Всю дорогу домой он плакал.

Март 2004 года

Элис вскрыла пластиковую упаковку дозатора и высыпала на ладонь семь маленьких синих таблеток, назначенных на понедельник. Джон зачем-то зашел в кухню, но, увидев, что у нее в руке, развернулся на сто восемьдесят градусов и вышел, как будто застал свою мать голой. Он не мог видеть, как она принимает лекарства. Его можно было перебить на полуслове, сбить с мысли, но, если она брала в руки дозатор, он уходил из комнаты. К этому нечего было добавить.

Элис проглотила таблетки в три приема и запила горячим чаем. Для нее эта процедура тоже была не из приятных. Она сидела возле кухонного стола, дула на горячий чай и слушала, как в спальне у нее над головой ходит Джон.

— Что ты ищешь? — крикнула она.

— Ничего, — прокричал он в ответ.

Наверняка очки. После визита к консультанту по генетике он уже месяц не просил ее помочь найти очки или ключи, хотя вычислить самому, где они лежат, было для него непосильной задачей.

Джон быстро прошел в кухню.

— Я могу помочь? — спросила она.

— Нет, все в порядке.

Элис пыталась понять, почему он стал вести себя так независимо. Он не хочет ее загружать, когда ищет потерянные вещи? Или привыкает справляться без нее? Или ему просто неловко просить помощи у человека с Альцгеймером? Элис разглядывала натюрморт с яблоком и персиком на стене, который висел там не меньше десяти лет, пила чай маленькими глотками и слушала, как за спиной Джон перебирает почту на барной стойке.

Он прошел мимо нее в холл. Открылась дверца гардероба в прихожей. Закрылась дверца гардероба в прихожей. Она слышала, как выдвигаются и задвигаются полки тумбочки.

— Ты готова? — позвал Джон.

Элис допила чай и вышла в прихожую. Джон уже был в пальто, очки на макушке, ключи в руке.

— Да, — сказала она и вышла следом за ним.

Начало весны в Кембридже — отвратительное, непредсказуемое время года. На деревьях еще не распустились почки, тюльпанам не хватает ни смелости, ни безрассудства, чтобы вынырнуть из-под снега, покрытого коркой, и древесные лягушки еще не распевают свои песни. Улицы узкие от потемневших снежных заносов. Оттепель к вечеру сменяется похолоданием, и тротуары и дорожки на Гарвард-сквер превращаются в скользкие полосы черного льда. Дата на календаре кажется издевкой — все понимают, что где-то уже наступила весна, люди ходят в рубашках с коротким рукавом, а по утрам их будит щебет дроздов. Но в Кембридже холод даже не думает сдавать позиции. Единственными птицами, чье «пение» слышала Элис, пока они шли к кампусу, были вороны.

Джон согласился каждое утро провожать ее до Гарварда. Она сказала, что боится потеряться. На самом деле ей хотелось вернуть то время, когда утренние прогулки были для них традицией. К несчастью, риск попасть под машину оказался меньше, чем сломать что-нибудь на скользком тротуаре, и они были вынуждены передвигаться гуськом. И в молчании.

Камешек попал Элис в правую туфлю. У нее был выбор: остановиться посреди дороги и вытряхнуть его или потерпеть до кафе «У Джерри». Чтобы вытряхнуть туфлю, пришлось бы балансировать на одной ноге, а другую выставить на холодный воздух. Она решила потерпеть два квартала.

Расположенное на полпути между Гарвард-сквер и Портер-сквер кафе «У Джерри» стало пристанищем для кофеманов задолго до нашествия «Старбакса». Меню оставалось неизменным со времен студенчества Элис: кофе, чай, выпечка и сэндвичи. Только в цены, написанные мелом, периодически вносились поправки, о чем можно было догадаться по белым разводам вокруг цифр и по разнице

почерков в левом и правом столбце меню. Элис в затруднении изучала дощечку с меню за прилавком.

— Доброе утро, Джесс, кофе и булочку с корицей, пожалуйста, — попросил Джон.

— Мне тоже, — сказала Элис.

— Ты же не любишь кофе, — возразил он.

— Нет, люблю.

— Нет, не любишь. Она будет чай с лимоном.

— Я хочу кофе с булочкой.

Джесс взглянула на Джона, ожидая дальнейших возражений, но ему уже расхотелось спорить.

Выйдя на улицу, Элис отпила глоток кофе. Горький неприятный вкус совсем не соответствовал дивному аромату напитка.

— Ну, как тебе кофе? — поинтересовался Джон.

— Чудесно.

По дороге в кампус Элис пила кофе, чтобы не разозлить Джона. Она мечтала поскорее оказаться в своем офисе, где можно будет выбросить стаканчик в мусор. К тому же ей отчаянно хотелось вытряхнуть камешек из туфли.

Туфли сняты, кофе в мусоре. Первым делом Элис открыла почту и увидела письмо от Анны.

Мама, привет!

Мы хотели бы пойти на ужин, но на этой неделе не получится из-за процесса Чарли. Как насчет следующей недели? В какие дни вам с папой удобно? Мы свободны все вечера, кроме среды и пятницы.

Анна

Элис смотрела на насмешливо подмигивающий курсор и пыталась представить слова, которые напишет в ответе на письмо. Преобразование мыслей в устную речь, письменную или в набранный на клавиатуре текст часто требовало от нее определенных усилий и терпения. Она была уже не так уверена в правильном написании слов,

а когда-то ее способности заслужили золотую медаль и похвалы преподавателей.

Зазвонил телефон.

— Привет, мам.

— О, хорошо, что ты позвонила, я как раз собиралась ответить на твое письмо.

— Я не посылала тебе писем.

Не доверяя себе, Элис перечитала письмо на мониторе компьютера.

— Я только что его прочитала. У Чарли на этой неделе процесс...

— Ма, это Лидия.

— О, ты так рано встала?

— Я теперь все время рано встаю. Хотела позвонить вам с папой вчера вечером, но у вас было уже слишком поздно. Я только что получила потрясающую роль в пьесе «Память воды». Режиссер просто необыкновенный. На май запланировано шесть спектаклей. Я думаю, это будет здорово, а с таким режиссером пьеса привлечет большое внимание. Надеюсь, вы с папой приедете и посмотрите?

По восходящей интонации в голосе Лидии и последовавшей паузе Элис поняла, что пришел ее черед говорить, но она еще не могла осознать до конца смысл сказанного. Без визуальных подсказок со стороны собеседника ей было трудно поддерживать разговор по телефону. Слова набегали друг на друга, их смысл внезапно менялся, и Элис было сложно не упустить нить разговора. В написании тоже были свои проблемы, но, поскольку письменный ответ не имел временных рамок, она могла скрывать это от окружающих.

— Если не хочешь приезжать, просто так и скажи, — предложила Лидия.

— Нет, я хочу, но...

— Значит, слишком занята или что-то в этом роде. Я знала, надо было звонить папе.

— Лидия...

— Все нормально, мне пора.

И она повесила трубку. Элис собиралась сказать, что ей надо переговорить с Джоном, что, если он сможет вырваться из лаборатории, она с удовольствием прилетит. Но без него она не решится лететь через всю страну, и ей надо было выдумать какое-то

оправдание. Из страха потеряться вдали от дома она отказалась от переездов: отклонила предложение выступить в Университете Дьюка в следующем месяце, выбросила регистрационную заявку на ежегодную конференцию по лингвистике, в которой после получения диплома всегда принимала участие. Ей хотелось посмотреть игру Лидии, но на этот раз ее присутствие зависело от наличия свободного времени у Джона.

С телефонной трубкой в руке она думала, не попробовать ли перезвонить Лидии, но потом отказалась от этой мысли и повесила трубку. Закрыв ненаписанный ответ на письмо Анны, она открыла новое письмо — для Лидии. В этот день голова у нее плохо соображала, пальцы зависли над клавиатурой. Элис тупо уставилась на мигающий курсор. Ей хотелось присоединить к собственному мозгу пару проводов и получить хороший заряд.

— Ну, давай, — подгоняла она себя.

Сегодня у нее нет времени на Альцгеймера. Надо ответить на письма, написать заявку на грант, провести занятия и присутствовать на семинаре. А в конце дня пробежка. Возможно, это прояснит ей мозги.

Элис вложила в носок листок бумаги с домашним адресом и телефоном. Конечно, если память откажет настолько, что она не сможет вспомнить дорогу домой, она с тем же успехом может забыть, что имеет при себе этот листок с нужной информацией. Тем не менее Элис решила взять его с собой.

Бег переставал оказывать проясняющее воздействие на ее мысли. В последние дни ей казалось, что она физически преследует ответы на нескончаемую череду вопросов. Но как бы быстро она ни бежала, ей было их не догнать.

«Как жить дальше?»

Она принимала лекарства, спала по шесть-семь часов в день и старалась вести обычную жизнь в Гарварде. Она чувствовала себя обманщицей, когда приходила на работу и вела себя так, будто все прекрасно и так будет всегда, будто она профессор, который вовсе не страдает прогрессирующей нейродегенеративной болезнью.

Повседневная профессорская деятельность не требует большой отчетности. У нее не было бухгалтерской книги, она не должна была производить установленное количество изделий или писать

ежедневные отчеты. У нее оставалось право на ошибку, но на сколько ошибок? В конечном счете она все хуже будет справляться со своими обязанностями и опустится до уровня, когда это станет всем заметно и недопустимо. Элис хотела покинуть Гарвард до того, как это произойдет, до того, как пойдут слухи и ее начнут жалеть, но у нее не было гарантий, что она поймет, когда этот момент наступит.

И хотя мысль о том, что она излишне затянет с уходом, была пугающей, мысль о том, чтобы покинуть Гарвард, страшила ее еще больше. Кем она станет, когда перестанет быть профессором психологии в Гарварде?

Надо будет постараться как можно больше времени проводить с Джоном и детьми? Но что это означает? Сидеть рядом с Анной, пока она пишет свои резюме, ходить по пятам за Томом, присутствовать на занятиях Лидии? Как сказать детям, что у каждого из них есть пятьдесят процентов вероятности в будущем пройти через этот ужас? Что, если они станут обвинять ее и возненавидят, как она обвиняла и ненавидела собственного отца?

Очень скоро Джон выйдет на пенсию. Как долго он сможет уделять ей время, не подвергая риску свою карьеру? Сколько она продержится? Два года? Двадцать?

Пусть ранняя болезнь Альцгеймера прогрессирует быстрее, но и люди с таким диагнозом живут гораздо дольше. Это болезнь мозга в относительно молодом и здоровом теле. Она может еще очень долго коптить небо, пока не наступит отвратительный финал.

Она утратит способность самостоятельно есть, разучится говорить, перестанет узнавать Джона и детей. Свернется в позу эмбриона, из-за того что она забудет, как глотать, у нее разовьется пневмония. А Джон, Анна, Том и Лидия решат не лечить ее антибиотиками, и чувство вины прибавится к надежде, что вслед за пневмонией придет нечто, что убьет ее.

Элис остановилась, согнулась пополам, и ее вырвало лазаньей, которую она съела за ланчем. Пройдет еще несколько недель, прежде чем талая вода смоеет ее следы.

Элис точно знала, где находится. Она стояла перед епископальной церковью Всех Святых в нескольких кварталах от собственного дома. Она точно знала, где находится, но еще никогда в жизни не

чувствовала себя такой потерянной. Зазвонили колокола, напомнив ей звон бабушкиных часов. Повинуясь внутреннему порыву, Элис повернула круглую железную ручку на красной двери и вошла в церковь.

Внутри не было ни души. Она почувствовала облегчение, потому что сама не смогла бы толком объяснить, почему здесь оказалась. Ее мама была еврейка, но отец настоял на том, чтобы она и Энн воспитывались в католической вере. Так что ребенком она каждое воскресенье ходила на мессу, причащалась, исповедовалась и прошла конфирмацию. Но так как мама никогда не принимала в этом участия, Элис очень рано стала сомневаться в значении обрядов. Не получив ответы от отца или церкви, она так и не обрела истинной веры.

Свет уличных фонарей проникал внутрь через готические окна с витражными стеклами, и Элис могла разглядеть почти все. На витражах Иисус в красно-белых одеждах представал в образе пастуха или исцелителя, творящего чудеса. Справа от алтаря было написано: «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах».

Большой беды с ней случиться не могло, и она так хотела попросить о помощи. Но кто она такая, чтобы просить помощи у Господа, в существовании которого не уверена, в церкви, о которой ничего не знает? Она нарушила границу чужих владений, неверующая, не заслуживающая помощи.

Элис закрыла глаза, слушала приглушенные, похожие на шорох океанских волн звуки проезжающих где-то вдалеке автомобилей и пыталась открыть свое сознание. Она не могла сказать, как долго просидела на обтянутой бархатом скамье в этой холодной темной церкви в ожидании ответа. Ответа не было, но она не уходила, в надежде, что в церковь забредет священник или прихожанин и поинтересуется, зачем она здесь. Теперь у нее было объяснение. Но никто не пришел.

Она подумала о визитках, которые ей вручили доктор Дэвис и Стефани Аарон. Возможно, стоит обратиться за помощью к социальному работнику или терапевту. Может быть, они ей помогут. А потом пришел простой и ясный ответ.

«Поговори с Джоном».

Она оказалась безоружной перед атакой, которой подверглась, едва ступив на порог дома.

— Где ты была? — спросил Джон.

— Бегала.

— Бегала? Все это время?

— Еще зашла в церковь.

— В церковь? Я не понимаю. Эли, ты не пьешь кофе и не ходишь в церковь.

Она почувствовала в его дыхании запах алкоголя.

— А сегодня зашла.

— Мы собирались поужинать с Бобом и Сарой. Мне пришлось позвонить и отменить ужин. Ты забыла?

Ужин с друзьями. Это было отмечено в ее календаре.

— Забыла. У меня Альцгеймер.

— Если бы ты потерялась, я бы понятия не имел, где тебя искать. Тебе надо постоянно носить с собой сотовый.

— Я не могу брать его на пробежку, у меня нет карманов.

— Тогда примотай его к голове липкой лентой, мне все равно, я не собираюсь проходить через такое всякий раз, когда ты будешь забывать появляться в нужном месте.

Элис прошла за Джоном в гостиную. Он, не глядя на нее, устроился на диване со стаканом в руке. Капли пота у него на лбу были точно такие же, как на запотевшем стакане с виски. Элис помедлила, а потом села к нему на колени и крепко обняла за плечи. Она касалась ладонями его локтей и прижималась щекой к его щеке.

— Мне так жаль, что со мной такое случилось. Мне невыносимо думать о том, к чему это приведет. Невыносимо думать, что когда-нибудь я посмотрю на тебя, посмотрю на это любимое лицо и не узнаю, кто передо мной.

Она провела пальцами по его скулам и подбородку, по морщинам, которые появились от частого смеха. Вытерла пот у него со лба и слезы со щек.

— Когда я думаю об этом, я задыхаюсь, мне нечем дышать. Но мы должны подумать об этом. Я не знаю, когда перестану тебя узнавать. Мы должны поговорить о том, что нас ждет.

Джон поднес стакан ко рту и выпил весь виски до дна, а потом еще несколько капель от тающего льда. Когда он посмотрел на нее, в его глазах были страх и такая глубокая печаль, какой ей еще не приходилось видеть за всю их совместную жизнь.

— Я не знаю, смогу ли.

Апрель 2004 года

Какими бы умными они ни были, им не удалось разработать детальный долгосрочный план. В этой задаче было слишком много неизвестных, и самым главным был вопрос: как быстро будет развиваться болезнь? Шесть лет назад они оба взяли годичный творческий отпуск, чтобы написать книгу «От молекул к разуму». Таким образом, каждый из них сможет уйти в очередной творческий отпуск только через год. Продержится ли она столько? Они остановились на том, что Элис отработает семестр, уклоняясь по возможности от поездок, а лето они проведут на Кейп-Код. Дальше августа они не загадывали.

И еще они решили никому, кроме детей, об этом не рассказывать. Неизбежное саморазоблачение и мучительный разговор должны были состояться как раз в это утро за пасхальным столом с рогаликами, шоколадными яйцами, мексиканской фриттатой и салатом «Мимоза».

Они давно не собирались всей семьей на Пасху. Анна проводила этот уик-энд в Пенсильвании с семьей Чарли, Лидия оставалась в Лос-Анджелесе, а до этого была где-то в Европе, Джон участвовал в конференции в Боулдере. Чтобы уговорить Лидию приехать домой в этом году, потребовалось приложить определенные усилия. Она ссылалась на то, что не может позволить себе улететь из Лос-Анджелеса посреди репетиционного процесса, да и сам перелет — это слишком дорого. Но Джон убедил дочь, что она сможет выкроить пару дней, и оплатил билеты на самолет.

Анна отказалась от «Мимозы» и «Кровавой Мэри» в пользу карамельных яиц, которые она хрумкала, как попкорн, и запивала ледяной водой. Предупредив вопросы о беременности, она начала подробно рассказывать о предстоящей процедуре внутриматочного оплодотворения.

— Мы были на приеме у специалиста в Бригеме, и он все просчитал. Яйцеклетки у меня здоровые, овуляция происходит каждый месяц, у Чарли прекрасная сперма.

— Анна, я не думаю, что кому-то интересно слушать про мою сперму, — остановил ее Чарли.

— Но это правда, и это так несправедливо. Я даже пробовала иглоукалывание, все без толку. Только мигрень прошла. Так что теперь мы, по крайней мере, знаем, что я могу забеременеть. В среду начинаю курс инъекций фолликулостимулирующих гормонов, на следующей неделе сама буду колоть себя каким-то препаратом, который освободит мои яйцеклетки, а потом они оплодотворят меня спермой Чарли.

— Анна, — сказал Чарли.

— Они это сделают, и тогда, будем надеяться, на следующей неделе я буду беременна!

Элис стиснула зубы и постаралась улыбнуться. Симптомы Альцгеймера проявляются только после репродуктивного возраста, когда деформированные гены уже переданы следующему поколению. Что было бы, если бы она знала, что носит этот ген, этот страшный жребий в каждой клетке своего тела? Решилась бы она рожать или стала бы предохраняться? Рискнула бы передать детям свои янтарные глаза, орлиный нос Джона и свой пресенилин-1? Естественно, сейчас она не могла представить свою жизнь без детей. Но до зачатия, до того как она испытала чувство первозданной непостижимой любви, которую они ей подарили? Могла ли она решить, что для всех будет лучше, если она откажется иметь детей? Что решит Анна?

Пришел Том, с извинениями и без своей девушки. Так было даже лучше. Этот разговор предназначался только для членов семьи. Элис даже имени девушки не помнила. Том, очевидно, не хотел остаться без вкусного и прошел напрямик в столовую, после чего вернулся в гостиную с улыбкой на лице и с тарелкой, в которой было всего по чуть-чуть. Он подсел на диван к Лидии. Та сидела с закрытыми глазами, держала в руках сценарий и беззвучно шевелила губами, повторяя роль. Семья в сборе. Время пришло.

— Мы с отцом хотим обсудить с вами нечто очень важное, мы специально ждали момента, когда вы все соберетесь дома.

Она взглянула на Джона. Он кивнул и сжал ее руку в своей.

— Последнее время у меня проблемы с памятью, а в январе мне поставили диагноз — ранний Альцгеймер.

Часы на камине тикали так, как будто кто-то увеличил их громкость. Так они были слышны только в пустом доме. Том замер, не донеся до рта полную вилку фриттаты. Ей следовало подождать, пока он доест свой поздний завтрак.

— Они уверены, что это Альцгеймер? Ты получила повторное заключение? — спросил Том.

— Она прошла генетическое обследование. У нее мутация пресенилина-один, — сказал Джон.

— Аутосомно-доминантное наследование? — уточнил Том.

— Да.

Джон сообщил Тому больше, но только глазами.

— Что это значит? Папа, о чем ты ему сейчас сказал? — спросила Анна.

— Это значит, что у нас пятьдесят шансов из ста получить тот же диагноз, — сказал Том.

— А мой ребенок?

— Ты еще даже не беременна, — сказала Лидия.

— Анна, если у тебя есть мутация, то же будет и у твоих детей. У каждого твоего ребенка будет пятидесятипроцентная вероятность наследовать болезнь Альцгеймера, — сказала Элис.

— И что же нам делать? Надо пройти тесты? — спросила Анна.

— Можете пройти, — ответила Элис.

— О боже, что, если у меня это есть? Тогда и у моего ребенка будет, — сказала Анна.

— Вполне вероятно, что к тому времени, когда наши дети повзрослеют, нужное лекарство будет найдено, — предположил Том.

— Но не к тому времени, когда оно понадобится нам, это ты хочешь сказать? Значит, с моими детьми все будет в порядке, а я превращусь в зомби?

— Анна, хватит! — оборвал ее Джон.

Он побагровел и стиснул челюсти. Десять лет назад он бы отослал Анну в ее комнату, но сейчас только крепче сжал руку Элис и задергал ногой. Многого ему уже было не под силу.

— Извини, — сказала Анна.

— Есть вероятность, что к тому времени, когда вы достигнете моего возраста, уже разработают методы превентивного лечения. Это один из доводов в пользу того, чтобы вы прошли тесты. Если вы их пройдете, то сможете начать лечение до того, как проявятся симптомы, и, будем надеяться, никогда не заболеете, — сказала Элис.

— Мам, а какое лечение они предлагают сейчас? Для тебя? — спросила Лидия.

— Ну, они посадили меня на антиоксиданты, витамины, аспирин, статины и парочку нейротрансмиттеров.

— Это поможет остановить развитие болезни?

— Может быть, на какое-то время, на самом деле они не знают точно.

— А клинические исследования? — спросил Том.

— Я сейчас этим занимаюсь, — сказал Джон.

Он начал рассказывать о клиницистах и ученых Бостона, которые изучают этимологию болезни Альцгеймера. У них появились относительные перспективы в клинической терапии. Джон не был неврологом, он был биологом и занимался раковыми клетками, но ему было несложно понять, что пораженные клетки в другой системе могут впасть в состояние амока. Они с Томом разговаривали на одном языке: рецепторное связывание, фосфорилирование, транскрипционное регулирование, клатрин, секретаза. Принадлежность к Гарварду, как членский билет в элитный клуб, мгновенно располагала к Джону самые уважаемые умы бостонского научного сообщества, исследующего болезнь Альцгеймера. Если бы лучший способ лечения существовал или был на подходе, Джон нашел бы его для Элис.

— Но, мам, с виду у тебя все отлично. Должно быть, они действительно обнаружили это на очень ранней стадии. Я даже ничего такого не замечал, — сказал Том.

— Я замечала, — сказала Лидия. — Болезнь Альцгеймера я, конечно, не подозревала, но видела, что что-то не так.

— То есть?

— Например, иногда по телефону мама говорила какую-то несуразицу и часто повторялась. Или забывала, о чем я с ней говорила каких-то пять минут назад. И она забыла, как готовить рождественский пудинг.

— Как давно ты начала это замечать? — спросил Джон.

— Ну, год точно.

Сама Элис не могла проследить цепочку событий такой давности, но Лидии она верила. И еще она почувствовала, что Джон принижен.

— Если у меня это есть, я должна об этом знать. Я хочу пройти тесты. А вы, ребята? — спросила Анна.

— Я считаю, жить в неведении хуже, чем знать, пусть даже у меня это есть, — ответил Том.

Лидия закрыла глаза. Все ждали. Элис даже пришла в голову абсурдная мысль, что ее дочь снова начала учить роль или заснула. После неловкой паузы Лидия открыла глаза и сообщила о своем решении:

— Я знать не хочу.

Она всегда все делала не так, как все.

В Уильям-Джеймс-Холле было на удивление тихо. Обычная болтовня студентов, вопросы, споры, шутки, жалобы, похвальба, флирт — все стихло. Подготовка к весенней сессии стремительно загоняла студентов в их комнаты в общежитии и в библиотечные залы, но она должна была начаться только через неделю. По расписанию многие студенты, изучавшие когнитивную психологию, должны были провести один день в Чарлз-тауне, исследуя функциональное отображение магнитного резонанса. Возможно, это был именно такой день.

Какой бы ни была причина, Элис обрадовалась возможности спокойно поработать. По пути в офис она решила не заходить в кафе «У Джерри» и теперь жалела об этом. Кофеин пошел бы ей на пользу. Она просмотрела статьи в «Лингвистике джорнал», сравнила результаты последних экзаменов, ответила на письма. И все это время ей не помешали ни стук в дверь, ни телефонный звонок.

Элис так и забыла зайти в кафе, но поняла это, только когда оказалась дома. Чаю по-прежнему хотелось, поэтому она прошла в кухню и поставила чайник на плиту. Часы на микроволновке показывали четыре двадцать две утра.

Она посмотрела в окно и увидела в черном стекле свое отражение. На ней была ночная рубашка.

Привет, мам!

ЭКО не помогло. Я не беременна. Это меня расстроило, но не так, как я предполагала (а Чарли, кажется, даже рад). Будем надеяться, что другой тест тоже окажется отрицательным. Визит назначен

на завтра. Мы с Томом сразу к вам заедем и сообщим о результатах.

Люблю,

Анна.

По расчетам Элис, они должны были приехать около часа назад, и их шансы на отрицательный результат уменьшались с каждой минутой ожидания. Если бы все было в порядке, визит был бы коротким — «у вас все прекрасно» и «спасибо вам большое» — и на выход. Может быть, Стефани сегодня задержалась. Может, Анна и Том провели в комнате ожидания больше времени, чем мысленно отвела им Элис.

Шансы уменьшились до бесконечно малых величин, когда они вошли наконец в дом. Если бы тесты ничего не показали, они бы сообщили об этом с порога или это было бы заметно по их возбужденным радостным лицам. Но они сумели как ни в чем не бывало пройти в гостиную, оттягивая решающий момент, когда придется сообщить ужасную правду, которую они, несомненно, уже знали.

Они сели рядом на диван. Том слева, Анна справа. Так они устраивались на заднем сиденье в машине, когда были маленькие. Том был левша и любил сидеть у окна, Анна была правша и не возражала против серединки. Сейчас они сидели ближе, чем когда-либо, и, когда Том потянулся и взял Анну за руку, она не закричала: «Ма-а-ам, Томми меня трогает!»

— У меня нет мутации, — сказал Том.

— А у меня есть, — сказала Анна.

Элис помнила, какое райское блаженство испытала она, когда родился Том. Потребовалось двадцать шесть лет, чтобы блаженство превратилось в адскую муку. Элис не выдержала и расплакалась.

— Мне жаль, — сказала она.

— Все будет хорошо, мама. Ты сама говорила, скоро найдут способ превентивного лечения, — отозвалась Анна.

Когда Элис думала об этом потом, ее поразила парадоксальность ситуации. Анна, по крайней мере внешне, казалась ей сильнее других. Элис успокаивала ее, но не удивилась. Анна больше других детей взяла от матери: волосы, цвет кожи, темперамент... и пресенилин-1.

— Я хочу продолжить. Я уже говорила с моим врачом, они проведут предимплантационную диагностику. Протестируют каждую клетку каждого эмбриона и имплантируют того, который окажется без мутации. Так что мы будем абсолютно уверены, что у моих детей никогда этого не будет.

Это была по-настоящему хорошая новость. Но пока все ее обсуждали, Элис ощутила ложку дегтя в бочке меда. Хотя она и винила во всем себя, но завидовала дочери. У Анны была возможность сделать то, что не могла сделать она. Анна могла уберечь своих детей от беды. Ей никогда не придется сидеть напротив и видеть, как ее первый ребенок пытается осознать, что со временем у нее разовьется болезнь Альцгеймера. Элис жалела, что ей не были доступны возможности репродуктивной медицины. Но тогда эмбрион, который со временем превратился в Анну, оказался бы в числе забракованных.

По мнению Стефани Аарон, Том был в полном порядке, но он так не выглядел. Бледный и обессиленный, он был просто потрясен. Элис казалось, что отрицательный результат будет облегчением для любого из детей. Но они были семьей, их связывала общая жизнь, ДНК и любовь друг к другу. Анна была старшей сестрой Тома. Она научила его надувать пузыри из жевательной резинки и всегда угощала его конфетами на Хеллоуин.

— Кто скажет Лидии? — спросил Том.

— Я скажу, — ответила Анна.

Май 2004 года

После того как ей поставили диагноз, Элис подумывала изучить его как следует, но не стала этим заниматься. Гадание по печени, гороскопы, карты Таро и прочее были ей неинтересны. Она не торопилась заглядывать в будущее, хотя каждый день приближал ее к нему. В то утро не произошло ничего особенного, что разожгло бы ее любопытство или наделило мужеством, чтобы посетить медицинский центр по уходу и реабилитации на Маунт-Оберн. Но она это сделала.

В холле ее ничто не смутило. Акварель с видом океана на стене, блеклый восточный ковер на полу, а за столом, который стоял под углом к парадной двери, сидела женщина с густо покрашенными ресницами и коротко подстриженными черными волосами. Если бы не

слабый запах лекарств, отсутствие багажа, консьержа и движения на вход и выход, можно было подумать, что это холл какой-нибудь гостиницы. Люди, которые здесь жили, были не гостями, а постоянными жильцами.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила женщина.

— Мм, да. Вы здесь ухаживаете за людьми с болезнью Альцгеймера?

— Да, у нас есть отделение, специально предназначенное для пациентов с этой болезнью. Хотите взглянуть?

— Да.

Она прошла за женщиной к лифтам.

— Подыскиваете место для кого-то из родителей?

— Да, — солгала Элис.

Они ждали. Лифты, как и большинство людей, которых они перевозили, были старые, с замедленной реакцией.

— Чудесное кольцо, — заметила женщина.

— Спасибо.

Элис потянулась к груди и погладила крылья бабочки с синими камнями на колье в стиле ар-нуво. Колье принадлежало ее матери, которая надевала его только на юбилей или на свадьбу, и Элис тоже приберегала украшение для особых случаев. Но никаких событий на календаре не значилось, а она любила это кольцо, поэтому как-то раз, в конце прошлого месяца, надела его с джинсами и футболкой. Ансамбль смотрелся великолепно.

К тому же она любила, когда ей что-то напоминало о бабочках. Когда Элис было шесть или семь лет, она узнала, что бабочки живут всего несколько дней. Она сидела во дворе и оплакивала их судьбу. Мама успокаивала Элис, говорила, что не надо жалеть бабочек, потому что короткая жизнь не означает, что они несчастливы. Стоял теплый летний день, они наблюдали за бабочками, порхающими над маргаритками, и мама сказала: «Посмотри, они счастливы».

Элис любила вспоминать этот день.

Они вышли из лифта на третьем этаже, прошли по длинному, устланному ковровым коридору мимо безликих двустворчатых дверей и остановились. Женщина указала на двери, которые автоматически закрылись у них за спиной.

— Специальное отделение по уходу за больными Альцгеймером у нас закрывается. Если вы не знаете кода, то не сможете сюда пройти.

Элис взглянула на панель с кнопками у двери. Цифры были перевернуты и шли в обратном порядке, справа налево.

— А почему цифры так расположены?

— О, это для того, чтобы пациенты не могли выучить и запомнить код.

Это показалось Элис излишней мерой предосторожности.

«Если они могут запомнить код, им нет смысла здесь находиться».

— Не знаю, прошли ли вы через это с вашими родителями, но больные Альцгеймером часто блуждают по ночам. У нас разрешается гулять по отделению в любое время суток, но так, чтобы это было безопасно и без риска заблудиться. Мы не даем им транквилизаторы и не запираем на ночь в комнатах. Стараемся предоставить как можно больше свободы и независимости. Это, как вам известно, очень важно и для них, и для их родных.

Маленькая седая женщина в домашнем халате в розовый и зеленый цветочек преградила путь Элис.

— Ты не моя дочь.

— Да, простите, не ваша.

— Верни мои деньги!

— Она не брала ваши деньги, Эвелин. Ваши деньги у вас в комнате. Посмотрите в верхнем ящике комода, думаю, вы положили их туда.

Женщина с подозрением и неприязнью разглядывала Элис, но потом все-таки последовала совету и побрела в свою комнату, шаркая грязно-белыми махровыми шлепанцами.

— У нее есть двадцатидолларовая банкнота, она ее постоянно прячет, потому что боится, что кто-нибудь украдет. Потом, конечно, забывает, куда спрятала, и начинает всех обвинять в воровстве. Мы пытались уговорить ее потратить эти деньги или положить в банк, но она не хочет. Когда-нибудь она забудет о своей банкноте, и на этом все кончится.

Освободившись от параноидального преследования Эвелин, они беспрепятственно дошли до комнаты отдыха в конце коридора. Там пожилые люди сидели за ланчем за круглыми столиками. Вглядевшись, Элис поняла, что здесь одни женщины.

— В отделении всего трое мужчин?

— Вообще-то всего два из тридцати двух пациентов. Гарольд приходит каждый день, чтобы позавтракать или пообедать с женой.

Вероятно, руководствуясь правилами из далекого детства, два старика с болезнью Альцгеймера сидели за отдельным столиком. Пациенты гуляли в проходах.

Многие женщины были в креслах-каталках. Почти у всех — жиденькие седые волосы и провалившиеся глаза, увеличенные толстыми линзами очков, и все очень медленно пережевывали пищу. Никаких разговоров. Даже между Гарольдом и его женой. Единственные звуки, кроме тех, что сопровождают поглощение пищи, издавала одна женщина — она пела за едой. Ее будто заело на первой строке песни Бинга Кросби «By the Light of the Silvery Moon». Никто не протестовал и не аплодировал.

By the light of the silvery moon.

— Как вы, должно быть, догадались, это наша столовая и комната для занятий. Пациенты здесь завтракают, обедают и ужинают в строго определенное время. Очень важно следовать распорядку. Здесь же они занимаются разными делами. Кегли, настольные игры, танцы, музыка, поделки. Сегодня утром они мастерили милые скворечники. У нас есть сотрудники, которые ежедневно читают свежие газеты, чтобы пациенты были в курсе событий.

By the light...

— У них есть масса возможностей поддерживать тело и мозг в деятельном состоянии.

...of the silvery moon.

— А родные и друзья всегда могут прийти к нам и разделить с ними досуг или пообедать.

Кроме Гарольда, по наблюдениям Элис, в комнате больше не было родственников. Ни мужей, ни жен, ни детей, ни внуков, ни друзей.

— Также у нас есть высококвалифицированные сотрудники, которые могут предоставить дополнительный уход любому из наших пациентов.

By the light of the silvery moon.

— У вас есть пациенты младше шестидесяти лет?

— О нет, думаю, самому молодому семьдесят. Средний возраст — восемьдесят два, восемьдесят три. Больной Альцгеймером младше шестидесяти — большая редкость.

«Такой больной как раз сейчас стоит перед вами, леди».

By the light of the silvery moon.

— Сколько все это стоит?

— Я могу предоставить вам полную информацию, но в январе содержание в специальном отделении для пациентов с болезнью Альцгеймера составляло двести восемьдесят пять долларов в день.

Элис произвела в уме грубый математический подсчет. Около ста тысяч долларов в год. Умножить эту сумму на пять, десять, двадцать лет.

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

By the light...

— Нет, спасибо.

Элис прошла за своим гидом обратно к запертым двустворчатым дверям и стала наблюдать, как та набирает код.

Ноль, семь, девять, один, девять, два, пять.

Это место не для нее.

Был очень редкий для Кембриджа день. Сказка, о которой мечтают жители Новой Англии и в которой из года в год

разочаровываются, — солнечный весенний день, семьдесят градусов по Фаренгейту. Небо синее, как раскрашенное, плащ точно не понадобится. Такой день нельзя просиживать в офисе, особенно если у тебя болезнь Альцгеймера.

Она удалилась от парка на пару кварталов и, дрожа от радостного возбуждения, как школьница, сбежавшая с уроков, вошла в «Бен энд Джерриз».

— Мне тройную порцию арахисового в рожке, пожалуйста, — сказала она.

«Черт, я же на липиторе».^[20]

Она разглядывала гигантский рожок, словно это была статуэтка «Оскара», потом оставила сдачу в кувшине «Мелочь для колледжа» и продолжила путь к Чарлз-ривер.

Много лет назад она перешла на замороженный йогурт, теоретически более здоровый продукт, и совсем забыла, каким может быть мороженое и какое удовольствие оно может доставить. Элис лизала его на ходу и думала о том, что видела в медицинском центре на Маунт-Оберн. Ей нужен план получше, без игр в настольные игры с Эвелин в центре по уходу и реабилитации. Джон не должен тратить целое состояние на то, чтобы поддерживать достойное существование женщины, которая перестала его узнавать и, что самое главное, которую перестал узнавать он. Элис не хотела жить в мире, где финансовое и эмоциональное бремя перевешивает все радости жизни.

Она совершала ошибки и старалась их исправлять, но при этом отлично понимала, что ее IQ неизменно приближается к среднему уровню. Но люди со средним IQ не убивают себя. Ну, пожалуй, убивают, только причина не имеет отношения к IQ.

Несмотря на усиливающуюся потерю памяти, ее мозг все еще прекрасно справлялся с самыми разными задачами. Например, в эту самую минуту она ела мороженое, и ни одна капля не упала ей на руку и не стекла по рожку. Она не задумываясь применяла прием «лизни — поверни», который усвоила еще в детстве и который, вероятно, отложился в подсознании где-то рядом с навыками, как ездить на велосипеде или зашнуровывать ботинки. Элис сошла с тротуара и начала переходить дорогу, а ее мозг тем временем решал сложное математическое уравнение: как переместить тело на противоположную сторону улицы, не споткнуться и не попасть под машину. Она уловила

сладкий запах нарциссов, порыв ветра донес до нее аромат карри из индийского рестораника за углом. Она лизала мороженое, смаковала вкус шоколада и арахисового масла, убеждаясь, что зоны мозга, отвечающие за наслаждение, отлично работают — те самые, которые необходимы, чтобы получать удовольствие от секса или бутылки хорошего вина.

Но наступит момент, когда она забудет, как есть мороженое, зашнуровывать ботинки и переходить улицу. В какой-то момент нейроны удовольствия будут уничтожены агрегированными амилоидами, и она больше не сможет радоваться жизни. В какой-то момент уже не будет никаких моментов.

Она бы предпочла, чтобы у нее был рак. Не моргнув глазом, она бы поменяла Альцгеймера на рак. Ей было стыдно, тем более что торг в этом случае был неуместен, но она все равно дала волю фантазии. Если бы у нее был рак, ей было бы с чем бороться. Есть хирургия, радиация, химиотерапия. С таким оружием у нее был бы шанс победить. Ее семья и гарвардское сообщество встали бы на ее сторону и сочли бы эту борьбу благородной. И даже если б она в итоге проиграла, то смогла бы в полном сознании посмотреть им в глаза и попрощаться, перед тем как покинуть этот мир.

Болезнь Альцгеймера — совсем другой зверь. Против него нет оружия. Принимать арисепт и наменду — все равно что стрелять из дырявого водяного пистолета по огню. Джон продолжал выяснять в клиниках, нет ли у них каких-то новых препаратов, но она сомневалась, что какие-то из них могут внести ощутимые перемены в ее жизнь, иначе он бы уже названивал доктору Дэвису и требовал, чтобы ей выписали что-то еще. Сейчас для всех, у кого болезнь Альцгеймера, будь то пациент медицинского центра на Маунт-Оберн или профессор психологии Гарвардского университета, исход один. Все мы сгорим. Никто не уцелеет.

Если облысевшая голова и бинты могут стать символом мужества и надежды, то ее ограниченный словарный запас и пропадающая память говорят о психической нестабильности и неизбежном слабоумии. Больные раком могут рассчитывать на поддержку своего окружения. Элис предстояло стать парией. Даже благожелательно настроенные и высокообразованные люди опасаются умственно

отсталых и предпочитают держаться от них на расстоянии. Она не хотела стать тем, кого бояться и избегают.

У нее Альцгеймер. В борьбе с этой болезнью она может рассчитывать только на два малоэффективных препарата и не сможет поменять свою болезнь на какую-нибудь излечимую — это факты. Остается вопрос: чего же она хочет? Если доказано, что ЭКО приносит результаты, она хочет жить, чтобы подержать на руках ребенка Анны и понимать, что это ее внук. Она хочет увидеть Лидию в какой-нибудь достойной роли. Увидеть, как влюбится Том. Провести еще один творческий отпуск с Джоном. Прочитать все книги, какие только сможет, пока не разучилась читать.

Элис немного посмеялась над своим открытием. Это был сюрприз. В списке ее желаний ни один пункт не имел отношения ни к лингвистике, ни к преподаванию, ни к Гарварду. Она доела последний кусочек рожка от мороженого. Ей хотелось больше солнечных теплых дней и рожков с мороженым.

А когда ее бремя перевесит удовольствие от мороженого, она предпочтет умереть. Но хватит ли у нее — в буквальном смысле — ума, чтобы понять, что рубеж перейден? Ее беспокоило, что в будущем она не сможет ни вспомнить, ни осуществить свой план. Просить Джона или детей помочь выполнить его тем или иным способом у нее нет права. Она никогда не предложит им такой выбор.

Ей нужен план самоубийства, которое она сможет совершить в будущем. Для этого надо было разработать тест самопроверки на каждый день. Она думала о вопросах, которые ей задавали доктор Дэвис и невролог и на которые она уже в декабре не смогла ответить. Думала о том, чего все еще хочет от жизни. Она готова жить с серьезными провалами в кратковременной памяти. Для этого совсем не нужен блестящий интеллект.

Элис достала свой «блэкберри» из светло-голубой сумки от «Анны Уильям» — подарок Лидии на день рождения. Эта сумка стала для нее обязательным аксессуаром, как платиновое обручальное кольцо и часы для бега. Сумка отлично смотрелась в ансамбле с колье в виде бабочки. В ней Элис хранила мобильник, «блэкберри» и ключи, снимая сумку с плеча, только когда ложилась спать.

Она напечатала:

Элис, ответь на следующие вопросы:

1. Какой сейчас месяц?
2. Где ты живешь?
3. Где находится твой офис?
4. Когда день рождения Анны?
5. Сколько у тебя детей?

Если у тебя возникнут проблемы с ответом на любой из этих вопросов, открой в своем компьютере файл «Бабочка» и немедленно выполни инструкции.

Потом она включила вибровызов напоминания на восемь утра каждого дня без конечной даты. Элис понимала, что, несмотря на простоту, ее план несовершенен, и просто надеялась, что откроет «блэкберри» до того, как перестанет понимать, что это такое.

Элис почти вбежала в аудиторию, так как была уверена, что опоздала, но там ничего не происходило. Она заняла место в четвертом ряду справа. Несколько студентов просочились в аудиторию через заднюю дверь, но большинство уже заняли свои места. Она взглянула на часы. Десять ноль пять. Часы на стене этому не противоречили. Ситуация показалась ей необычной. Она не сидела без дела, просмотрела учебный план, пробежалась по своим записям с последнего занятия и составила список дел на остаток дня:

Лаборатории
Семинар
Пробежка
Последняя проверка

Десять минут одиннадцатого. Она выстукивала авторучкой мотив «My Sharona».

По аудитории прокатилась волна беспокойства. Студенты сверялись со своими записями и часами на стене, перелистывали учебники, загружали лэптопы, кликали и что-то набирали. Допивали кофе. Шуршали обертками от шоколадок, чипсов и прочих снеков. Жевали колпачки авторучек и ногти. Разворачивались на сто восемьдесят градусов, чтобы увидеть, что происходит в конце

аудитории, переговаривались с приятелями на соседних рядах, поднимали брови и пожимали плечами. Шептались и хихикали.

— Может, сегодня будет читать приглашенный лектор, — предположила девушка, которая сидела в двух рядах за спиной Элис.

Элис снова открыла свой план лекций на тему «Мотивации и эмоции». Четвертое мая, вторник, «Стресс, беспомощность и контроль» (главы 12 и 14). О приглашенном лекторе ни слова. Атмосфера в аудитории трансформировалась из ожидания в нервозность. Студенты напоминали зерна кукурузы на раскаленном противне. Стоит одному взорваться, остальные не заставят себя ждать, но никто не знает, кто станет первым и когда. Формальное правило Гарварда гласило: студенты должны ждать опаздывающего профессора двадцать минут, после чего занятия считаются официально отмененными. Элис не побоялась стать первой, она захлопнула блокнот, закрыла авторучку и бросила все в сумку. 10.21. Достаточно.

Развернувшись, чтобы уходить, она взглянула на четырех студенток, которые сидели у нее за спиной. Девушки улыбнулись в ответ, видимо, они были ей благодарны за то, что она сняла напряжение и подарила им свободу. Элис подняла руку и в качестве неопровержимого доказательства своей правоты продемонстрировала запястье с часами.

— Не знаю, как вы, ребята, а у меня есть дела поинтереснее.

Она поднялась по ступенькам и, ни разу не оглянувшись, вышла из аудитории через задние двери.

Она сидела в своем офисе и наблюдала за сверкающим на солнце потоком машин, которые ползли в час пик по Мемориал-драйв. Бедро ощутило вибрацию. Восемь часов утра. Она вытащила «блэкберри» из голубой сумки.

Элис, ответь на вопросы:

1. Какой сейчас месяц?
2. Где ты живешь?
3. Где находится твой офис?
4. Когда день рождения Анны?
5. Сколько у тебя детей?

Если у тебя возникнут проблемы с ответом на любой из этих вопросов, открой на своем

компьютере файл «Бабочка» и немедленно выполни инструкции.

Май
34 Поплар-стрит, Кембридж,
МА 02138 Уильям-Джеймс-Холл,
комната 1002
14 сентября 1976 года Трое

Июнь 2004 года

Несомненно, старая женщина с ярко-розовыми ногтями и губами щекочет девочку лет пяти, наверное внучку. У обоих очень довольный вид. Рекламное объявление гласит: «Один смеющийся животик = один прописанный препарат против Альцгеймера». Элис листала журнал «Бостон», но на этой странице застопорилась. Ненависть к женщине с картинки заполнила ее, как расплавленный свинец. Она разглядывала картинку и надпись и ждала, когда ее мозг ухватится за то, что ее так зацепило. Но прежде чем она успела понять, почему испытывает острую неприязнь к женщине из журнала, доктор Мойер открыла дверь в приемную.

— Итак, Элис, насколько я понимаю, у вас возникли некоторые проблемы со сном. Расскажите об этом.

— Мне нужно больше часа, чтобы заснуть, но через два часа я просыпаюсь, и все начинается сначала.

— Вас бросает в жар? Вы испытываете физический дискомфорт во сне?

— Нет.

— Какие лекарства вы принимаете?

— Арисепт, наменда, липитор, витамины С и Е и аспирин.

— Что ж, бессонница может быть побочным эффектом арисепта.

— Это верно, но я не собираюсь от него отказываться.

— Расскажите, что вы делаете, когда не можете заснуть.

— Обычно лежу в постели и нервничаю. Я знаю, что будет еще хуже, но не знаю когда. Я боюсь, что могу заснуть, а когда проснусь утром, не буду знать, где я, кто я и что должна делать. Я понимаю, что

это нерационально, но все время думаю о том, что Альцгеймер убивает клетки моего мозга, только когда я сплю. А когда бодрствую, я как бы на посту и остаюсь прежней. Я понимаю, что все это не дает мне заснуть, но ничего не могу с этим поделать. Я нервничаю, потому что не могу заснуть, а с другой стороны, я не могу заснуть, потому что нервничаю. У меня даже нет сил рассказывать вам об этом.

Только часть из сказанного было правдой. Она действительно нервничала. Но спала как младенец.

— У вас бывает такое же нервное напряжение в другое время суток? — спросила доктор Мойер.

— Нет.

— Я пропишу вам SSRI.

— Я не хочу привыкать к антидепрессантам. У меня нет депрессии.

Правда заключалась в том, что она действительно была немного подавлена. У нее нашли роковую, неизлечимую болезнь. У ее дочери тоже. Она практически перестала путешествовать, ее лекции, когда-то увлекательные, стали невыносимо скучными, и даже в те редкие минуты, когда Джон был дома, казалось, он где-то за тысячу миль. Так что — да, ей немного грустно. Но это естественная реакция на ситуацию, а не повод прибавить к ее ежедневному рациону еще один препарат с побочными эффектами. И пришла она сюда совсем не за этим.

— Можем попробовать ресторил, по одной таблетке перед сном. Это поможет вам быстро заснуть, длительность сна будет примерно шесть часов, а утром вы не будете чувствовать себя вялой.

— Я бы хотела более сильный препарат.

Последовала долгая пауза.

— Было бы хорошо, если бы на нашу следующую встречу вы пришли вместе с мужем, тогда мы и поговорим о более сильных препаратах.

— Это не касается моего мужа. У меня нет депрессии, я не отчаялась, я понимаю, о чем прошу, Тамара.

Доктор Мойер внимательно изучала ее лицо. А Элис — ее. Обеим было за сорок, еще не старые, обе замужем, с образованием. Элис не знала, какой политики придерживается ее врач. При необходимости она была готова обратиться к другому специалисту. Деменция

прогрессировала, она не могла позволить себе ждать дольше. Она может забыть.

У нее был отрепетирован еще один диалог, но он не понадобился: доктор Мойер достала блокнот с бланками рецептов и начала писать.

Она снова была в маленькой комнате для проведения тестов с неврологом Сарой Такой-то. Сара секунду назад представилась во второй раз, но Элис тут же забыла ее фамилию. Плохой знак. Комната, однако, была точно такая же, какой она запомнила ее в январе: тесная, стерильная и безликая. Стол с компьютером «Аймаке», два стула из кафетерия и металлический шкаф для папок. Больше ничего. Ни окон, ни комнатных растений, ни картин, ни календарей. Ничего лишнего, никаких подсказок, никаких ассоциаций.

Сара Такая-то начала с вопросов, которые звучали как начало обычного собеседования.

— Элис, сколько вам лет?

— Пятьдесят.

— Когда вам исполнилось пятьдесят?

— Одиннадцатого октября.

— Какое сейчас время года?

— Весна, но уже чувствуется, что лето на подходе.

— Я знаю, сегодня жарко. А где мы сейчас находимся?

— В отделении нарушений памяти Массачусетского главного госпиталя в Бостоне, штат Массачусетс.

— Вы можете перечислить предметы, изображенные на этой картинке?

— Книга, телефон, лошадь, машина.

— А что это у меня на блузке?

— Кнопка.

— А на пальце?

— Кольцо.

— Вы можете произнести по буквам слово «вода» в обратном порядке?

— А-д-о-в.

— И повторите, пожалуйста, за мной следующее: кто, что, когда, где, почему.

— Кто, что, когда, где, почему.

— Вы можете поднять левую руку, закрыть глаза и открыть рот?
Она смогла.

— Элис, какие предметы были на картинке, которую я вам показывала?

— Лошадь, машина, телефон, книга.

— Замечательно. А теперь напишите что-нибудь вот здесь.

Я не могу поверить, что когда-нибудь не смогу это сделать.

— Замечательно. А теперь за минуту назовите, сколько сможете, слов на букву «в».

— Вспомнить, всегда, весело, враг, выжить, верх, вдуть. — Она рассмеялась. — Простите за последнее.

«Простите — на „п“».

— Все нормально, я часто такое слышу.

Элис стало интересно, сколько слов она бы оттарабанила год назад и сколько слов в минуту считается нормой.

— Теперь овощи. Перечислите как можно больше.

— Аспарагус, брокколи, цветная капуста. Лук-порей, репчатый лук. Перец. Не знаю, больше ничего не могу придумать.

— И последнее — четвероногие животные.

— Собаки, кошки, львы, тигры, медведи. Зебры, жирафы. Газели.

— А сейчас прочитайте, пожалуйста, вслух это предложение.

Сара Такая-то подала ей листок бумаги.

— «Во вторник, второго июля, в Санта-Ане, Калифорния, из-за пожара был закрыт аэропорт Джона Уэйна, пострадали тридцать пассажиров, включая шестерых детей, и двое пожарных», — прочитала Элис.

Это была история Нью-Йоркского университета, тест на повествовательную память.

— Теперь перечислите как можно больше деталей, касающихся истории, которую вы только что прочитали.

— Во вторник, второго июля, в Санта-Ане, Калифорния, из-за пожара был закрыт аэропорт, тридцать человек пострадали, в их числе шесть детей и двое пожарных.

— Замечательно. Теперь я покажу вам набор карточек с картинками, а вы просто будете говорить, что на них изображено.

Бостонский тест присваивания имен.

— Портфель, фейерверк, телескоп, и'глу, песочные часы, носорог. — «Четвероногое животное», — Ракетка. Стойте, подождите, я знаю, что это. Лесенка для растений? Решетка? Нет. Шпалера! Аккордеон, крендель, погремушка. О, подождите, пожалуйста. У нас на Кейп-Код это есть во дворе. Это подвешивают между деревьями для отдыха. Это не гондола. Горловина? Нет. О господи, начинается на «г», просто вылетело из головы.

Сара Такая-то сделала отметки в своем листе подсчета очков. Элис хотела возразить, что ее ошибка могла быть обычным случаем блокировки памяти, а не симптомом Альцгеймера. Даже с абсолютно здоровыми студентами раз-два в неделю случается такое.

— Все нормально, давайте продолжим.

Элис легко назвала все предметы на оставшихся карточках, но никак не могла активировать нейрон, который раскодировал бы название сетки для отдыха. Свою сетку они подвесили между двумя елками в Чатеме. Элис помнила, как они с Джоном, лежа на ней, отдыхали после обеда, помнила прохладную тень, плечо Джона на подушке, аромат кондиционера его хлопковой рубашки смешивался с летним запахом загоревшей на солнце и просоленной в океане кожи и проникал в нее с каждым вдохом. Она прекрасно помнила все это, но только не название чертовой сетки на букву «г», на которой они лежали.

Дальше она проходила Векслеровские тесты, тест на составление изображений, прогрессивные матрицы Равена, тест Лурии на мысленное вращение, тест Струпа, копировала и вспоминала геометрические фигуры. Она посмотрела на часы. В этой комнатухе она провела уже больше часа.

— Хорошо, Элис, а теперь я хочу, чтоб вы вернулись к короткой истории, которую читали раньше. Вы можете ее пересказать?

— Вообще-то я не очень много помню.

Вот оно — ее болезнь выставлена во всей красе под флуоресцентной лампой, чтобы Сара Такая-то могла изучать ее и делать заключения.

— Это ничего. Расскажите, что помните, что в голову придет.

Элис сглотнула, ее охватила паника. Либо она не может продрасться по тропинке от одной детали к другой, либо у нее не происходят электрохимические процессы, которые должны затронуть нужные нейроны. За пределами этой каморки она бы нашла необходимую информацию в «блэкберри». Перечитала бы электронные письма и написала себе напоминание. Она могла бы рассчитывать на уважение, которое гарантирует ее положение в Гарварде. Вне этой комнатки она могла бы скрыть свои непроходимые тропинки и бездействие нейронов. Она понимала, что все эти тесты разработаны как раз для того, чтобы показать, на что она не способна, и все же вопрос Сары Такой-то поставил ее в затруднительное положение.

— Ладно, кажется, это о событии в каком-то аэропорту.

— Эта история произошла в воскресенье, понедельник, вторник или среду?

— Я не помню.

— Попробуйте угадать.

— В понедельник.

— Там был ураган, наводнение, пожар или снежная лавина?

— Пожар.

— История произошла в апреле, мае, июне или июле?

— В июле.

— Какой аэропорт был закрыт: Джона Уэйна, Далласа или международный аэропорт Лос-Анджелеса?

— Международный аэропорт Лос-Анджелеса.

— Какое количество пассажиров пострадало: тридцать, сорок, пятьдесят или шестьдесят?

— Шестьдесят.

— Сколько детей пострадало: два, четыре, шесть или восемь?

— Восемь.

— Кто еще был в числе пострадавших: двое пожарных, два полицейских, два бизнесмена или два учителя?

— Двое пожарных.

— Отлично, мы закончили. Я провожу вас к доктору Дэвису.

Отлично? Возможно ли, чтобы она помнила историю, но не знала об этом?

В кабинете доктора Дэвиса ее ждал сюрприз — Джон был уже там. Он сидел в кресле, пустота которого так бросалась в глаза в ее первый визит. Теперь их было трое. Элис, Джон и доктор Дэвис. Она не могла поверить в реальность происходящего, в то, что это ее жизнь, что она больная женщина, которая вместе с мужем пришла на прием к неврологу. Она чувствовала себя как персонаж какой-то пьесы. Женщина с болезнью Альцгеймера. Муж держит в руках сценарий. Только это был не сценарий, а анкета ежедневной активности. (Место действия: кабинет доктора. Невролог сидит напротив мужа больной женщины. Входит женщина.)

— Элис, присаживайтесь. Мы с вашим мужем уже немного побеседовали.

Джон вертел на пальце обручальное кольцо и дергал правой ногой. Их кресла стояли вплотную друг к другу, и из-за этой дерготни кресло Элис вибрировало. О чем они разговаривали? До визита сюда она хотела переговорить с Джоном с глазу на глаз, узнать, в чем дело, и сравнить свою историю с его. А еще ей хотелось попросить его не дергать ногой.

— Как у вас дела? — спросил доктор Дэвис.

— Все хорошо.

Доктор улыбнулся. Улыбка была добрая, и Элис немного расслабилась.

— Отлично, а как ваша память? Появились какие-нибудь новые проблемы или изменения со времени нашей последней встречи?

— Ну, я бы сказала, что мне стало сложнее следовать расписанию. Я должна на протяжении всего дня сверяться с органайзером. Телефон я теперь просто не переносу. Если не вижу собеседника, мне трудно уловить суть сказанного. Пока я гоняюсь за смыслом слов, от меня ускользает нить разговора.

— А что насчет дезориентации? Были случаи, когда вы снова чувствовали себя потерявшейся или сбитой с толку?

— Нет. Вот только иногда я, даже глядя на часы, не могу понять, какое сейчас время суток. Но в конечном счете вычисляю правильный ответ. Однажды я пошла на работу, уверенная, что сейчас утро, и, только вернувшись домой, поняла, что дело было глубокой ночью.

— С тобой такое было? — переспросил Джон. — Когда?

— Не знаю, кажется, в прошлом месяце.

— А я где был?

— Спал.

— Почему я только сейчас об этом узнаю, Эли?

— Не знаю, забыла тебе сказать.

Она улыбнулась, но это на него не подействовало. Скорее наоборот, встревожило.

— Такого рода затруднения и ночные блуждания — обычное явление, и это наверняка будет повторяться. Можно повесить над входной дверью колокольчик или что-то еще, что разбудит Джона, если дверь откроется посреди ночи. Возможно, вам стоит записаться в программу безопасного возвращения Ассоциации Альцгеймера. По моему, это обойдется примерно в сорок долларов. Вы будете носить идентификационный браслет с личным кодом.

— Джон дал мне телефон, я постоянно ношу его с собой в этой сумке.

— Это хорошо, но что, если сядет аккумулятор или телефон Джона будет отключен, а вы заблудитесь? Это действенная мера, если телефон постоянно при вас. Вы можете забыть взять с собой сумку. А с браслетом у вас не будет забот.

— Это хорошая идея, — сказал Джон. — Мы его приобретем.

— Как обстоят дела с лекарствами? Вы принимаете все, что вам прописали?

— Да.

— Какие-нибудь проблемы с побочными эффектами, тошнота, головокружение?

— Нет.

— Если не брать в расчет ночной визит на работу, у вас есть какие-нибудь проблемы со сном?

— Нет.

— Вы продолжаете заниматься спортом?

— Да, я практически каждый день пробегаю около пяти миль.

— Джон, а вы бегаєте?

— Нет, я хожу пешком на работу и обратно домой, мне этого хватает.

— Думаю, будет неплохо, если вы присоединитесь к Элис. Есть неопровержимые факты, проверенные на животных, что только

физические упражнения способны замедлить аккумуляцию бета-амилоидов и спад когнитивности.

— Я видела эти исследования, — сказала Элис.

— Отлично, продолжайте бегать. Но я бы хотел, чтобы у вас появился партнер, тогда мы не будем волноваться, что вы потеряетесь или пропустите пробежку, потому что просто о ней забудете.

— Я буду бегать вместе с ней.

Джон ненавидел бег. Он играл в сквош, в теннис, изредка в гольф, но никогда не бегал. Сейчас он, конечно, был здоровее ее в психическом плане, но что касается физической формы, она по-прежнему была далеко впереди. Ей понравилась идея бегать вместе с Джоном, но она сомневалась, что он сможет выполнить обещание.

— А как у вас с настроением, все хорошо?

— В основном да. Конечно, я часто расстраиваюсь и устаю, оттого что надо постоянно держаться на уровне. И меня тревожит будущее. Но в остальном ничего не изменилось. После того как я поделилась с Джоном и детьми, стало даже легче.

— Вы рассказали кому-нибудь в Гарварде?

— Нет, еще нет.

— В этом семестре вы могли читать лекции и справлялись со всеми своими профессиональными обязанностями?

— Да, это требует гораздо больше сил, чем раньше, но ответ — да.

— А поездки с лекциями и на конференции?

— Их я практически свела к нулю. Отменила две лекции в университетах, пропустила крупную конференцию в апреле и забыла еще об одной во Франции в этом месяце. Обычно летом я много путешествую, мы оба много путешествуем, но в этом году мы все лето проведем в нашем доме в Чатеме. Мы поедем туда в следующем месяце.

— Это хорошо, просто прекрасно. Стало быть, все лето о вас будет кому заботиться. Я точно знаю, что к осени у вас должен быть план, как рассказать обо всем коллегам в Гарварде. Может быть, сменить род деятельности? И, я думаю, самостоятельные путешествия к этому времени должны быть исключены.

Элис кивнула. Сентябрь внушал ей ужас.

— Кроме этого, необходимо продумать некоторые юридические моменты, такие, как доверенность и завещание о жизни.^[21] Вы не думали о том, чтобы отдать свой мозг для научных исследований?

Элис думала об этом. Она представляла свой обескровленный, залитый формалином мозг цвета замазки в ладонях какого-нибудь студента-медика. Преподаватель будет указывать на борозды и извилины, показывать, где расположены соматосенсорные о́бластьи, где слуховые и зрительные. Запах океана, голоса ее детей, руки и лицо Джона. Или представляла, как его нарезают на тонкие ломтики, как ветчину в отделе деликатесов, и прилепляют к стеклянным слайдам. После таких приготовлений увеличенный желудочек будет выглядеть впечатляюще. Пустоты, в которых когда-то обитала она.

— Да, я была бы не против.

Джон поежился.

— Хорошо, перед тем как вы уйдете, давайте займемся бумагами.

Джон, я могу взглянуть на анкету, которую вы держите?

«Что он там обо мне написал?»

Они никогда не говорили об этом.

— Когда Элис рассказала вам о своем диагнозе?

— Почти сразу после того, как вы его поставили.

— Хорошо. Как, по-вашему, у нее идут дела?

— Я думаю. Про телефон — это правда. Она к нему больше не подходит. Либо трубку беру я, либо она слушает сообщение на автоответчике. Она как будто приклеилась к своему органайзеру. Иногда утром, перед тем как выйти из дома, она сверяется с ним каждые две минуты. Немного тяжело за этим наблюдать.

Чем дальше, тем больше ей казалось, что Джон не может на нее смотреть. А если и смотрит, то это взгляд клинициста, так смотрят на лабораторных мышей.

— Что-нибудь еще? Может быть, Элис о чем-то забыла рассказать?

— Вроде бы все.

— Перемены настроения, личностные изменения, вы ничего такого не замечали?

— Нет, она такая же, как всегда. Может, чуть независимее. И тише стала, не начинает разговор первой.

— А у вас как дела?

— У меня? Все в порядке.

— У меня есть кое-какая информация, я ее вам сообщу. Это о группе поддержки тех, кто занимается уходом за больными. Дениз Даддарио — социальный работник в этой группе. Вы встретитесь с ней и расскажете, как у вас идут дела.

— Мне встретиться с ней?

— Да.

— Но мне это не нужно, у меня все в порядке.

— Хорошо. Но у вас есть такая возможность на случай, если почувствуете, что вам это нужно. А теперь у меня есть несколько вопросов к Элис.

— Вообще-то я хотел поговорить о дополнительной терапии и клинических исследованиях.

— Хорошо, но сначала давайте закончим с ее тестами. Элис, какой сегодня день недели?

— Понедельник.

— Когда вы родились?

— Одиннадцатого октября тысяча девятьсот пятьдесят третьего года.

— Кто вице-президент Соединенных Штатов?

— Дик Чейни.

— Хорошо, теперь я назову имя и адрес, а вы их повторите. Позже я попрошу вас сделать это еще раз. Готовы? Джон Блэк, Брайтон, Сорок вторая Западная улица.

— Тот же, что в прошлый раз.

— Да, вы правы, очень хорошо. Вы можете повторить сейчас?

— Джон Блэк, Брайтон, Сорок вторая Западная улица.

«Джон Блэк, Брайтон, Сорок вторая Западная улица».

«Джон никогда не носит черное, Лидия живет на западе, Том в Брайтоне, восемь лет назад мне было сорок два».

«Джон Блэк, Брайтон, Сорок вторая Западная улица».

— Отлично, вы можете посчитать от единицы до двадцати, а потом в обратном порядке?

Она смогла.

— Теперь я хочу, чтобы вы показали, сколько пальцев на левой руке соответствует месту, на котором стоит в алфавите первая буква в названии города, где вы сейчас находитесь.

Она мысленно повторила то, что сказал доктор, а потом показала указательный и средний пальцы левой руки.

— Хорошо. Как называется эта штука на моих часах?

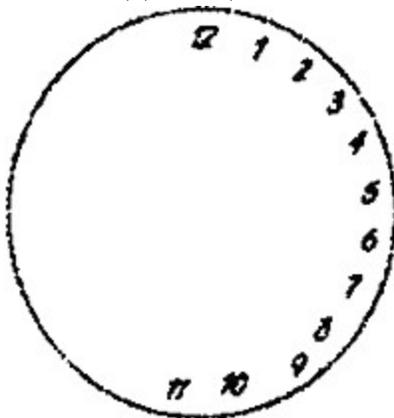
— Застежка.

— Ладно, теперь напишите предложение о сегодняшней погоде.

Туманно, жарко и влажно.

— На обратной стороне бумаги нарисуйте часы, которые показывают сорок пять минут четвертого.

Элис нарисовала большой круг, а внутри него цифры. Самая верхняя — двенадцать, потом единица и все остальные.

— Упс, я нарисовала слишком большой круг.

Она быстро написала:

3.45.

— Нет, не цифрами. Мне нужно, чтобы вы нарисовали обычные часы, — сказал доктор Дэвис.

— Послушайте, вы хотите узнать, умею ли я рисовать или помню ли, как распознавать время на часах? Рисование никогда не было моей сильной стороной.

Когда Анне было три года, она любила лошадей и часто просила Элис нарисовать их. Интерпретация лошади в исполнении Элис выглядела как дракон-собака в постмодернистском духе и не могла удовлетворить даже дошколенка с богатым воображением.

«Нет, мам, не это, нарисуй мне лошадь».

— На самом деле я пытаюсь выяснить и то и другое, Элис. Альцгеймер очень рано начинает воздействовать на теменную долю мозга, именно там хранится наше внутреннее представление о сверхличном пространстве. Джон, поэтому я и хочу, чтобы вы бегали вместе с Элис.

Джон кивнул. Они объединились против нее.

— Джон, ты знаешь, что я не умею рисовать.

— Элис, это часы, не лошадь.

Элис испепелила Джона взглядом, она была потрясена: он не встал на ее защиту. Она хотела, чтобы он подтвердил ее слова, а он молча смотрел ей в глаза и вертел на пальце обручальное кольцо.

— Если вы нарисуете часы, я нарисую, как стрелки показывают три сорок пять, — сказала Элис.

Доктор нарисовал на другом листе бумаги циферблат, а она — стрелки, указывающие нужное время.

— Хорошо, а теперь я хочу, чтобы вы назвали имя и адрес, которые я просил вас запомнить в начале нашей беседы.

— Джон Блэк, что-то там, Брайтон, какая-то из Западных улиц.

— Хорошо, это был номер сорок два, сорок четыре, сорок шесть или сорок восемь?

— Сорок восемь.

Доктор Дэвис сделал довольно длинную запись на листке с нарисованным циферблатом.

— Джон, пожалуйста, перестань трясти мое кресло.

— Ладно, теперь мы можем поговорить о клинических испытаниях. На данный момент они проводятся у нас и в Бригеме. Участников испытания, которому я отдал бы предпочтение в вашем случае, начинают набирать в этом месяце. Три этапа, препарат — амиликс. Предполагается, что он будет растворять бета-амилоиды и противостоять их агрегации, то есть в отличие от препаратов, которые вы принимаете в данный момент, появляется надежда, что он предотвратит дальнейшее развитие болезни. Второй этап внушает очень большие надежды. Он был толерантным, и через год у пациентов прекратился спад когнитивности и даже наблюдалось улучшение.

— Я полагаю, это испытание с контрольным плацебо? — спросил Джон.

— Да, двойной слепой метод, плацебо в одной из двух доз.
«Значит, меня могут пичкать пустыми сладкими пилюлями».

Элис подозревала, что бета-амилоидам плевать на эффект плацебо или принятие желаемого за действительное.

— Что вы думаете об ингибиторах секретазы? — поинтересовался Джон.

Этот вариант нравился Джону больше других. Секретазы — натуральные ферменты, которые снижают уровень бета-амилоидов до нормального. Из-за мутации пресенилина-1 секретазы Элис производили слишком много бета-амилоидов. Слишком — это опасно. Как сорванный водопроводный кран. Ее раковина наполнялась чересчур быстро.

— На данном этапе ингибиторы либо излишне токсичны для клинического использования, либо...

— А что насчет флуризана?

Флуризан — противовоспалительный препарат, как и адвил. Несметное количество препаратов претендует на способность снижать бета-амилоид 42. Меньше воды в раковине.

— Да, он вызывает интерес. Идут испытания, но только в Канаде и Великобритании.

— А если Элис начнет принимать флурбипрофен? Что вы об этом думаете?

— У нас пока нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что он эффективен при лечении болезни Альцгеймера. Если Элис решит не участвовать в клинических испытаниях, я бы сказал, что он не повредит. Но если она захочет принять в них участие, флурбипрофен будет исключен, так как это не утвержденный препарат.

— Ладно, а моноклональные антитела?

— Я — за, но набор в группу уже закончен. При условии, что все пройдет хорошо, второй этап начнется не раньше весны будущего года, а мне бы хотелось, чтобы Элис начала принимать участие в исследованиях как можно быстрее.

— Вы когда-нибудь назначали своим пациентам IVIG-терапию? — спросил Джон.

Эта идея тоже ему нравилась. Извлеченные из донорской плазмы крови внутривенные иммуноглобулины уже доказали свое безопасное и благотворное воздействие при лечении первичного иммунодефицита

и аутоиммунных нервно-мышечных расстройств. Это дорогостоящее лечение, и его не покрывает страховка, так как оно еще не прошло испытания, но если будет результат, стоит попробовать.

— Никто из моих пациентов не проходил IVIG-терапию. Я против нее ничего не имею, но правильная дозировка нам неизвестна, и это очень приблизительный, неотработанный метод. Если и рассчитывать на эффект, то он будет очень скромный.

— Скромный нас устроит, — сказал Джон.

— Хорошо, но вы должны понимать, из чего выбираете. Если решитесь на IVIG-терапию, Элис не сможет принять участие во всех других программах, которые потенциально более эффективны.

— Зато будет гарантия, что она не попадет в группу плацебо.

— Это верно. В каждом решении есть свой риск.

— Если я решу принять участие в клинических испытаниях, мне придется отказаться от арисепта и наменды? — спросила Элис.

— Нет, вы будете их принимать.

— Заместительная терапия эстрогенами?

— Да. Есть достаточно примеров, чтобы можно было говорить о ее полезности, так что я назначил бы вам комбипэтч. Но опять же, это не проверенный препарат, и вы не сможете участвовать в исследованиях амиликса.

— Как долго будут длиться эти испытания?

— Пятнадцать месяцев.

— Как зовут вашу жену? — спросила Элис.

— Люси.

— Что бы вы выбрали для Люси, если бы она была на моем месте?

— Я бы хотел, чтобы она записалась в группу амиликс.

— Стало быть, амиликс — это то, что вы нам рекомендуете? — спросил Джон.

— Да.

— Я думаю, мы остановимся на IVIG плюс флурбипрофен и комбипэтч, — сказал Джон.

В кабинете воцарилась тишина. Только что ее заполнял гигантский объем информации. Элис надавила пальцами на глаза и пыталась аналитически подойти к выбору лечения. Она старательно выстраивала в уме ряды и колонки, чтобы сравнить препараты, но

воображаемая таблица не помогла, и Элис выбросила ее в воображаемую корзину для мусора. Тогда она стала думать концептуально и пришла к образу, который лучше других соответствовал ситуации. Дробовик или одна-единственная пуля.

— Вам не обязательно принимать решение сегодня. Можете обдумать все дома, а потом придете снова.

Нет, она не собиралась тратить на это время. Она ученый и знает, что такое поставить на карту все — без гарантии, что найдешь истину. Она выбрала то, что так часто выбирала в собственных исследованиях. Пулю.

— Я хочу пройти испытания.

— Эли, я думаю, тебе следует доверять мне в этом вопросе, — сказал Джон.

— Я еще в состоянии делать собственные умозаключения, Джон. Я хочу пройти испытания.

— Хорошо. Вам придется подписать кое-какие бумаги.

(Кабинет доктора. Невролог уходит. Муж вертит обручальное кольцо на пальце. Женщина надеется на исцеление.)

Июль 2004 года

— Джон? Джон? Ты дома?

Она была уверена, что его нет дома, но в последнее время ее уверенность сильно поколебалась, и на нее уже нельзя было полагаться. Джон куда-то ушел, но она не помнила когда и не помнила, что он сказал перед уходом. Пошел в магазин за кофе или молоком? Или за билетами в кино? Тогда он вернется с минуты на минуту. Или поехал в Кембридж? В этом случае его не будет несколько часов, а может, и до утра. Или он наконец решил, что больше не может оставаться перед лицом того, что их ждет, и просто ушел, чтобы больше не вернуться? Нет, так бы он не поступил. Она была в этом уверена.

Их дом в Чатеме, построенный в тысяча девятьсот девяностом году, был больше и просторнее, чем дом в Кембридже. Она прошла в кухню. Это помещение не имело ничего общего с их кухней дома. Белые шкафы, белая кухонная техника, белые барные стулья, белый кафельный пол, вся эта белизна нарушалась только столешницами из

мыльного камня и вкраплениями кобальтового синего в керамических и стеклянных контейнерах. Это было похоже на выполненную синим мелком книжную иллюстрацию.

Две тарелки и грязные салфетки на барной стойке свидетельствовали о том, что на ужин были спагетти с красным соусом. В одном из бокалов остался глоток белого вина. С отстраненной заинтересованностью судебного эксперта Элис взяла его в руки и пригубила. Вино еще не нагрелось и было холодным. Этого ей хватило. Она взглянула на часы. Начало десятого.

Они жили в Чатеме уже около недели. В прошлые годы, чтобы переключиться с напряженного графика Гарварда на расслабленный образ жизни на Кейп-Код, ей хватало одной недели — к этому времени она уже читала третью или четвертую книгу. Но в этом году распорядок дня в Гарварде, пусть и очень плотный, был жесткой конструкцией, и существовать в нем было комфортно. Собrania, симпозиумы, лекции, как хлебные крошки, помогали ей прожить день и не заблудиться.

Здесь, в Чатеме, у нее не было расписания. Она спала допоздна, ела, когда хотела, принимала решения на месте. Прием лекарств, тест «Бабочка» в компьютере и пробежки с Джоном поддерживали ее в течение дня, как подпорки для книг на библиотечной полке. Но все это не делало структуру достаточно жесткой. Ей нужно больше хлебных крошек, и они должны быть крупнее.

Она часто не могла понять, какое сейчас время суток или даже какой день. Уже не раз случалось, что, сидя за столом, она не знала, какую еду ей подадут. Например, вчера, когда официантка в баре поставила перед ней тарелку с жареными моллюсками, она была готова с энтузиазмом накинуться на оладьи.

Окна в кухне были открыты. Элис посмотрела в сторону дороги. Ни одной машины. В воздухе еще ощущалось тепло прошедшего дня, ветер доносил до нее кваканье лягушек-быков, женский смех и шум волн на Хардингс-бич. Она написала Джону записку и положила рядом с невытой посудой.

Пошла на пляж. Люблю.

Э.

Она вдыхала чистый ночной воздух. Темно-синий холст ночного неба был сплошь проколот яркими звездами, а серп луны казался нарисованным. Было еще не так темно, но темнее, чем в это время в Кембридже. Без уличных фонарей, вдалеке от Мейн-стрит, пляж освещали только огни на верандах и в окнах домов, фары редких машин и луна. В Кембридже ей было бы страшно гулять одной в такой темноте, но здесь, в их маленькой курортной общине, она чувствовала себя в полной безопасности.

На стоянке не было ни одной машины, на пляже ни души. Городская полиция не приветствовала ночную активность. В этот час ничто не нарушало покой — ни крики детей или чаек, ни преследующие повсеместно разговоры по сотовым телефонам, ни беспокойство о том, чтобы не забыть вовремя уйти и не опоздать куда-то еще.

Она подошла к кромке воды. Теплые океанские волны лизнули ей ноги. Вода на Хардингс-бич, который смотрел на Нантакет — Саунд, была на добрых десять градусов теплее, чем на соседних, открытых для холодной Атлантики пляжах.

Сначала Элис сняла блузку и бюстгальтер, потом одним движением выскользнула из юбки и трусиков и вошла в воду. Вода, не замусоренная водорослями, как во время прибоя, ласкала кожу. Элис медленно плыла на спине, любовалась флуоресцентными каплями, которые покрывали ее пальцы, как волшебная пыль, и дышала в такт с приливом.

На правом запястье отразился лунный свет. «Безопасное возвращение». Это было выгравировано на внешней стороне браслета из нержавеющей стали два дюйма шириной. Номер одна тысяча восемьсот, ее идентификационные данные и слова «ослабленная память» были выгравированы на внутренней стороне. Ее мысли перепрыгнули через несколько волн от нежеланного браслета к бабочке на мамином колье, далее к плану самоубийства, к книгам, которые она собиралась прочитать, и, наконец, добрались до участи Вирджинии Вульф и Эдны Понтелье.^[22] Это было бы так просто. Она могла плыть в сторону Нантакета, пока не останется сил.

Элис оглядела черную поверхность воды. Сильное и здоровое тело держало ее на воде, все инстинкты сражались за жизнь. Да, она не помнит ужин с Джоном и что он сказал перед уходом. Вполне

вероятно, что утром она не вспомнит эту ночь, но в данный момент она не была в отчаянии. Элис чувствовала себя живой и счастливой.

Она оглянулась и посмотрела в сторону пляжа, берег был едва освещен. Появился какой-то мужчина. Еще не разглядев его лица, по упругой походке и широким шагам она узнала Джона. Элис не стала спрашивать, где он был или как долго отсутствовал. Она не поблагодарила его за то, что он пришел. Он не стал сердиться на нее из-за того, что она ушла из дома одна и не взяла с собой телефон, и не попросил выйти из воды. Без лишних слов он разделся и вошел в воду.

— Джон?

Он наводил порядок в гараже, там она его и нашла.

— Я искала тебя по всему дому, — сказала Элис.

— Я был здесь и не слышал, — сказал Джон.

— Когда ты уезжаешь на конференцию? — спросила она.

— В понедельник.

Он собирался на неделю в Филадельфию, на конференцию по Альцгеймеру.

— Это после того, как приедет Лидия?

— Да, она будет здесь в воскресенье.

— О, верно.

Репертуарный театр «Мономой» в ответ на запрос Лидии предложил ей присоединиться на лето к их труппе в качестве приглашенной актрисы.

— Ты готова к пробежке? — спросил Джон.

Утренний туман еще не рассеялся, и воздух был холоднее, чем рассчитывала Элис.

— Только накину еще что-нибудь.

Войдя в дом, она открыла встроенный шкаф. В начале лета на Кейп-Код купить подходящую одежду было непросто. Любой день начинался с пятидесяти градусов, к полудню температура взмывала до восьмидесяти, а к закату бумерангом возвращалась к пятидесяти, часто в паре со свежим ветром с океана. Требовался творческий подход и желание, чтобы по несколько раз в день доставать и убирать в гардероб разные вещи. Она коснулась рукава каждой куртки. Идеально для отдыха и прогулок по берегу, но все слишком теплые для пробежки.

Она взбежала по лестнице в спальню. Перерыв несколько ящиков, нашла легкую флисовую куртку и надела. На прикроватной тумбочке заметила книгу, которую сейчас читала. Схватив ее, спустилась на первый этаж и прошла в кухню, налила стакан холодного чая и вышла на заднюю веранду. Утренний туман все еще не рассеялся, и воздух был холоднее, чем она рассчитывала. Она поставила стакан с чаем на стол, по бокам от которого стояли белые кресла в стиле адирондак, [\[23\]](#) и пошла в дом за пледом.

Вернувшись, закуталась в плед, села в одно из кресел и открыла книгу на загнутой странице. Чтение быстро превратилось в нудную работу. Чтобы вникнуть в смысл статьи или повести, приходилось много раз перечитывать одну и ту же страницу. А если она откладывала книгу на время, то потом надо было перечитывать заново целые главы. Кроме того, Элис нервничала, выбирая, что прочитать. Вдруг не хватает времени, чтобы перечитать все, что она хотела? Выбор стал болезненной процедурой, он напоминал о том, что часы тикают и что-то останется незавершенным.

Она только начала читать «Короля Лира». Шекспировские трагедии она любила, но эту еще не читала. К несчастью, чтение оказалось утомительным, и через пару минут Элис почувствовала, что увязла в тексте. Пришлось перечитать предыдущую страницу. Читая, она проводила указательным пальцем воображаемую линию под строчкой. Элис выпила стакан холодного чая, поглядывая на птиц в кронах деревьев.

— Вот ты где. Чем занимаешься, мы разве не собираемся бежать? — спросил Джон.

— Ах да, хорошо. Эта книга сводит меня с ума.

— Тогда пошли.

— Ты сегодня уезжаешь на эту конференцию?

— В понедельник.

— А сегодня?

— Среда.

— О! А когда приедет Лидия?

— В воскресенье.

— Это перед тем, как ты уедешь?

— Да. Эли, я только что тебе все это рассказывал. Тебе надо забить все это в «блэкберри», так ты будешь меньше беспокоиться.

— Ладно, извини.

— Готова?

— Да. Подожди, я только зайду в туалет перед уходом.

— Хорошо, я буду у гаража.

Она поставила стакан на стойку возле раковины, а плед и книгу бросила в большое зачехленное кресло в гостиной. Она готова была идти дальше, только ногам нужны были инструкции. Зачем она сюда пришла? Элис проследила свой путь в обратном направлении: плед и книга, стакан на стойке, Джон на веранде. Он уезжает на международную конференцию по Альцгеймеру. В воскресенье? Надо будет у него уточнить. Они собирались на пробежку. На улице холодновато. Она пришла за флисовой курткой! Нет, не так. Куртка уже на ней. Да и черт с ним.

Как раз когда она дошла до входной двери, мочевой пузырь настойчиво заявил о себе, и Элис вспомнила, зачем вернулась в дом. Она быстро прошла по коридору и открыла дверь в ванную. Только, к ее величайшему удивлению, это была не ванная. Веник, швабра, ведро, пылесос, табуретка, ящик с инструментами, электрические лампочки, фонари, отбеливатель. Кладовка.

Она посмотрела дальше по коридору. Кухня — слева, гостиная — справа. Вот оно. На этом этаже должна быть сидячая ванна. Она должна быть здесь. Должна, но ее не было. Элис поспешила в кухню, но нашла там только одну дверь, и эта дверь вела на заднюю веранду. Она обежала гостиную, но в гостиной, конечно же, ванной комнаты не было. Она метнулась в коридор и схватилась за дверную ручку.

— Пожалуйста, Господи, прошу тебя, Господи, пожалуйста.

Она распахнула дверь, как иллюзионист, демонстрирующий свой самый загадочный фокус, но ванная не повиновалась магии.

«Как можно заблудиться в собственном доме?»

Она подумала о том, чтобы стрелой влететь на второй этаж, там была полноценная ванная, но каким-то непостижимым образом увязла в лишенной ванной комнаты сумеречной зоне первого этажа. Терпеть больше не было сил. Она как будто наблюдала за собой со стороны. Несчастливая незнакомая женщина плачет в коридоре. Это не был сдержанный плач взрослой женщины. Это были безудержные рыдания напуганного, раздавленного ребенка.

И не только слезы она не могла больше сдерживать. Именно в этот момент Джон ворвался через парадную дверь и стал свидетелем того, как моча потекла по ее правой ноге, пропитала тренировочные брюки, носок и кроссовок.

— Не смотри на меня!

— Эли, не плачь, все хорошо.

— Я не понимаю, где я.

— Все хорошо, ты дома.

— Я потерялась.

— Ты не потерялась, Эли, ты со мной.

Он обнял ее и стал тихонько раскачивать из стороны в сторону. Так же он утешал их детей после бесчисленных ушибов, царапин и несправедливостей.

— Я не могу найти туалет.

— Все нормально.

— Извини.

— Не извиняйся, все хорошо. Давай тебя переоденем. Уже становится жарко, тебе все равно надо надеть что-нибудь полегче.

Перед отъездом на конференцию Джон подробно проинструктировал Лидию о лекарствах Эли, графике ее пробежек, мобильном телефоне и программе безопасного возвращения. И еще на всякий случай оставил номер телефона невролога. Когда Элис проигрывала в голове его небольшую речь, она звучала очень похоже на то, что они говорили приходящим няням, если уезжали на уик-энд в Мейн или Вермонт. Теперь в присмотре нуждалась она. А няней была ее собственная дочь.

Элис и Лидия молча шли по Мейн-стрит, они только что первый раз поужинали вдвоем в «Сквайэ». Вдоль тротуара выстроились дорогие машины и внедорожники с притороченными к крышам велосипедами и байдарками. Салоны машин были забиты детскими колясками, шезлонгами и пляжными зонтами. Спортивные номера Нью-Йорка, Коннектикута и Нью-Джерси в придачу к массачусетским говорили о том, что летний сезон начался. Туристы целыми семьями, не обращая внимания на пешеходов, неспешно и бесцельно прохаживались по тротуарам, останавливались, шли в обратную сторону, глазели на витрины. Казалось, в их распоряжении вечность.

Элис и Лидия всего десять минут шли пешком — и вот уже оказались за пределами перенаселенного центра. Они остановились у маяка и, прежде чем спуститься на пляж, полюбовались открывшейся панорамой. Внизу их ждал скромный ряд сандалий и вьетнамок, хозяева оставили их там еще раньше. Элис и Лидия пристроили и свою обувь в этот ряд и пошли дальше. Напротив стоял стенд с надписью:

СИЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Риск возникновения опасных для жизни волн и течений. Спасателей нет. Опасная зона для плавания, прогулок по воде, дайвинга, катания на водных лыжах, лодках, плотках и каноэ.

Элис наблюдала за неутомимыми волнами, слушала, как они обрушиваются на берег. Если бы не колоссальная дамба, возведенная на границе Шор-роуд с ее миллионной недвижимостью, океан без сожаления поглотил бы все дома. Она сравнила болезнь Альцгеймера с океаном у Лайтхаус-бич — неудержимая, безжалостная, разрушающая. Только в ее мозгу не было дамбы, которая защитила бы ее память и мысли от расправы.

— Прости, что я не пришла на твой спектакль, — сказала она Лидии.

— Все нормально. Я знаю, в этот раз это было из-за папы.

— Не дождусь, когда смогу посмотреть на твою игру этим летом.

— Угу.

Огромное солнце на розово-голубом небе опускалось в океан. Какой-то мужчина стоял на песке на коленях и, нацелив камеру на горизонт, старался запечатлеть мимолетную красоту до того, как она исчезнет вместе с солнцем.

— Эта конференция, на которую едет папа, на тему Альцгеймера?

— Да.

— Он постарается найти там эффективный метод лечения?

— Да, постарается.

— Думаешь, найдет?

Элис наблюдала за приливом. Вода смывала следы, медленно уничтожала заботливо построенный из песка и украшенный

ракушками замок, заполняла водой ямки от пластмассовых совочков, избавляла берег от дневной истории. Элис завидовала прекрасным домам за дамбой.

— Да.

Она подняла ракушку, стерла с нее песок и увидела молочно-белое сияние в розовую полоску. Ей нравилось трогать гладкую поверхность, но один край был сколот. Элис хотела было бросить ее в океан, но потом решила оставить.

— Я уверена, что он не стал бы тратить время на поездку, если бы не рассчитывал узнать там что-то важное, — сказала Лидия.

Две девушки в толстовках с надписью «Университет Массачусетса», посмеиваясь, прошли мимо. Элис поприветствовала их и улыбнулась.

— Я бы хотела, чтобы ты поступила в колледж, — сказала она.

— Мам, пожалуйста, не начинай.

Элис не хотела начинать их первую неделю с крупной ссоры и дальше шла молча и вспоминала. Своих профессоров, которых любила и боялась и перед которыми часто оказывалась в глупом положении. Парней, в которых была влюблена и которых боялась, перед которыми выставляла себя просто дурой. Бессонные ночи перед экзаменами, лекции, вечеринки, друзей, знакомство с Джоном. Воспоминания о тех временах были такие живые, цельные и отчетливые. Они нахлынули, словно не замечая, какое сражение идет всего в нескольких сантиметрах слева от того места, куда они пришли.

Когда бы Элис ни думала о колледже, мысли ее неизбежно возвращались к январю первого курса. К ней приезжали родители и сестра. Прошло всего три часа после их отъезда домой. Кто-то тихо постучал в дверь ее комнаты в общежитии. Это был декан. Она до сих пор отчетливо помнила, каким он был в этот момент: одна глубокая морщина между бровей, седые взлохмаченные волосы, шерстяные катышки по всему свитеру зеленовато-желтого цвета. Помнила, как он тщательно подбирал слова.

Отец съехал с девяносто третьего шоссе и врезался в дерево. Наверное, заснул за рулем. Скорее всего, слишком много выпил за ужином. Он всегда слишком много пил за ужином. Отец был в госпитале Манчестера. Мама и сестра погибли.

— Джон? Это ты?

— Нет, это всего лишь я, принесла полотенца. Сейчас польет, — сказала Лидия.

Воздух был наэлектризован. Вот-вот должен был пойти дождь. Всю неделю погода соответствовала рекламным открыткам, а температура по ночам идеально подходила для сна. Ее мозг тоже вел себя хорошо всю неделю. Она начала различать дни, в которые ей стоило большого труда найти потерянную мысль, слово, ванную комнату, и дни, когда ее Альцгеймер залегал на дно и ни во что не вмешивался. В эти мирные дни она была нормальной Элис, той, которую она понимала и в которой была уверена. В такие дни ей почти удавалось убедить себя в том, что доктор Дэвис и консультант-генетик ошиблись, или в том, что последние шесть месяцев были страшным сном, кошмаром, выдуманым монстром под кроватью.

Элис наблюдала из гостиной, как Лидия в кухне складывает полотенца и кладет на табуретки. На Лидии была бледно-голубая маечка на бретельках в тонкую полоску и черная юбка. Она только что приняла душ. На Элис под выцветшим пляжным платьем все еще был купальник.

— Мне переодеться? — спросила она.

— Если хочешь.

Лидия убрала чистые чашки в шкаф и посмотрела на часы. Потом прошла в гостиную, собрала разбросанные на диване и на полу журналы и каталоги и сложила аккуратной стопкой на кофейном столике. Снова взглянула на часы. Взяла первый в стопке «Кейп-Код мэгэзин», устроилась на диване и стала перелистывать страницы. Казалось, они тянут время, но Элис не понимала почему. Что-то было не так.

— Где Джон? — спросила она.

Лидия оторвалась от журнала и посмотрела на мать то ли заинтересованно, то ли растерянно. Элис не могла определить.

— Должен прийти с минуты на минуту.

— Значит, мы его ждем.

— Угу.

— А где Энн?

— Анна в Бостоне с Чарли.

— Нет, Энн, моя сестра, где Энн?

Лидия не мигая смотрела на Элис, лицо ее словно помертвело.

— Мам, Энн умерла. Она погибла в автокатастрофе вместе с твоей мамой.

Лидия не отрывала от нее глаз. Элис перестала дышать, сердце как будто сдавили в тисках. Голова и пальцы онемели, мир вокруг почернел и уменьшился в размерах. Элис сделала глубокий вдох. В голову и кончики пальцев хлынул кислород, а сердце оглушительно заколотилось от ярости и горя. Ее начало трясти, она разрыдалась.

— Нет, мам, это случилось очень давно, ты помнишь?

Лидия говорила с ней, но Элис не слышала. Она только чувствовала, как ярость и горе заполняют каждую клеточку ее тела, разбитое сердце, горячие слезы. Она слышала, как у нее в голове ее собственный голос зовет Энн и маму.

Джон стоял над ними, вымокший до нитки.

— Что случилось?

— Она спрашивала про Энн. Она думает, что они только что погибли.

Он держал ее лицо в своих ладонях. Он говорил с ней, пытался успокоить.

«Почему он не расстроен? Он уже знал, что случилось, вот почему. И скрывал это от меня».

Она ему не доверяла.

Август 2004 года

Ее мама и сестра погибли, когда она училась на первом курсе колледжа. В их семейных альбомах не было ни одной страницы с мамой или Энн. Ни одного свидетельства о том, что они присутствовали на ее выпускном, на свадьбе или проводили с ней, Джоном и детьми выходные, каникулы, праздновали дни рождения. Она не могла представить маму старой женщиной, а мама, естественно, была бы уже старой, и Энн в ее сознании оставалась подростком. И все же она была так уверена, что они вот-вот войдут в дом через парадную дверь, не как призраки из прошлого, а живые и здоровые, и что мама и сестра останутся с ними на лето в Чатеме. Ее немного пугало, что она могла так запутаться, что, бодрая и абсолютно трезвая, она искренне ждала в гости давно умерших сестру и маму. Но еще страшнее было то, что она испугалась только отчасти.

Элис, Джон и Лидия завтракали за садовым столиком на веранде. Лидия рассказывала о своей труппе, о репетициях. Но в основном обращалась к Джону.

— Знаешь, я была так напугана перед приездом сюда. Я хочу сказать, если бы ты знал, какой у них опыт и популярность. Магистры изящных искусств из Нью-Йоркского университета, из актерской студии, дипломы Йеля, опыт работы на Бродвее.

— Круто. Тебя послушать — очень опытная группа. Какой средний возраст? — поинтересовался Джон.

— О, я точно самая молодая. Большинству за тридцать или за сорок, но есть один мужчина и одна женщина такого же возраста, как вы с мамой.

— Такие же старые?

— Ты понимаешь, о чем я. В любом случае, я не знала, что окажусь совсем не в своей лиге, но тренинги, на которые я ходила, и работа, которая у меня была, — хорошее подспорье. Я точно знаю, что делаю.

Элис помнила, как неуверенно себя чувствовала и как осознавала себя в первый год профессорства в Гарварде.

— Они все несомненно опытнее меня, но никто из них не знает метод Мейснера. Они изучали Станиславского, или Систему, но я, правда, считаю, что метод Мейснера ближе всех к естественной, спонтанной актерской игре. И пусть у меня не слишком большой опыт игры на сцене, я привношу в труппу нечто уникальное.

— Это замечательно, милая. Возможно, это одна из причин, по которым они тебя пригласили. А что означает «естественная игра»? — спросил Джон.

Элис тоже интересовал этот вопрос, но ее слова, как это теперь часто бывало, когда беседа шла в реальном времени, увязали, как в клейстере, и не поспевали за словами Джона. Поэтому она слушала, как муж и дочь разговаривают, а сама наблюдала за ними, как зритель из зала — за актерами на сцене.

Она разрежала посыпанный кунжутом рогалик пополам и откусила кусочек. Без ничего он ей не понравился. На столе были джем из голубики, баночка арахисового масла, брусок масла на блюде и тубик с белым маслом. Только это не называлось белым маслом. Как

же это называлось? Не майонез. Нет, оно было густое, как масло. Как же? Она показала ножом на тубик.

— Джон, не передашь мне вот это?

Джон протянул ей тубик с белым маслом. Элис выдавила толстый слой на половинку рогалика и внимательно на него посмотрела. Она точно знала, какое это на вкус, знала, что любит это, но не могла заставить себя попробовать, пока не вспомнит название. Лидия наблюдала, как она изучает рогалик.

— Сливочный сыр, мам.

— Точно. Сливочный сыр. Спасибо, Лидия.

Зазвонил телефон, и Джон ушел в дом, чтобы ответить. Первой мыслью, которая выскочила перед сознанием Элис, была следующая: это звонит ее мама, предупредить, что задержится. Мысль была такой практичной и привязанной к ситуации, что казалась не менее разумной, чем ждать возвращения Джона к столу в ближайшие несколько минут. Элис поправила внезапную мысль, сделала ей нагоняй и прогнала. Ее мама и сестра умерли, когда она училась на первом курсе колледжа. Необходимость постоянно напоминать себе об этом сводила ее с ума.

Оставшись, хоть и на минутку, наедине с дочерью, она воспользовалась шансом поучаствовать в разговоре.

— Лидия, а ты не думаешь о том, чтобы закончить театральную школу и получить степень?

— Мам, ты что, не поняла ни слова из того, что я только что говорила? Мне не нужна степень.

— Я слышала каждое твое слово и все поняла. Просто думаю шире. Уверена, в твоем ремесле есть аспекты, которые ты еще не знаешь, что-то, чему ты могла бы научиться. Режиссура, например. Дело в том, что степень открывает больше возможностей, если они когда-нибудь тебе понадобятся.

— И какие же это возможности?

— Ну, во-первых, степень даст тебе право преподавать, если ты этого захочешь.

— Мам, я хочу быть актрисой, а не преподавателем. Это ты преподаватель, не я.

— Я знаю, Лидия, это ты для меня прояснила. В любом случае, я не говорю о преподавании в университете или колледже, хотя ты могла

бы этим заниматься. Я подумала, что когда-нибудь ты могла бы вести семинары, такие, на которые ходила сама и которые тебе так нравились.

— Мама, извини, но я не собираюсь тратить силы на размышления о том, чем буду заниматься, если не состоюсь как актриса. Я в таких подстраховках не нуждаюсь.

— Я не сомневаюсь, что ты в состоянии сделать карьеру актрисы. Но что, если в один прекрасный день ты решишь завести семью и тебе придется сбавить обороты, но при этом остаться в профессии? Вести семинары, даже из дома, было бы очень гибким решением вопроса. К тому же не всегда важно, что ты знаешь, важно, кого ты знаешь. В Сети у тебя появятся знакомые — сокурсники, профессора, выпускники. Уверена, что есть узкий круг, к которому без степени ты просто не имеешь доступа.

Элис замолчала в ожидании, что Лидия заладит свое: «Да, но...» Но Лидия ничего не сказала.

— Просто подумай об этом. Жизнь становится только сложнее. С возрастом труднее соответствовать. Может, поговоришь с кем-нибудь из твоей труппы? Узнай, какие у них перспективы, каково продолжать актерскую карьеру, когда тебе за тридцать, за сорок. Хорошо?

— Хорошо.

«Хорошо». Это была максимально близкая к согласию точка в их постоянных спорах на эту тему. Элис пыталась придумать, о чем бы еще поговорить, но не смогла. Они уже так давно говорили только об этом. Пауза затянулась.

— Мам, а каково это?

— Что — каково?

— Альцгеймер. Ты сейчас чувствуешь, что у тебя эта болезнь?

— Ну, я знаю, что только что ни разу не сбилась и не повторялась, но всего несколько минут назад я не могла вспомнить, как называется сливочный сыр, и мне было трудно принимать участие в разговоре с тобой и папой. Я знаю, что нечто подобное случится снова — это вопрос времени. И с каждым разом промежутки будут все короче. А то, что случается, будет масштабнее. Так что даже когда я чувствую себя абсолютно нормальной, я знаю, что это не так. Это не конец, просто передышка. Я сама себе не доверяю.

Ответив, она заволновалась, что была слишком откровенна. Она не хотела пугать дочь. Но Лидия не отступила, ей было интересно, и Элис расслабилась.

— Так, значит, ты знаешь, когда это происходит?

— Практически всегда.

— А как это было, когда ты не могла вспомнить, как называется сливочный сыр?

— Я знала, что ищу, просто мой мозг не мог до этого добраться. Это как если бы ты захотела вот этот стакан с водой, а твоя рука не могла бы взять его со стола. Ты уговариваешь, угрожаешь, но рука даже не шевелится. Наконец ты заставляешь ее двигаться, но вместо стакана хватаешь солонку или разбиваешь стакан, и вода разливается по всему столу. Или к тому времени, когда твоя рука берет стакан и подносит его к губам, в горле у тебя уже не першит и ты не хочешь пить. Момент, когда была нужна вода, прошел.

— Это похоже на пытку, мам.

— Так и есть.

— Мне так жаль, что с тобой это случилось.

— Спасибо.

Лидия потянулась через уставленный тарелками и стаканами стол, через годы, которые их разделяли, и взяла ее за руку. Элис сжала руку дочери и улыбнулась. Наконец-то они нашли о чем говорить.

Элис проснулась на диване. В последнее время она часто дремала днем, иногда по два раза за день. Дополнительный отдых придавал сил и обострял внимание, но возврат в день был резким и действовал на нервы. Она посмотрела на настенные часы. Четыре пятнадцать. Когда задремала, она не помнила. Помнила ланч с Джоном. Ела какой-то сэндвич. Скорее всего, это было около полудня. Что-то твердое уперлось в бедро. Книга. Должно быть, она заснула, когда читала.

Четыре двадцать. Элис села и прислушалась. С пляжа доносились пронзительные крики чаек. Она представила охоту этих падальщиков — сумасшедшие гонки в поисках крошек, которые оставляют на берегу беспечные загорелые люди. Она встала и отправилась на поиски Джона, не такие отчаянные, как охота чаек. Посмотрела в спальне и кабинете. Выглянула на дорогу. Машины не было. Она уже

была готова отругать его за то, что он не оставил записки, и тут же нашла ее под магнитом на двери холодильника.

Эли, поехал покататься, скоро вернусь.

Джон

Она вернулась к дивану, села и взяла книгу — «Разум и чувства» Джейн Остин, но открывать не стала. Читать не хотелось. Она прочла почти половину «Моби Дика» и потеряла книгу. Вместе с Джоном они обыскали весь дом — безрезультатно. Заглядывали в самые невообразимые места, куда мог положить книгу только слабоумный, — в холодильник и морозилку, в кладовую для продуктов, в комод, в камин. Наверное, она оставила книгу на пляже. Элис надеялась, что оставила ее на пляже. Такое с ней могло произойти и до Альцгеймера.

Джон предложил купить ей другой экземпляр. Может, он поехал в книжный магазин? Хорошо бы. Если придется ждать дольше, она забудет, что уже прочитала, и придется начать сначала. Это такой труд. Даже при мысли об этом Элис снова почувствовала усталость. Она начала читать Джейн Остин, которую всегда любила. Но книга не захватила ее.

Она побрела на второй этаж в спальню Лидии. Из трех своих детей Лидию она знала меньше других. На комод с зеркалом — серебряные кольца и кольца с бирюзой, подвеска из кожи, в картонную коробочку сыпаны яркие цветные бусы. Рядом с коробочкой — горка заколок и поднос с ароматическими свечами. Лидия была немного хиппи.

Одежда разбросана по полу, какая-то сложена, но большая часть нет. Вряд ли в ее комоде что-то есть. Кровать разобрана. Лидия была неряха.

Полки в книжном шкафу заставлены сборниками стихов и пьес. «Спокойной ночи, мама», «Ужин с друзьями», «Доказательство», «Шаткое равновесие», «Антология Спунривер», «Агнец Божий», «Ангелы в Америке», «Олеанна». ^[24] Лидия была актрисой.

Элис выбрала несколько пьес и полистала. В каждой всего восемьдесят — девяносто страниц, и текста на каждой странице совсем немного.

«Может, легче и приятнее будет читать пьесы? И я смогу говорить о них с Лидией».

Она выбрала «Доказательство».

На прикроватной тумбочке лежали дневник Лидии, ее айпод, книга Сэнфорда Мейснера и стояла фотография в рамке. Элис взяла с тумбочки дневник. Она сомневалась, но не долго. Время в ее положении на вес золота. Устроившись на кровати, она страницу за страницей читала признания дочери. Читала о ее мечтах, провалах и прорывах на актерских курсах, о страхах и надеждах на прослушиваниях, о разочарованиях и удачах на кастингах. Читала о страсти и упорстве молодой женщины.

Читала о Малькольме. Лидия влюбилась в него, когда они играли вместе в какой-то драматической сцене. Однажды она подумала, что беременна, но это оказалось не так. Она почувствовала облегчение, потому что не была готова ни к замужеству, ни к рождению ребенка. Сначала она хотела найти свою дорогу в этом мире.

Элис изучила фотографию в рамке. Лидия с каким-то мужчиной. По-видимому, Малькольм. Милые улыбающиеся лица. Они счастливы, эти мужчина и женщина на фотографии. Женщина — это Лидия.

— Эли, ты дома? — позвал Джон.

— Я наверху!

Она положила дневник и фотографию на тумбочку и скользнула на лестницу.

— Ты где был? — спросила Элис.

— Катался.

В каждой руке у него было по белому пластиковому пакету.

— Купил мне нового «Моби Дика»?

— Что-то вроде того.

Джон передал Элис один из пакетов. В нем были DVD-диски. Все ее самые любимые: «Моби Дик» с Грегори Пеком и Орсоном Уэллсом, «Король Лир» с Лоуренсом Оливье, «Касабланка», «Полет над гнездом кукушки», «Звуки музыки».

— Я подумал, так тебе будет намного легче. И мы сможем пересмотреть их вместе.

Она улыбнулась.

— А что во втором пакете?

У нее голова шла кругом, как у маленькой девочки в рождественское утро. Джон достал упаковку попкорна для микроволновки и коробку шоколадных драже «Милк дадс».

— Давай сначала посмотрим «Звуки музыки»? — предложила она.

— Конечно.

— Я люблю тебя, Джон.

Она обняла мужа.

— Я тоже тебя люблю, Эли.

Она уткнулась лицом ему в грудь и вдыхала его запах. Ей хотелось сказать больше — о том, что он для нее значит, но она не смогла найти нужных слов. Он прижал ее к себе. Он знал. Так они долго стояли в кухне, держали друг друга в объятиях и молчали.

— Давай, ты закидываешь попкорн в микроволновку, а я ставлю фильм и жду тебя на диване, — сказал Джон.

— Хорошо.

Она подошла к микроволновке, открыла дверцу и рассмеялась. Она не могла не рассмеяться.

— Я нашла «Моби Дика»!

Элис проснулась первая и часа два провела в одиночестве. В эти ранние часы она пила зеленый чай, немного читала и занималась йогой на лужайке. В позе «собака мордой вниз» она глубоко вдыхала восхитительный океанский воздух и получала граничащее с болью наслаждение, растягивая подколенные сухожилия. Краем глаза она наблюдала за работой левой трехглавой мышцы плеча, которая удерживала ее тело в этом положении. Крепкая, рельефная, великолепная. Все ее тело было сильным и прекрасным.

Никогда в жизни она не была в такой отличной форме. Здоровая еда и ежедневные физические упражнения наливали силой ее мышцы, делали упругими бедра, крепкими икры и позволяли не сбиваться с дыхания во время пробежки на четыре мили. Но конечно, был еще мозг. Невосприимчивый, непослушный, ослабленный.

Она принимала арисепт, наменду, неопробованные таблетки амиликс, витамины С и Е, детский аспирин. Вдобавок ко всему этому антиоксиданты в виде черники, красного вина и черного шоколада. Пила зеленый чай. Пробовала гинкго билоба. Медитировала и играла в

считалки. Чистила зубы левой, недоминантной рукой, спала, когда утомлялась. И тем не менее все ее усилия не приносили видимых или ощутимых результатов. Возможно, ее когнитивные способности заметно ухудшились бы, если бы она отказалась от упражнений, арисепта или черники. Может быть, ее слабоумие без борьбы превратилось бы в безумие. Может быть. Но возможно, все ее усилия ни на что не влияли. В этом она могла убедиться, только выбросив лекарства, исключив из рациона шоколад и вино и просидев на пятой точке весь следующий месяц. Пойти на такой эксперимент она не была готова.

Элис встала в позу воина. Набрала полные легкие воздуха и, исполненная решимости устоять, бросила вызов своей выносливости и способности сконцентрироваться. Она была исполнена решимости остаться воином.

Из кухни появился Джон — взлохмаченный, ничего не понимающий после сна, но одетый для пробежки.

— Хочешь сначала кофе? — предложила Элис.

— Нет, пошли уже, попью, когда вернемся.

Каждое утро они бежали две мили по Мейн-стрит к центру города и возвращались тем же маршрутом. Джон заметно похудел, его тело стало рельефным, теперь он без труда преодолевал эту дистанцию, но ни один метр пробежки не приносил ему радости. Он бегал с ней послушно и не жаловался, но с тем же энтузиазмом и пылом подписывал счета или занимался стиркой. И она любила его за это.

Она позволила ему задать темп и бежала следом, наблюдая за ним и слушая, как будто перед ней превосходный музыкальный инструмент. Его локти ходили вперед-назад, как маятники, при выдохе изо рта ритмично вылетали облачка пара, кеды стучали по усыпанному песком тротуару. Потом он сплюнул, и она рассмеялась. Он не спросил почему.

На обратном пути она с ним поравнялась. Ей вдруг захотелось сказать, что если он не хочет, то может больше с ней не бегать, что она способна преодолеть этот маршрут сама. Но на развилке у Милл-роуд, где он свернул направо, она бы выбрала левый поворот. Альцгеймер не любит, когда о нем забывают.

Дома она его поблагодарила, поцеловала во влажную от пота щеку и направилась прямиком к Лидии: та все еще в пижаме пила кофе на

веранде. Каждое утро они обсуждали очередную пьесу, которую Элис читала, поглощая хлопья с черникой или рогалик со сливочным сыром и чай или кофе. Интуиция не подвела Элис. Чтение пьес определенно доставляло ей больше удовольствия, чем романы и биографические книги. А обсуждение с Лидией, что бы Элис ни прочитала, будь то одна только сцена, акт или целая пьеса, отлично закрепляло прочитанное в памяти. Они анализировали сцены, персонажей и сюжет, и Элис видела, какой глубокий ум у дочери, как хорошо она понимает недостатки людей, их эмоции, устремления. Она видела Лидию. И любила ее.

Сегодня они разбирали сцену из «Ангелов в Америке». Обменивались вопросами и ответами, они говорили на равных, их разговор был двусторонним и увлекательным. А так как Элис не надо было гнаться за Джоном, чтобы закончить свою мысль, она не торопилась и не оставалась «за бортом».

— Что ты чувствовала, когда играла эту сцену с Малькольмом? — спросила Элис.

Лидия уставилась на нее, как будто этот вопрос взорвал ей мозг.

— Что?

— Разве ты не играла эту сцену с Малькольмом на ваших занятиях?

— Ты читала мой дневник!

У Элис похолодело в желудке. Она думала, что Лидия рассказывала ей о Малькольме.

— Милая, прости...

— Не могу поверить, что ты это сделала! Ты не имела права!

Лидия отшвырнула свой стул в сторону и убежала с веранды. Потрясенная, Элис осталась одна, ее подташнивало. Через несколько минут она услышала, как хлопнула парадная дверь.

— Не волнуйся, она остынет, — сказал Джон.

Все утро она пыталась чем-нибудь себя занять.

Убираться в доме, работать в саду, читать, но если ей что-то и удавалось делать, так это нервничать. Она нервничала, потому что думала, что сделала что-то непростительное, потеряла уважение, доверие и любовь дочери, которую только-только начала узнавать.

После ланча они с Джоном отправились на Хардингс-бич. Элис плыла до тех пор, пока не устала до такой степени, что больше ничего

не чувствовала. Желудок перестал посылать тревожные сигналы. Она вернулась к шезлонгу, откинула спинку до упора, легла, закрыла глаза и начала медитировать.

Как-то она читала, что медитация может повысить плотность коры головного мозга и понизить ее возрастное разжижение. Лидия уже практиковала медитацию и, когда Элис проявила интерес, научила ее. Помогало это сохранить плотность коры или нет, Элис любила моменты тихой концентрации, медитация успокаивала и наводила порядок в голове. В прямом смысле даровала мир ее мозгу.

Через двадцать минут отдохнувшая, полная сил, разгоряченная Элис вернулась в состояние бодрствования. Она не спеша добрела до океана, но только чтобы окунуться, смыть горячий пот и ощутить солоноватую прохладу. Вернувшись к шезлонгу, она услышала, как женщина, которая загорала на покрывале рядом с ними, восхищается пьесой театра «Моной». Желудок снова начал сокращаться, к горлу подступила тошнота.

В тот вечер Джон приготовил чизбургеры на гриле, а Элис — салат. Лидия не пришла домой к ужину.

— Я уверен, просто репетиция затянулась, — сказал Джон.

— Она теперь меня ненавидит.

— Это не так.

После ужина Элис выпила больше на два бокала вина, а Джон — на три скотча со льдом. Лидия так и не появилась. После того как Элис забросила в свой беспокойный желудок вечернюю дозу таблеток, они уселись на диван с миской попкорна и коробкой «Милк дадс» и стали смотреть «Короля Лира».

Джон разбудил ее на диване. Телевизор выключен, в доме темно. Должно быть, она заснула до конца фильма. Во всяком случае, не помнила, чем он закончился. Джон проводил ее наверх, в спальню.

Прикрыв рукой рот, с полными слез глазами она стояла возле кровати, все тревоги улетучились из желудка и головы. На подушке лежал дневник Лидии.

— Извините, опоздал, — сказал Том, входя в дом.

— Отлично, все внимание, теперь, когда Том здесь, у нас с Чарли есть для вас новости, — сказала Анна. — Я на пятой неделе беременности! Мы ждем двойняшек!

Объятия, поцелуи и поздравления, следом за ними вопросы и ответы, потом небольшая заминка и снова вопросы и ответы. Так как способность Элис уследить за тем, что говорят сразу несколько человек, становилась все слабее, ее восприимчивость к тому, что не произносилось вслух, понимание языка тела и не оформленных в слова эмоций усиливалась. Пару недель назад она рассказала об этом феномене Лидии, и дочь сказала, что это завидный дар для актера. Лидия призналась, что она сама и другие актеры прилагают невероятные усилия, чтобы уйти от вербального языка и сосредоточиться на том, что делают и чувствуют их коллеги на сцене. Элис не совсем поняла, зачем им это надо, но была признательна Лидии за то, что та рассматривала ее недостаток как завидный дар.

Джон был возбужден и счастлив, но Элис видела, что это только часть того, что он на самом деле испытывал. Анна сказала, что еще рано загадывать, и, возможно, он старался с уважением отнестись к ее предостережению. Но и без предупреждений Анны он, как всякий биолог, был суеверен и не стал бы считать птенцов, которые еще не вылупились. Но Джон не мог дождаться, когда они появятся на свет. Он хотел стать дедушкой.

За счастьем и радостной возбужденностью Чарли Элис видела толстый слой нервозности, который скрывал толстый слой страха. Она думала, что все это видно каждому, но Анна, казалось, ничего не замечала, и другие тоже. Или перед ней был просто взволнованный мужчина, который готовится стать отцом впервые? Может, он нервничает из-за того, что ему предстоит кормить два рта сразу и оплачивать одновременно два обучения в колледже? Все это объясняло только первый слой нервозности. Бросало ли его в дрожь от перспективы иметь детей-двойняшек в колледже и жену, страдающую слабоумием?

Лидия и Том стояли рядом и разговаривали с Анной. Ее дети были прекрасны, они больше не были детьми. Лидия как будто светилась изнутри: помимо главной новости она была счастлива оттого, что вся семья сможет увидеть ее на сцене.

Улыбка Тома была искренней, но Элис видела, что он чем-то обеспокоен. Том похудел, щеки и глаза слегка запали. Проблемы с учебой? Новая девушка? Том заметил, что она его изучает.

— Ма, как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— По большей части хорошо.

— Правда?

— Да, честно. Я прекрасно себя чувствую.

— Ты такая притихшая.

— Это из-за того, что мы говорим быстро и все сразу, — объяснила Лидия.

Том перестал улыбаться, казалось, он готов заплакать. В голубой сумке Элис завибрировал «блэкберри» — сигнал принять вечернюю дозу таблеток. Она решила подождать пару минут. Не хотелось принимать лекарства на глазах у Тома.

— Лидия, завтра твой спектакль в котором часу начнется? — спросила она с органайзером в руке.

— В восемь.

— Мама, тебе не стоит заносить это в свое расписание, мы все там будем. Мы же не забудем взять тебя с собой, — сказал Том.

— А какую пьесу мы будем смотреть? — поинтересовалась Анна.

— «Доказательство», — ответила Лидия.

— Ты нервничаешь? — спросил Том.

— Немного, потому что это премьера и вы все будете там. Но как только я окажусь на сцене, сразу забуду о вашем существовании.

— Лидия, в котором часу начинается твоя пьеса? — спросила Элис.

— Мам, ты только что спрашивала. Не волнуйся об этом, — попросил Том.

— В восемь, мам, — сказала Лидия. — Том, ты не помогаешь.

— Нет, это ты не помогаешь. Почему она должна волноваться, что забудет что-то, что ей не нужно запоминать?

— Она не будет об этом волноваться, если занесет нужную информацию в органайзер, — возразила Лидия.

— Послушай, в любом случае она не должна полагаться на «блэкберри». Ей следует тренировать память при каждом удобном случае, — сказала Анна.

— Так что из двух? Ей следует запомнить время начала моего спектакля или полностью положиться на нас? — уточнила Лидия.

— Ты должна подталкивать ее к тому, чтобы она старалась концентрироваться и была внимательна к тому, что происходит вокруг.

Она должна сама пытаться вспомнить нужную информацию, а не лениться, — сказала Анна.

— Она не ленился, — возразила Лидия.

— Ты и этот органайзер ее расслабляете. Послушай, мам, в котором часу завтра спектакль Лидии? — спросила Анна.

— Я не знаю, поэтому и спросила, — ответила Элис.

— Она тебе дважды ответила, мам. Ты можешь постараться запомнить, что она тебе сказала?

— Анна, прекращай ее терзать своими вопросами, — сказал Том.

— Я собиралась внести время в свое расписание, но ты меня сбила.

— Я не прошу тебя подсмотреть время в твоём расписании, я прошу тебя его запомнить.

— Что ж, я не собираюсь его запоминать, потому что хочу забить в органайзер.

— Мам, просто подумай секундочку. В котором часу завтра спектакль Лидии?

Она не знала ответ, но знала, что бедную Анну надо поставить на место.

— Лидия, в котором часу завтра твой спектакль?

— В восемь.

— В восемь, Анна.

Без пяти восемь они заняли свои места в середине второго ряда. Театр «Моной» занимал очень небольшое помещение на сто мест со сценой на уровне пола всего в нескольких футах от первого ряда.

Элис не могла дождаться, когда погаснет свет. Она читала пьесу и обсуждала ее с Лидией со всех сторон. Она даже помогала ей учить роль. Лидия играла Кэтрин, дочь гениального душевнобольного математика. Элис с нетерпением ждала, когда эти персонажи оживут перед ней.

С самой первой сцены игра актеров была тонкой и многоплановой, и Элис с головой погрузилась в созданный ими воображаемый мир. Кэтрин заявила, что сделала революционное открытие, но ни ее возлюбленный, ни проживающая в другом городе сестра ей не поверили, усомнившись в психическом здоровье героини. Кэтрин терзает страх, что она может сойти с ума, как и ее гениальный

отец. Элис вместе с ней переживала эту боль, предательство близких людей и страх. С первой до последней минуты она смотрела пьесу как замороженная.

После спектакля актеры вышли к публике. Кэтрин сияла. Джон преподнес ей букет цветов и крепко обнял.

— Ты была великолепна, просто неподражаема! — с чувством сказал он.

— Спасибо огромное! Правда, это великая пьеса?

Другие тоже обнимали, целовали и поздравляли Кэтрин.

— Блестящая игра, глаз не оторвать, — сказала Элис.

— Спасибо.

— Мы увидим вас еще в какой-нибудь постановке этим летом? — вежливо поинтересовалась Элис.

Возникла неловкая пауза, а потом она наконец ответила:

— Нет, это моя единственная роль в этом театре.

— Вы приехали к нам только на летний сезон?

Казалось, вопрос Элис опечалил актрису, у нее на глазах выступили слезы.

— Да, в конце августа я возвращаюсь в Лос-Анджелес. Но я буду часто приезжать и навещать семью.

— Мам, это Лидия, твоя дочь, — сказала Анна.

Хорошее самочувствие нейрона зависит от его способности взаимодействовать с другими нейронами. Исследования показывают, что электрическая и химическая стимуляция, как самого нейрона, так и его цели, поддерживает жизнеспособность клеток. Нейроны не способны эффективно взаимодействовать с атрофированными нейронами. Бесполезные и покинутые нейроны умирают.

Сентябрь 2004 года

Несмотря на официальное открытие осеннего семестра, погода в Гарварде упорно придерживалась правил римского календаря. В это

сентябрьское утро, когда Элис ехала в Гарвард-Ярд, термометр показывал липкие восемьдесят градусов. Из года в год в дни вступительных экзаменов и после зачисления она забавлялась, наблюдая за первокурсниками, которые приехали из других штатов. Осень в Кембридже будила воспоминания о дрожащих на ветру листьях, сборе яблок, футбольных матчах, шерстяных свитерах и шарфах. Ничего особенного не было в том, если вы поздним сентябрьским утром увидели иней на тыкве, но дни, особенно в начале сентября, были заполнены гудением неутомимых кондиционеров и горячими, патологически оптимистическими обсуждениями игры «Ред сокс».^[25] И все же каждый год эти новые студенты-переселенцы были тут как тут. Они с неуверенностью не привычных к местному климату туристов передвигались по тротуарам вдоль Гарвард-сквер, всегда закутанные в несколько слоев шерсти и флиса, нагруженные избыточным количеством пакетов из «Гарвард куп» со всеми необходимыми письменными принадлежностями и толстовками с брендом «Гарвард». Бедные вспотевшие малыши.

На Элис была белая хлопчатобумажная футболка и черная юбка из искусственного шелка, но когда она добралась до офиса Эрика Уэллмана, ей стало неудобно во влажной от пота футболке. Офис Эрика находился прямо над офисом Элис, те же габариты, та же обстановка, тот же вид на Чарлз-ривер и Бостон, но по непонятной причине он выглядел респектабельнее. Элис всегда чувствовала себя студенткой в этих стенах, и это чувство было особенно гнетущим сегодня, когда он вызвал ее к себе «на минутку поговорить».

— Как прошло лето? — спросил Эрик.

— Отлично отдохнула. А ты?

— Хорошо, но время пролетело слишком быстро. Нам всем так не хватало тебя на конференции в июне.

— Я знаю, мне тоже хотелось там быть.

— Что ж, Элис, я собирался до начала занятий поговорить с тобой о твоих оценках за прошлый семестр.

— О, я даже еще на них не взглянула.

Перехваченная резинкой стопка оценок пригодности ее курса «Мотивации и эмоции» так и лежала нераспечатанной где-то в ее офисе. Гарвардские студенты оценивали рейтинг преподавателей анонимно, к этим данным имели доступ только преподаватель курса и

заведующий кафедрой. В прошлом Элис заглядывала в их оценки исключительно из тщеславия. Она была прекрасным педагогом и знала об этом, а студенты всегда единодушно ставили ей самый высший балл. Но Эрик никогда не просил ее посмотреть оценки вместе с ним. Впервые за свою карьеру она боялась, что ей не понравится собственный образ, сформированный оценками студентов.

— Итак, у тебя есть две минуты, посмотри их.

Эрик передал ей стопку листков, первая страница была суммарной.

«По шкале от единицы (полное несоответствие) до пяти (абсолютное соответствие): компетентность преподавателя».

Все пятерки и четверки.

«Занятия группы повышают понимание материала».

Четверки, тройки и двойки.

«Преподаватель помогает мне понять сложные концепции и комплексные задачи».

Снова четверки, тройки и двойки.

«Преподаватель поощряет вопросы и особое мнение».

Два студента поставили ей единицы.

«По шкале от единицы до пяти (от самого низкого до самого высокого) дайте общую оценку преподавателю».

Большинство поставили тройки. Если память ей не изменяла, в этой категории она никогда не получала оценку ниже четырех.

Вся суммарная страница была усеяна тройками, двойками и единицами. Она была уверена, что это аккуратное и обдуманное решение, вынесенное ей студентами, и не пыталась убедить себя в обратном. Видимо, качество ее преподавания пострадало гораздо больше, чем она думала. И тем не менее она была готова поспорить, что является далеко не самым худшим преподавателем на кафедре. Она, конечно, тонула, но до дна было еще очень далеко.

Элис посмотрела на Эрика, готовая услышать его мнение, пусть оно ей и не понравится, она это переживет.

— Если бы не твое имя на суммарном листе, я бы не придал этому никакого значения. Это пристойно, не то, что в моем представлении ассоциируется с тобой, но, в общем, ничего ужасного. А вот письменные комментарии действительно вызывают беспокойство, и я решил, что нам надо поговорить.

Элис не заглядывала дальше суммарного листа. Эрик сверился со своими записями и начал читать вслух:

— Первое: «Она пропускает большие объемы из программы, ты, соответственно, тоже их пропускаешь, а потом, на экзамене, она ждет, что ты знаешь пропущенные темы». Второе: «Такое впечатление, что она не знакома с материалом по своему предмету». Третье: «Занятия — впустую потраченное время. Я бы мог просто учебник почитать». Пятое: «Мне трудно следить за текстом лекции. Она сама в нем путается. Класс не продвинулся дальше ее вводного курса». Шестое: «Однажды она пришла в класс и не стала читать лекцию. Просто посидела несколько минут и ушла. В другой раз она читала лекцию, которую уже читала за неделю до этого. Я никогда бы не осмелился тратить впустую время доктора Хауленд, но я также не думал, что она станет покушаться на мое».

Это было тяжело слышать. Это было гораздо, гораздо хуже, чем она думала.

— Элис, мы знаем друг друга уже очень давно, согласна?

— Да.

— Сейчас я рискну и буду бестактным и прямолинейным. У тебя дома все в порядке?

— Да.

— А у тебя лично? Может, ты страдаешь от переутомления или у тебя депрессия?

— Нет, ничего такого.

— Мне немного неловко, но я должен спросить, нет ли у тебя проблем с алкоголем или наркотиками?

Все, она выслушала достаточно.

«Я не могу жить с репутацией депрессивной, выбитой из колеи алкоголички и наркоманки. Слабоумие вынести легче, чем такое клеймо».

— Эрик, у меня болезнь Альцгеймера.

Он смотрел на нее ничего не понимающими глазами. Он приготовился услышать об измене Джона. Держал наготове имя хорошего психиатра. Собирался вырвать у нее согласие лечь в госпиталь Маклина, где бы ее вылечили от алкогольной или наркотической зависимости. Но к такому он был не готов.

— Диагноз поставили в январе. Последний семестр мне дался нелегко, но я не думала, что это так заметно.

— Мне жаль, Элис.

— Мне тоже.

— Я не ожидал такого.

— И я.

— Я думал, что это временная проблема, что-нибудь, с чем ты сможешь справиться. Но то, что сейчас, — не временная проблема.

— Да-да, не временная.

Эрик задумался, она за ним наблюдала. Для всех на кафедре он был как отец, заботливый и щедрый, но в то же время прагматичный и требовательный.

— Сейчас родители платят сорок тысяч в год за обучение. Это им не понравится.

Да, не понравится. Они не станут выкидывать астрономические суммы на то, чтобы их дети учились у кого-то с болезнью Альцгеймера. Элис могла себе представить, какой разразится скандал, как это подадут в вечерних новостях.

— К тому же, Элис, двое твоих студентов опротестовали год обучения. И я боюсь, что это только начало.

За двадцать пять лет преподавания никто из ее студентов не опротестовывал год ее преподавания. Ни один студент.

— Я считаю, что тебе больше не следует преподавать, но я уважаю твои планы. Ты думала об этом?

— Я надеялась продержаться еще год, а потом взять творческий отпуск, но не понимала, насколько симптомы будут заметны и разрушительны для лекций. Я не хочу быть плохим преподавателем, Эрик. Это уже не я.

— Я знаю. А не взять ли тебе отпуск по болезни, который плавно перейдет в годичный творческий?

Он хотел, чтобы она ушла. У нее безупречный послужной список, ее компетенция не подвергалась сомнению, но, самое главное, у нее бессрочный договор. По закону ее не могут уволить. Но Элис не хотела оставаться в университете любой ценой. Как бы она ни хотела продолжить карьеру в Гарварде, сражалась она с болезнью Альцгеймера, а не с Эриком или университетом.

— Я не готова уйти, но с тобой я согласна, как это ни больно для меня, думаю, преподавание мне придется бросить. Но я бы хотела остаться консультантом Дэна и присутствовать на собраниях и семинарах.

«Я больше не преподаватель».

— Думаю, мы это решим. Я хочу, чтобы ты поговорила с Дэном, объяснила ему, что происходит, и позволила ему самому принять решение. Буду счастлив выступить в роли второго консультанта, если вас обоих это устроит. И еще. Очевидно, тебе не следует брать новых аспирантов. Дэн будет последним.

«Я больше не ученый».

— Вероятно, тебе не стоит принимать приглашения на конференции в других университетах. В твоем состоянии представлять Гарвард — не лучшая идея.

Я заметил, что последнее время ты отказывалась от поездок, так что, вероятно, ты сама уже признала для себя этот факт.

— Согласна.

— Как ты хочешь поставить об этом в известность администрацию факультета и коллег по кафедре? Повторяю: я уважаю твои планы, какие бы они ни были.

Она перестанет преподавать, заниматься наукой, путешествовать и читать лекции. Иначе люди заметят. Будут строить предположения, перешептываться, сплетничать. Думать, что она депрессивная алкоголичка или наркоманка. Может быть, кто-то уже так думает.

— Я скажу им. Это должно исходить от меня.

17 сентября 2004 г.

Дорогие друзья и коллеги!

После долгих размышлений и с глубоким сожалением я приняла решение оставить преподавательскую и научную деятельность, а также прекратить поездки в качестве представителя Гарварда. В январе этого года мне был поставлен диагноз — ранняя форма болезни Альцгеймера. Так как форма у меня все еще ранняя, я испытала непредсказуемые когнитивные провалы, непозволительные для занимаемого мной положения и не соответствующие высоким стандартам, которым я стремлюсь соответствовать, и требованиям, которые мне предъявляют.

Несмотря на то что вы больше не увидите меня на кафедре в качестве лектора и я больше не буду заниматься заявками на новые гранты, я остаюсь консультантом Дэна Мэлони по защите его диссертации и буду продолжать посещать собрания и семинары, где, надеюсь, по-прежнему буду активным и полезным участником.

С огромной любовью и уважением,

Элис Хаулэнд.

В первую неделю осеннего семестра Марти занял должность Элис. Когда она встретилась с ним, чтобы передать план лекций и конспекты, он обнял ее и сказал, что очень сожалеет о том, что случилось. Спросил, как она себя чувствует и не может ли он что-то для нее сделать. Она поблагодарила и сказала, что чувствует себя прекрасно. А получив все, что ему было нужно, он как можно быстрее покинул ее офис.

Практически те же слова она слышала от всех, кого встречала на кафедре.

- Мне так жаль, Элис.
- Я просто не могу в это поверить.
- Я и представить себе не мог.
- Я могу что-нибудь для тебя сделать?
- А ты уверена? Ты совсем не изменилась.
- Мне так жаль.
- Мне так жаль.

А потом они старались поскорее уйти, и она оставалась одна. Они были вежливы и добры, когда сталкивались с ней, вот только сталкивались не слишком часто. Отчасти по причине их загруженности, а Элис теперь была практически свободна. Но в основном это был их выбор. Встреча с ней означала встречу с ее психической слабостью, после чего в голову приходила неизбежная мысль: такое могло произойти с любым из них. Встреча с ней пугала. Поэтому по большей части, за исключением собраний и семинаров, с ней предпочитали не встречаться.

Это был первый ланч-семинар в семестре. Лесли, одна из аспиранток Эрика, стояла в полной боевой готовности в торце стола переговоров, а на экран уже проецировали первый слайд: «Поиски ответов: как внимание влияет на способность распознать то, что мы видим?» Элис тоже чувствовала себя в полной боевой готовности, занимая первое кресло напротив Эрика. Пока она ела свой ланч — кальцоне с баклажаном и салат из свежих овощей, а Эрик беседовал с Лесли, комната постепенно заполнялась людьми.

Вскоре Элис заметила, что все кресла за столом заняты, кроме одного рядом с ней. Никто не встречается с ней взглядом. Около пятидесяти человек были в комнате, Элис знала их многие годы, считая своей семьей.

Вбежал Дэн — волосы растрепаны, рубашка не заправлена, вместо контактных линз — очки. Он на секунду притормозил, а потом прошел напрямик к свободному креслу рядом с Элис, хлопнул на стол блокнот, заявляя таким образом свое право на это место.

— Всю ночь не спал, работал. Надо поесть чего-нибудь, чтобы взбодриться.

Выступление Лесли заняло целый час. Чтобы проследить его до конца, Элис потребовались невероятные усилия, но она справилась.

Лесли прокомментировала последний слайд, экран стал темным, и она предложила начать обсуждение. Первой вызвалась Элис.

— Да, доктор Хауленд.

— Я думаю, для измерения действительной способности ваших отвлекающих отвлекать вам не хватает контрольной группы. Вы можете возразить, что кто-то по какой-то причине просто не привлекает внимания и такое присутствие не является отвлекающим моментом. Вы могли бы протестировать способность объектов одновременно обращать на себя внимание и следить за отвлекающим. Или провести серию тестов, где отвлекающий и цель поменяются местами.

Многие за столом согласно закивали. Дэн пробурчал «угу» с набитым кальцоне ртом. Лесли схватила ручку еще до того, как Элис закончила свою мысль, и что-то быстро записывала.

— Да, Лесли, вернись, пожалуйста, к слайду с планом твоего эксперимента, — попросил Эрик.

Элис оглядела комнату. Все глаза были устремлены на экран. Они внимательно слушали, как Эрик подробно разбирает комментарий Элис. Многие продолжали кивать. Она чувствовала себя победительницей и даже зазнайкой. Тот факт, что у нее болезнь Альцгеймера, еще не означает, что она больше не способна мыслить аналитически. Тот факт, что у нее болезнь Альцгеймера, еще не означает, что она не имеет права сидеть вместе с ними в этой комнате. Тот факт, что у нее болезнь Альцгеймера, еще не означает, что она не заслуживает того, чтобы ее выслушали.

Какое-то время вопросы и ответы сменяли другие вопросы и ответы. Элис доела кальцоне и салат. Дэн встал из-за стола и вернулся через несколько секунд. Лесли добралась до ответа на вопрос нового постдока Марти. На экран проецировался план ее эксперимента. Элис прочитала его и подняла руку.

— Да, доктор Хауленд? — предложила Лесли.

— Я думаю, для измерения действительной способности ваших отвлекающих отвлекать вам не хватает контрольной группы. Вы можете возразить, что кто-то по какой-то причине просто не привлекает внимания и такое присутствие не является отвлекающим моментом. Вы могли бы протестировать способность объектов одновременно обращать на себя внимание и следить за отвлекающим.

Или провести серию тестов, где отвлекающий и цель поменяются местами.

Это было важно. Только так и надо проводить эксперименты, ее работы не стоили бы опубликования, если бы она не использовала тесты. Элис была в этом уверена. И все же, казалось, все остальные не понимают этого. Она заметила, что на нее никто не смотрит. Язык тела присутствующих в комнате говорил о смущении и ужасе. Она перечитала данные на экране. Для проведения эксперимента необходима дополнительная контрольная группа. Тот факт, что у нее болезнь Альцгеймера, еще не означает, что она не способна мыслить аналитически. Тот факт, что у нее болезнь Альцгеймера, еще не означает, что она не знает, о чем говорит.

— Да, хорошо, спасибо, — сказала Лесли.

Но она не сделала никаких записей, не смотрела Элис в глаза, и в ее голосе совсем не было признательности.

Она больше не вела занятия, не писала заявки на гранты, не проводила исследования, не присутствовала на конференциях, не выступала в качестве приглашенного лектора. Ничего этого у нее больше никогда не будет. У Элис было такое чувство, будто самая большая ее часть, та, которую она ценила больше всего и регулярно полировала на огромном пьедестале, умерла. А вторая, более мелкая и менее привлекательная, выла от горя и жалости к себе и не знала, будут ли они теперь, оставшись одни, иметь хоть какое-то значение.

Она смотрела в огромное окно своего офиса и наблюдала, как джоггеры бегут вдоль извилистого берега Чарлз-ривер.

— У тебя будет сегодня время побегать? — спросила она.

— Может быть, — ответил Джон.

Он тоже смотрел в окно и пил кофе. Ей было интересно, что он видит. Его тоже привлекли джоггеры или что-то совершенно иное?

— Я бы так хотела, чтобы мы больше времени проводили вместе, — сказала она.

— О чем ты? Мы только что провели вместе целое лето.

— Нет, не лето, а наши жизни. Я об этом думала, и мне стало жаль, что мы так мало времени проводим вместе.

— Эли, мы живем вместе, работаем в одном университете, наши жизни неразделимы.

Вначале так и было. Они проживали свои жизни вместе, друг с другом. Но с годами все изменилось. Они позволили этому измениться. Она подумала о проведенных порознь годовых отпусках, о разделении труда из-за рождения детей, о поездках, о преданности каждого своей профессии. Они уже долгое время жили рядом, по соседству друг с другом.

— Я думаю, мы давно оставили друг друга.

— Я не чувствую себя оставленным, Эли. Мне нравится, как мы живем, думаю, мы добились нужного баланса между свободой стремиться к собственной цели и совместной жизнью.

Она подумала о том, как он стремился к своей цели, его исследования всегда были его страстью. Даже если эксперименты подводили, данные не соответствовали, а гипотезы оказывались ошибочными, его страсть оставалась неизменной. Пусть в ней были изъяны и пороки, пусть из-за нее он не спал ночами и рвал на себе волосы, он все равно был ей предан. Он отдавал ей все — время, внимание, силы, и это всегда вдохновляло Элис с большей самоотдачей относиться к собственным исследованиям. И она так и делала.

— Ты не осталась одна, Эли. Я здесь, рядом с тобой.

Он взглянул на часы и допил кофе.

— Я должен бежать в класс.

Он подхватил сумку, выбросил чашку в корзину для бумаг и подошел к ней. Наклонившись, взял ее голову в ладони и нежно поцеловал черные вьющиеся волосы. Элис посмотрела на него и растянула сжатые губы в тонкую улыбку. Она сдерживала слезы, пока он не вышел из офиса.

Если бы она была его страстью.

Элис сидела в своем офисе и наблюдала, как блестящая лента автомобилей ползет вдоль Мемориал-драйв, а в это время у группы по когнитивности проходила встреча. Без нее. Она пила чай. Впереди был целый день, ничем не занятый. Бедром она ощутила вибрацию. Восемь вечера. Она достала из голубой сумки «блэкберри».

Элис, ответь на следующие вопросы:

1. Какой сейчас месяц?

2. Где ты живешь?
3. Где находится твой офис?
4. Когда день рождения Анны?
5. Сколько у тебя детей?

Если у тебя возникнут проблемы с ответом на любой из этих вопросов, открой в своем компьютере файл «Бабочка» и немедленно выполни инструкции.

Сентябрь
34 Поплар-стрит, Кембридж
Уильям-Джеймс-Холл, комната 1002
14 сентября
Трое

Она пила чай и наблюдала, как блестящая лента автомобилей ползет вдоль Мемориал-драйв.

Октябрь 2004 года

Она села в кровати и не знала, чем заняться. Было темно, до утра еще далеко. Она не запуталась. Она знала, что не надо бодрствовать. Рядом, лежа на спине, храпел Джон. Но она не могла заснуть. В последнее время она плохо спала по ночам, возможно потому, что часто дремала днем. Или она часто дремала днем потому, что плохо спала ночью? Это был замкнутый круг, самая настоящая петля обратной связи, доводящая до головокружения поездка без начала и конца. Возможно, если ей удастся пересилить желание поспать днем, она будет спать ночью и таким образом разорвет этот круг. Но во второй половине дня она всегда была такой уставшей, что не могла устоять перед желанием прилечь на диван. А отдых на диване всегда соблазнял уснуть.

Она помнила, как сталкивалась с подобной дилеммой, когда ее детям было около двух лет. Без дневного сна к вечеру они становились вялыми и необщительными. А поспав днем, были бодрыми, когда давно уже должны были спать. Только она не помнила, каким был выход из этой ситуации.

«Если учесть количество препаратов, которые я принимаю, можно догадаться, что по крайней мере у одного из них есть побочный эффект — бессонница. Так, подожди. У меня же есть рецепт снотворного».

Она встала с кровати и пошла вниз. Она была абсолютно уверена, что рецепта там нет, но все равно первым делом выпотрошила свою голубую сумку. Бумажник, «блэкберри», сотовый, водительские права, гарвардское удостоверение, карточка медицинского страхования, двадцать долларов, горстка мелочи.

Она перебрала почту в белой, похожей на гриб вазе. Счета за свет, газ, телефон, закладная, что-то из Гарварда, квитанции.

Она открыла и опустошила все ящики в столе и в шкафу в кабинете. Выбросила журналы и каталоги из корзин в гостиной. Прочитала пару страниц в «Уикс» и загнула страницу в каталоге «Джей Джилл» — там был симпатичный свитер, ей нравился цвет морской волны.

Она выдвинула ящик со всякой хозяйственной мелочью. Батарейки, отвертка, скотч, изолента, клей, ключи, несколько зарядок, спички и все такое прочее. В этом ящике, наверное, годами не наводили порядок. Она выдвинула ящик с направляющих и высыпала его содержимое на кухонный стол.

— Эли, что ты делаешь?

Она вздрогнула, подняла голову. Это Джон, взлохмаченный, щурится на свет.

— Я тут ищу...

Она посмотрела на разбросанные на столе предметы. Батарейки, набор для шитья, клей, рулетка, несколько зарядок, отвертка.

— Я ищу что-то...

— Эли, три часа ночи. Ты тут такой бардак устроила. Не могла бы ты продолжить поиски утром?

Его голос звучал раздраженно. Он не любил, когда его будили среди ночи.

— Хорошо.

Она легла в постель и попыталась вспомнить, что искала. Было все еще темно. Джон без церемоний уснул и снова захрапел. Он всегда быстро засыпал. Она тоже когда-то была такой. Но сейчас не могла заснуть. В последнее время она плохо спала по ночам, возможно

потому, что часто дремала днем. Или она часто дремала днем, потому что плохо спала ночью? Это был замкнутый круг, самая настоящая петля обратной связи, доводящая до головокружения поездка без начала и конца.

«Стоп. У меня есть способ заснуть. Доктор Мойер дала мне эти таблетки. Куда я их положила?»

Она встала с кровати и пошла вниз.

В этот день не было ни семинаров, ни встреч. Ни учебники, ни периодика, ни почта в ее офисе не вызывали у Элис интереса. У Дэна для нее не было никаких новых материалов. В электронной почте тоже ничего нового. Ежедневные письма от Лидии приходили только во второй половине дня. Она наблюдала за движением за окном. Машины мчались по Мемориал-драйв, джоггеры бежали вдоль берега Чарлз-ривер. Возмущенный осенний ветер раскачивал верхушки сосен.

Она вытащила из картотечного шкафа ящик с надписью «Хауленд, переизданное». Она автор около ста публикаций. Пачка научных статей, комментарии, критические статьи, ее научные взгляды — все это она держала в руках. Тяжело. Ее мнение имело вес. По крайней мере, когда-то. Она тосковала по своим исследованиям, размышлениям, разговорам, идеям, озарениям. Ее наука — настоящее искусство.

Она положила папки на стол и достала из книжного шкафа свой учебник «От молекул к разуму». Он тоже был тяжелый. Этим достижением она гордилась больше других. Ее слова и идеи смешивались со словами и идеями Джона, образовывали нечто уникальное в этой Вселенной, снабжали информацией и влияли на слова и идеи других людей. Она предполагала, что когда-нибудь они напишут еще один учебник. Не вникая в смысл, Элис перелистывала страницы, эту книгу ей тоже читать не хотелось.

Она посмотрела на часы. Предполагалось, что к концу дня они с Джоном отправятся на пробежку. Впереди были долгие часы ожидания. Она решила пробежаться домой.

Их дом был всего в какой-то миле от ее офиса, так что она быстро и легко добралась до цели. Что теперь? Она прошла в кухню, чтобы приготовить чай. Наполнила чайник водой из-под крана, поставила на плиту и установила ручку нагрева на максимум. Теперь ей нужен

пакетик с чаем. На столе жестяного контейнера, где она хранила пакетики, не было. Она открыла шкафчик, в котором держала кофейные чашки. Вместо чашек перед ней были три полки с тарелками. Она открыла шкафчик справа, ожидая увидеть ряды стаканов. Вместо стаканов — миски и чашки.

Она составила миски и чашки на стол. Потом прибавила к ним тарелки. Открыла следующий шкафчик. Там тоже было совсем не то, что она ожидала. Вскоре стол был заставлен: тарелки, миски, чашки, стаканы для сока и воды, бокалы для вина, кастрюли, сковороды, пластиковые контейнеры, прихватки для кастрюль, кухонные полотенца, столовое серебро. Кухня была выпотрошена.

«А теперь осталось узнать, где я все это держала?»

Пронзительный свист чайника сбил ее с мысли. Она установила ручку нагрева на «выкл.».

Открылась входная дверь.

«О боже, Джон пришел раньше».

— Джон, почему ты тут все переставил? — крикнула она.

— Элис, что ты делаешь?

Женский голос заставил ее вздрогнуть.

— О Лорэн, ты меня напугала.

Это была соседка, которая жила в доме через улицу. Она ничего не сказала.

— Извини, не хочешь присесть? Я собиралась приготовить чай.

— Элис, это не твоя кухня.

«Что?»

Она оглядела помещение: столешница из черного гранита, шкафчики из березы, белый кафельный пол, окно над раковиной, посудомоечная машина справа от раковины, двойная плита. Стоп, разве у нее двойная плита? И тогда она впервые обратила внимание на холодильник. На дверце коллаж из прикрепленных магнитами фотографий: Лорэн, муж Лорэн, кот Лорэн и дети, которых Элис не смогла опознать.

— О Лорэн, ты только посмотри, что я натворила на твоей кухне! Я помогу все поставить на место.

— Все хорошо, Элис. Ты в порядке?

— Нет, вообще-то нет.

Ей хотелось убежать домой, на свою кухню. Могут они просто забыть о том, что случилось? Надо ли ей прямо сейчас начинать разговор о своей болезни? Она ненавидела разговаривать о своей болезни.

Элис попыталась понять это по лицу Лорэн. Та была сбита с толку и напугана. По ее лицу было видно, что она думает: «Элис, наверное, сошла с ума». Элис закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

— У меня болезнь Альцгеймера.

Она открыла глаза. Выражение лица Лорэн не изменилось.

Теперь каждый раз, заходя в кухню, она смотрела на холодильник, просто чтобы быть уверенной. Фотографий Лорэн нет. Она в нужном доме. На случай если холодильника окажется недостаточно, Джон написал большими печатными буквами записку и прикрепил ее магнитом к холодильнику.

ЭЛИС.

БЕЗ МЕНЯ НЕ БЕГАЙ.

МОЙ СОТОВЫЙ: 617-555-1122

АННА: 617-555-1123

ТОМ: 617-555-1124

Джон заставил ее пообещать не бегать без него. Она поклялась, что не будет. Конечно, она могла об этом забыть.

В любом случае, ее лодыжка пока не позволяла ей нарушить обещание. На прошлой неделе, сходя с тротуара, она подвернула ногу. Пространственное восприятие стало ее подводить. Иногда предметы казались ближе, или дальше, или вообще совсем не там, где были на самом деле. Ей пришлось проверить зрение. Зрение было прекрасное. У нее глаза двадцатилетней женщины. Проблема была не с роговицей, хрусталиками или сетчаткой — она скрывалась там, где обрабатывалась визуальная информация. Где-то в затылочной части коры головного мозга, как сказал Джон. Очевидно, у нее глаза студентки колледжа и кора головного мозга восьмидесятилетней женщины.

Никаких пробежек без Джона. Она может потеряться или пострадать физически. Но раньше она тоже не бегала без Джона. Он часто бывал в разъездах, а когда оставался в городе, уходил в Гарвард рано утром и работал там допоздна. А ко времени возвращения был слишком измотан. Ее пробежки зависели от него, она это ненавидела, особенно с тех пор, как на него нельзя было положиться.

Она взяла телефон и набрала номер с холодильника.

— Да?

— Мы будем сегодня бегать? — спросила она.

— Не знаю, может быть, у меня встреча. Я тебе перезвоню, — сказал Джон.

— Мне действительно необходимо пойти на пробежку.

— Я позвоню тебе позже.

— Когда?

— Когда смогу.

— Хорошо.

Она повесила трубку, посмотрела в окно, потом на кроссовки на ногах. Стянула их и бросила в стену.

Она устала быть разумной и понимающей. Он должен работать. Но почему он не понимает, что ей нужно бегать? Если такая простая вещь, как регулярные физические упражнения, действительно противостоят прогрессированию ее болезни, значит, ей надо бегать как можно чаще. Не исключено, что каждый раз, когда он говорит «не сегодня», она теряет нейроны, которые могла бы сохранить. Умирание набирает скорость по искусственным причинам. Джон убивает ее.

Она снова взяла телефон.

— Что? — тихо и раздраженно спросил Джон.

— Пообещай, что мы будем сегодня бегать.

— Простите, я быстро, — сказал он кому-то еще. — Пожалуйста, Элис, давай я перезвоню тебе после того, как закончится эта встреча.

— Сегодня мне необходима пробежка.

— Я пока не знаю, когда закончу работать.

— И?

— Поэтому я считаю, что нам следует купить тебе тренажер.

— Да пошел ты! — И она повесила трубку.

Она допускала, что это не было проявлением понимания с ее стороны. Последнее время у нее довольно часто случались вспышки

гнева. Но она не могла сказать, было ли это свидетельством прогрессирующей болезни или правомерной реакцией. Ей нужен тренажер. Ей нужен Джон. Может, не стоило быть такой упрямой. Может, она тоже себя убивает.

Она всегда могла пойти куда-нибудь без него. Конечно, это «куда-нибудь» должно быть безопасным местом. Она могла пойти в свой офис. Но она не хотела идти в свой офис. Там было скучно, она чувствовала себя чужой и ненужной в собственном офисе. Там она чувствовала себя глупо. Она больше не принадлежала этому месту. Во всем пространстве Гарварда не было места для профессора когнитивной психологии с нарушением когнитивности.

Она сидела в кресле в гостиной и пыталась придумать, чем заняться. Ничего стоящего не приходило в голову. Она попыталась представить завтрашний день, следующую неделю, предстоящую зиму. Ничего стоящего не приходило в голову. Ей было скучно, она чувствовала себя чужой и ненужной в собственной гостиной. День клонился к закату, тени от Тима Бёртона, [\[26\]](#) извиваясь, ползли по полу и стенам. Она наблюдала, как они растворяются в полумраке комнаты. Элис закрыла глаза и заснула.

Она стояла посреди спальни. Совершенно голая, если не считать носки и браслет «безопасное возвращение», и с рычанием боролась с предметом одежды на своей голове. Как в танце хореографии Марты Грэхем, [\[27\]](#) ее схватка с обмотанной вокруг головы вещью выглядела как физическое и поэтическое выражение гнева. Она издала протяжный крик.

— Что случилось? — спросил Джон, вбегая в спальню.

Она в панике уставилась на него одним глазом через круглую дыру в скрученной тряпке.

— Я не могу! Не могу понять, как надеть этот чертов спортивный лифчик. Я забыла, как надевается бюстгальтер, Джон! Я не могу надеть мой собственный бюстгальтер!

Он подошел ближе и осмотрел ее голову.

— Это не бюстгальтер, Эли, это трусики.

Она рассмеялась.

— Это не смешно, — сказал Джон.

Она засмеялась громче.

— Перестань, это не смешно. Послушай, если ты хочешь на пробежку, то поторопись и одевайся. У меня мало времени.

Он вышел из комнаты. Он не мог смотреть, как она стоит там голая, с трусами на голове и хохочет над собственным безумием.

Элис знала, что сидящая напротив нее молодая женщина — ее дочь, но ее тревожило отсутствие уверенности в этом знании. Она знала, что у нее есть дочь по имени Лидия, но, когда она смотрела на эту молодую женщину, ее знание о том, что перед ней дочь, было скорее академическим, чем безусловным. Это был факт, с которым она соглашалась, информация, которую ей предоставили и которую она приняла как истину.

Она посмотрела на Тома и Анну, они тоже сидели за столом, и ей удалось автоматически связать их с воспоминаниями о своей старшей дочери и о сыне. Она могла представить Анну в свадебном платье, на балу в начальной школе, колледже и средней школе. В белоснежной ночной сорочке. Эта сорочка так нравилась трехлетней Анне, что она хотела носить ее каждый день. Она помнила Тома в шапочке и плаще, в гипсе, после того как он, катаясь на лыжах, сломал ногу, в брекетах, в униформе «Маленькой лиги» и у себя на руках, когда он был совсем крошечным.

Историю Лидии она тоже могла представить, но почему-то эта женщина, которая сидела напротив, не была неразрывно связана с ее воспоминаниями о младшем ребенке. Это заставляло ее нервничать, появилось болезненное ощущение, как будто прошлое отделяется от настоящего, как дверь, которую снимают с петель. А вот мужчину, сидевшего рядом с Анной, она без труда идентифицировала как мужа Анны Чарли. И это было странно, потому что он вошел в их жизнь всего два года назад. Она представляла болезнь Альцгеймера как демона, который поселился у нее в голове. Этот своевольный демон производил нелогичные разрушения: он разрывал связь между Лидией сегодняшней и Лидией из прошлого, но оставлял в сохранности все, что касалось Чарли.

В ресторане было многолюдно и шумно. Голоса из-за соседних столиков отвлекали Элис, а музыка звучала то на заднем плане, то на авансцене. Голоса Анны и Лидии звучали для нее одинаково. Все употребляли слишком много местоимений. Она изо всех сил старалась понять, кто говорит за ее столиком, и уследить за тем, что говорят.

- Милая, все хорошо? — спросил Чарли.
- Эти запахи... — пожаловалась Анна.
- Хочешь выйти на воздух? — спросил Чарли.
- Я пойду с ней, — сказала Элис.

Как только они покинули теплый и уютный зал, по спине Элис побежали мурашки. Они обе забыли взять плащи. У входа в ресторан стояла компания курящих молодых людей. Анна взяла Элис за руку и отвела в сторону.

— Наконец-то свежий воздух, — сказала Анна и с наслаждением потянула носом.

- И тишина, — сказала Элис.
- Как ты себя чувствуешь, мам?
- Хорошо.

Анна погладила Элис по руке — той, которую все еще держала в своей.

— Бывало лучше, — призналась Элис.

— Вот и мне тоже, — сказала Анна. — Тебя тошнило, когда ты меня носила?

- Угу.
- И как ты справлялась?
- Просто живи. Это скоро пройдет.
- И глазом моргнуть не успеешь, а дети уже тут как тут.
- Жду не дождусь.
- Я тоже, — сказала Анна.

Но в ее голосе не чувствовалось воодушевления, глаза вдруг наполнились слезами.

— Мам, меня все время тошнит, я вымоталась и каждый раз, когда я о чем-нибудь забываю, думаю, что это первые симптомы.

— О, солнышко, не думай так, ты просто устала.

— Я знаю, знаю. Просто, когда я думаю о том, что ты больше не преподаешь, о том, чего ты лишилась...

— Не надо. Это время должно быть для тебя незабываемым. Пожалуйста, думай о том, чего мы достигли.

Элис сжала руку дочери, а вторую нежно положила ей на живот. Анна улыбнулась, но слезы все еще стояли у нее в глазах.

— Просто я не знаю, как со всем этим справлюсь. Работа, два малыша и...

— И Чарли. Не забывай о вас с Чарли. Береги то, что у вас есть. Сохраняй равновесие: ты и Чарли, твоя работа, твои дети, все, что ты любишь. Не принимай все, что ты любишь в своей жизни, как само собой разумеющееся, и у тебя все получится. Чарли тебе поможет.

— Пусть попробует не помочь, — пригрозила Анна.

Элис рассмеялась. Анна несколько раз промокнула глаза ладонями и шумно выдохнула ртом по системе Ламаза.

— Спасибо, мам. Мне лучше.

— Вот и хорошо.

Вернувшись в ресторан, они заняли свои места и стали ужинать. Молодая женщина напротив Элис, ее младшая дочь Лидия, постукала ножом по пустому бокалу.

— Мам, сегодня мы хотим преподнести тебе очень большой подарок.

Лидия презентовала ей скромных размеров квадратную коробочку в золотой оберточной бумаге. Должно быть, подарок был большим по значению.

Элис распечатала упаковку. Внутри оказалось три DVD-диска: «Дети Хаулендов», «Элис и Джон» и «Элис Хауленд».

— Видеовоспоминания для тебя. «Дети Хаулендов» — это коллекция интервью с Анной, Томом и со мной. Я сняла их этим летом. Это воспоминания о тебе, о нашем детстве, о том, как мы росли. Тот, что с папой, — это его воспоминания о том, как он с тобой познакомился, о ваших свиданиях, свадьбе, каникулах и еще о многом другом. Там есть пара действительно замечательных историй, мы, ваши дети, о них и не знали. Третий я пока еще не сделала. Это интервью с тобой, твои истории, если ты захочешь их записать.

— Хочу на все сто. Это так здорово. Спасибо вам, не терпится посмотреть, что там.

Официантка принесла кофе, чай и шоколадный торт со свечой. Они спели «Хеппи бёздей». Элис задула свечу и загадала желание.

Ноябрь 2004 года

К концу лета фильмы, которые купил Джон, постигла та же несчастливая участь, что и книги, которые они заменили. Элис больше не могла ни уследить за сюжетом, ни запомнить персонажи, если

только они не присутствовали в каждом эпизоде. Она была в состоянии оценить какие-то непродолжительные сцены, но к тому моменту, когда шли титры, у нее оставалось только общее ощущение от фильма. Например: этот фильм был смешной. Когда Джон или Анна смотрели фильм вместе с ней, они могли много раз хохотать до колик, или подпрыгивать от испуга, или морщиться от отвращения. Очевидно, так они реагировали на то, что происходит на экране, но она не могла понять почему. Чтобы не показать, насколько она потеряна, приходилось притворяться и подражать им. Во время просмотра фильмов она остро чувствовала свое падение.

DVD, которые сделала Лидия, подоспели как раз вовремя. Каждая история, рассказанная Джоном или кем-то из детей, длилась всего несколько минут. Она могла впитывать любую, не прикладывая особых усилий, чтобы удержать в голове информацию об одной или получать удовольствие от других. Она пересматривала их снова и снова. Она не помнила всего, о чем говорили дети и Джон, но это было абсолютно нормально, потому что они тоже не помнили всех деталей. А когда Лидия просила их восстановить одно и то же событие, каждый вспоминал его немного по-своему, какие-то детали пропускал, какие-то преувеличивал, подчеркивая свое личное участие. Даже не искаженные болезнью биографии были уязвимы перед провалами в памяти и подтасовками.

Просмотр видео «Элис Хауленд» она смогла выдержать всего один раз. Когда-то она умела прекрасно говорить и никогда не испытывала дискомфорта перед большой аудиторией. Теперь, когда надо и не надо, она говорила «фигня» и без конца повторялась. И все же она была благодарна Лидии за эту идею. Ее воспоминания, размышления, советы записывались и сохранялись, и молекулярный хаос Альцгеймера уже не мог на них повлиять. Когда-нибудь ее внуки посмотрят этот диск и скажут: «Это наша бабушка, когда она еще разговаривала и что-то помнила».

Она только закончила смотреть «Элис и Джон». Экран погас, но она по-прежнему сидела на диване и слушала. Ей нравилась тишина. Она отдыхала и не думала ни о чем, кроме тиканья часов на камине. А потом вдруг это тиканье обрело смысл, и ее глаза распахнулись.

Она посмотрела на стрелки. Без десяти десять.

«О господи, почему я все еще здесь сижу?»

Она сбросила шерстяное одеяло на пол, втиснула ноги в тапки и помчалась в свой кабинет, на бегу отключив лэптоп.

«Где моя голубая сумка?»

На стуле нет, на столе нет, в ящиках стола нет. Она бросилась в спальню. На кровати нет, на тумбочке нет, на комодe нет, в гардеробе нет, на столе нет. Сумку она обнаружила висящей на дверной ручке в ванной, когда стояла в прихожей и пошагово восстанавливала в своем запутанном сознании этапы собственного местонахождения в доме.

Открыла сумку. Сотовый, «блэкберри», ключей нет. Она всегда клала ключи в сумку. Хорошо, не совсем так. Предполагалось, что она держит ключи в сумке. Иногда она клала их в ящик своего стола, в ящик со столовым серебром, на полку с нижним бельем, в шкатулку с украшениями, в почтовый ящик, в карман. Иногда просто оставляла в замочной скважине. Она выходила из себя, когда думала о том, сколько минут в день тратит на поиски положенных в несоответствующие места вещей.

Она снова помчалась вниз в гостиную. Ключей нет, но на кресле с подголовником ее пальто. Она надела его и сунула руки в карманы. Ключи!

Она добежала до парадного входа, но остановилась, не достигнув двери. Это было очень и очень странно. В полу как раз напротив двери зияла большая дыра. В ширину она растянулась на всю прихожую, а в длину была восемь или девять футов, внизу — чернота подвала. Доски паркета в прихожей стали скрипеть, и они с Джоном недавно говорили о том, чтобы их заменить. Джон нанял подрядчика? Кто-то сегодня приходил в дом? Она не могла вспомнить. В любом случае, не было смысла стоять напротив двери, пока не починят пол.

Пока она шла к задней двери, зазвонил телефон.

— Привет, мам. Я буду около семи, привезу ужин.

— Хорошо, — ответила Элис с несколько восходящей интонацией.

— Это Анна.

— Я знаю.

— Папа до завтра будет в Нью-Йорке, ты помнишь? Сегодня я ночую у тебя. Но с работы не смогу вырваться раньше половины седьмого, ты подожди меня, вместе поужинаем. Может, тебе лучше записать это на белой доске на холодильнике?

Она взглянула на доску.

НЕ БЕГАЙ БЕЗ МЕНЯ.

Это ее спровоцировало, ей захотелось закричать в трубку, что она не нуждается в няньках, что в собственном доме она может прекрасно существовать и одна. Но она сделала глубокий вдох и сказала:

— Хорошо, увидимся позже.

Она повесила трубку и поздравила себя с тем, что все еще способна контролировать свои эмоции. Когда-нибудь наступит день, и она уже не сможет этого делать. Будет хорошо, если придет Анна и ей больше не придется сидеть в доме одной.

Она была в пальто, на плече голубая сумка и лэптоп. Она выглянула в окно на кухне. Ветрено, сыро, пасмурно. Утро? У нее не было настроения гулять или сидеть в своем офисе. Там ей скучно, она чувствовала себя чужой и ненужной в собственном офисе. Там она чувствовала себя глупо. Она больше не принадлежала этому месту.

Она сняла с плеча сумку, потом пальто и пошла в кабинет, но внезапный щелчок и глухой стук заставили ее вернуться в прихожую. Почта только что поступила через щель в двери и лежала «на дыре», каким-то образом там зависнув. Должно быть, балансировала на расположенной под полом балке или на какой-нибудь не видимой глазу паркетине.

«Парящая почта. У меня отказал мозг!»

Она вернулась в кабинет и постаралась забыть о неподвластной гравитации дыре в прихожей. Это было поразительно трудно.

Она сидела в кабинете, обхватив руками колени, смотрела в темнеющее окно и ждала, когда придет к ужину Анна, когда вернется из Нью-Йорка Джон и она сможет бегать. Она сидела и ждала. Сидела и ждала, когда станет хуже. Ей было тошно просто сидеть и ждать.

Она была единственным известным ей человеком в Гарварде с ранним Альцгеймером. Вообще единственным известным ей человеком с ранним Альцгеймером. Естественно, она не единственная. Ей надо было найти своих новых коллег. Она должна населить мир, в котором очутилась, мир слабоумия.

Она набрала в Google «ранний Альцгеймер». Поисковик выдал множество фактов и статистических данных.

Предполагается, что в Соединенных Штатах проживает пятьсот тысяч больных с ранним Альцгеймером.

Ранний Альцгеймер определяется как болезнь Альцгеймера у людей младше шестидесяти пяти лет.

Симптомы могут начать проявляться после тридцати — сорока лет.

Дальше следовали сайты со списками симптомов, факторами генетического риска, причинами и методами лечения. Потом — статьи об исследованиях и открытиях новых лекарственных препаратов. Все это она уже видела.

Она добавила в строку поиска «поддержка» и нажала на клавишу ввода.

Она нашла форумы, электронные доски объявлений, контакты и чаты. Для тех, кто ухаживает за больными. В списке тем для сиделок и родственников были: помощь в уходе; вопросы, касающиеся медикаментов, снятия стрессов, галлюцинаций у больного; как противостоять ночным блужданиям; как совладать с отрицанием и депрессией. Сиделки посылали вопросы и ответы, выражали сочувствие и обсуждали проблемы с их восьмидесятиоднолетними матерями, семидесятичетырехлетними мужьями и восьмидесятипятилетними бабушками с болезнью Альцгеймера.

«А как же поддержка для самих больных? Где другие пятидесятиоднолетние, страдающие слабоумием?

Где люди, которые были на пике карьеры, когда этот диагноз выбил почву у них из-под ног?»

Она не возражала: узнать о таком диагнозе — трагедия в любом возрасте. Не думала, что сиделкам и родным не нужна поддержка. Не отказывала им в страдании. Она знала, что Джон страдает.

«Но как же я?»

Она вспомнила о визитке социального работника из Массачусетского главного госпиталя, нашла ее и набрала номер.

— Дениз Даддарио.

— Здравствуйте, Дениз, это Элис Хауленд. Я пациентка доктора Дэвиса, он дал мне вашу визитку. Мне пятьдесят один год, и около года назад мне поставили диагноз — ранний Альцгеймер. Меня интересует, существуют ли в вашем госпитале группы поддержки для людей с болезнью Альцгеймера?

— Нет, к сожалению, нет. У нас есть группы поддержки, но только для сиделок и родных. Большинство наших пациентов с этим диагнозом не смогли бы принимать участия в подобных собраниях.

— Но какие-то смогли бы?

— Да, но, боюсь, у нас не хватит ресурсов для поддержания и проведения собраний такого рода групп.

— Каких ресурсов?

— Понимаете, группы поддержки сиделок и родных состоят из двенадцати — пятнадцати человек. Они собираются еженедельно, встреча длится два часа. Мы должны предоставить им помещение, кофе, выпечку, пару человек в помощь и еще одного приглашенного выступающего в месяц.

— А просто пустая комната, где люди с ранним Альцгеймером могли бы встретиться и поговорить о том, с чем им приходится сталкиваться, — это проблема?

«Ради всего святого, я могу принести кофе и пончики с повидлом».

— На таких встречах должен будет присутствовать кто-то из персонала госпиталя, а у нас сейчас, к сожалению, нет свободных людей.

«Один из помощников со встречи сиделок не подойдет?»

— Вы можете дать мне контактную информацию об известных вам больных с ранним слабоумием? Я бы сама попыталась что-нибудь организовать.

— Боюсь, что не могу выдавать такую информацию. Может быть, вы хотите назначить встречу, прийти и поговорить со мной? У меня есть окно в пятницу семнадцатого декабря, в десять утра.

— Нет, спасибо.

Шум возле парадной двери вырвал ее из состояния полусна. В доме было холодно и темно. Дверь со скрипом открылась.

— Извини, я опоздала!

Элис встала с дивана и прошла в прихожую. Там она увидела Анну. Анна с большим бумажным пакетом в одной руке и с пачкой смятой почты в другой стояла на дыре!

— Мам, в доме весь свет выключен. Ты спала? Тебе не надо спать после обеда, так ты никогда не заснешь ночью.

Элис подошла к дочери и села на корточки. Положила ладонь на дыру. Под ладонью была не пустота. Она пробежала пальцами по жесткому шерстяному ковру. Ее черный ковер в прихожей. Он лежал там годами. Она так сильно ударила по нему ладонью, что звук удара эхом отозвался в коридоре.

— Мам, что ты делаешь?

Ладонь жгло от удара по колючей шерсти, она слишком устала, чтобы вынести унижительное объяснение с Анной, а невыносимый запах арахисового масла из бумажного пакета вызывал у нее отвращение.

— оставь меня в покое!

— Мам, все в порядке. Пошли на кухню, поужинаем.

Анна бросила почту и потянулась к руке матери, к той, которую жгло. Элис отдернула руку и закричала:

— оставь меня в покое! Убирайся из моего дома! Я ненавижу тебя! Не желаю тебя видеть!

Ее слова ударили Анну сильнее, чем если бы она дала дочери пощечину. Слезы текли по ее щекам, но лицо выражало спокойную решимость.

— Я принесла ужин, проголодалась, и я остаюсь. Я иду в кухню, поем, а потом лягу спать.

Элис осталась в прихожей одна, она бурлила от гнева и желания вступить в бой. Она открыла парадную дверь и потянула ковер к выходу. Дернула его со всей силы и упала. Встала и снова потянула, дергала, сворачивала и боролась с ковром до тех пор, пока он не оказался за порогом. Потом пнула его ногой и дико вопила, пока он переваливался по ступенькам. Наконец ковер оказался на тротуаре.

Элис, ответь на следующие вопросы:

1. Какой сейчас месяц?
2. Где ты живешь?

3. Где находится твой офис?
4. Когда день рождения Анны?
5. Сколько у тебя детей?

Если у тебя возникнут проблемы с ответом на любой из этих вопросов, открой в своем компьютере файл «Бабочка» и немедленно выполни инструкции.

Ноябрь
Кембридж
Гарвард
Сентябрь
Трое

Декабрь 2004 года

Диссертация Дэна насчитывала сто сорок две страницы, не считая ссылок. Элис уже давно не читала такие длинные тексты. Она устроилась на диване, за правым ухом у нее была приткнута красная ручка, а розовый маркер она держала в правой руке. Красной ручкой она редактировала, с помощью розового маркера отмечала то, что уже прочитала. Элис выделяла розовым цветом все, что казалось ей важным, таким образом, когда надо было вернуться, она перечитывала только цветные слова.

На двадцать шестой странице, которая в результате практически вся стала розовой, она застопорилась окончательно. Ее мозг был перегружен и умолял об отдыхе. Она представляла, как розовые слова со страниц диссертации Дэна трансформируются в липкую сладкую вату у нее в голове. Чем больше она читала, тем больше нуждалась в том, чтобы выделить то, что надо понять и запомнить. И чем больше слов выделяла, тем больше сладкой розовой ваты забивало и засоряло мозг, препятствуя пониманию и запоминанию прочитанного. Дойдя до двадцать шестой страницы, она уже ничего не понимала.

Бип, бип.

Она швырнула диссертацию Дэна на кофейный столик и пошла на зов компьютера в кабинет. Одно новое сообщение во «входящих».

Дорогая Элис!

Я поделилась вашей идеей о группе поддержки с другими больными с ранним слабоумием в нашем отделении и с людьми из Бригема и женского госпиталя. Отозвались три человека, они местные, и их очень заинтересовала ваша идея. Они разрешили мне сообщить вам их имена и контактную информацию (см. приложение).

Возможно, вы также захотите связаться с Массачусетской ассоциацией Альцгеймера. Они могут знать тех, кто захочет встретиться с вами.

Держите меня в курсе того, как у вас идут дела, и сообщите, если понадобится дополнительная информация или консультация. Мне жаль, что официально мы не можем сделать для вас больше.

Удачи!

Дениз Даддарио

Она открыла приложение.

Мэри Джонсон, пятьдесят один год, лобно-височное слабоумие;

Кэти Робертс, сорок восемь лет, ранний Альцгеймер;

Дэн Салливан, пятьдесят три, ранний Альцгеймер.

Вот они — ее новые коллеги. Она снова и снова перечитывала их имена.

«Мэри, Кэти и Дэн. Мэри, Кэти и Дэн».

Ее охватило радостное возбуждение и еле сдерживаемый ужас, которые она когда-то испытывала за неделю до первого дня в детском саду, колледже, магистратуре. Какие они внешне? Работают ли они или

уже нет? Как давно живут с этим диагнозом? У них такие же симптомы, как у нее, или слабее, или серьезнее? У них есть что-то общее?

«Вдруг я ушла гораздо дальше, чем они?»

Дорогие Мэри, Кэти и Дэн!

Меня зовут Элис Хауленд. Мне пятьдесят один год, и в прошлом году мне поставили диагноз «ранний Альцгеймер». Я двадцать пять лет была профессором психологии в Гарвардском университете, но оставила свою должность в связи с диагнозом, который мне поставили в этом сентябре.

Теперь я дома и чувствую себя в нем очень одиноко. Я позвонила Дениз Даддарио в Массачусетский главный госпиталь и поинтересовалась по поводу групп поддержки для людей с ранним слабоумием. У них организованы группы только для сиделок и родных, а для нас — ничего. Но она сообщила мне ваши имена.

Я бы хотела пригласить вас к себе домой на чай или кофе и побеседовать. Жду вас в это воскресенье, пятого декабря, в два часа дня. Буду рада видеть и ваших близких, если вы захотите, они могут присутствовать. Прилагаю мой адрес и подробные координаты.

С нетерпением жду встречи,

Элис.

«Мэри, Кэти и Дэн. Мэри, Кэти и Дэн. Дэн. Диссертация Дэна. Он ждет мою редактуру».

Она вернулась в гостиную, устроилась на диване и открыла диссертацию Дэна на двадцать шестой странице. Розовый цвет хлынул в ее мозг. У нее разболелась голова. Она подумала, что кто-нибудь уже мог ответить. Она отложила фигню Дэна еще до того, как эта мысль окончательно сформировалась у нее в голове.

Открыла почту. Ничего нового.

Бип, бип.

Она взяла трубку телефона.

— Алло?

Длинный гудок. Она надеялась, что это Мэри, Кэти или Дэн. Дэн. Диссертация Дэна.

Снова на диван. С маркером в руке она выглядела очень уравновешенной и занятой делом, но ее глаза не были сфокусированы на буквах. Она мечтала наяву.

Могут ли Мэри, Кэти или Дэн прочитать двадцать шесть страниц, понять весь текст и запомнить прочитанное?

«Что, если я единственная, кто может подумать, будто ковер в прихожей — это черная дыра?»

Вдруг только она скатывается вниз? Она ощущала, как скатывается, скатывается в пропасть помешательства. В одиночестве.

— Я одна, одна, одна, — стонала она.

И, слушая свой голос, все глубже погружалась в бездну.

Бип, бип.

Звонок в дверь, как пружина, выбросил ее на поверхность. Это они? Она приглашала их на сегодня?

— Минутку!

Она вытерла глаза рукавом, по пути в прихожую расчесала пальцами спутанные волосы, сделала глубокий вдох и открыла дверь. Никого.

Слуховые и визуальные галлюцинации — реальность примерно для половины людей с диагнозом Альцгеймера, но с ней пока ни то ни другое не случалось. А может, и случалось. Когда она одна, нельзя понять: то, что она испытывает, происходит на самом деле или это реальность Альцгеймера. Ее дезориентацию, фантазии, галлюцинации и всю другую связанную со слабоумием фигню нельзя было выделить розовым цветом, чтобы отличать от нормальных, правильных и реальных событий. В ее положении она просто не могла отличить одно от другого. Ковер был дырой. Этот звук был звонком в дверь.

Она снова проверила «входящие». Одно новое письмо.

Привет, мам!

Как ты? Ты ходила вчера на семинар? Ты бегаешь? Мои классы, как всегда, на высоте. Сегодня у меня очередное прослушивание в коммерческий банк. Посмотрим. Как дела у папы? Он будет дома на этой неделе? Я знаю, последний месяц был трудным. Держитесь, скоро буду!

Люблю,

Лидия.

Бип, бип.

Она взяла трубку телефона.

— Алло?

Длинный гудок. Она выдвинула верхний ящик картотечного шкафа и бросила туда трубку. Трубка ударилась о металлическое дно. Она задвинула ящик.

«Стоп, это может быть мой сотовый».

— Сотовый, сотовый, сотовый, — повторяла она, чтобы не забыть цель поисков, пока бродит по дому.

Она искала повсюду, но так и не нашла. Потом сообразила, что надо заглянуть в голубую сумку, и сменила призыв.

— Голубая сумка, голубая сумка, голубая сумка.

Она нашла сумку на столе в кухне, сотовый был внутри, но отключен. Возможно, на улице кто-то открывал или закрывал машину, и это был звук отключения сигнализации. Она снова заняла позицию на диване и открыла диссертацию Дэна на двадцать шестой странице.

— Есть кто дома? — спросил мужской голос.

Элис вскинула голову и прислушалась, как будто ее звал какой-нибудь призрак.

— Элис? — позвал бестелесный голос.

— Да?

На пороге гостиной стоял Джон. Он явно чего-то ждал. Она почувствовала облегчение, но нуждалась в дополнительной информации.

— Идем. Мы ужинаем с Бобом и Сарой. И уже немного опаздываем.

Ужин. Она сразу почувствовала, что голодна. Она не помнила, ела что-нибудь в этот день или нет. Может быть, поэтому и не смогла прочитать диссертацию Дэна. Может, ей просто надо поесть. Но мысль о ресторане и разговорах за ужином забирала последние силы.

— Я не хочу идти на ужин. У меня был тяжелый день.

— У меня тоже был тяжелый день. Давай поужинаем вместе, мы прекрасно проведем вечер.

— Ты иди. Я хочу остаться дома.

— Перестань, будет весело. Мы не идем на вечеринку к Эрику. Тебе будет полезно развеяться, и, я уверен, они будут тебе рады.

«Нет, они не будут рады. Они почувствуют облегчение, если я не приду. Я — слон из сладкой розовой ваты в тесной комнате. Из-за меня все будут ощущать дискомфорт. Я превращу ужин в цирковой номер, жонглирование жалостью и вымученными улыбками, бокалами для коктейлей, вилками и ножами».

— Я не хочу идти на ужин. Извинись за меня перед ними, но я не в настроении.

Бип, бип.

Она увидела, что Джон тоже услышал этот звук, и пошла следом за ним на кухню. Он открыл микроволновую печь и достал оттуда чашку.

— Холодный как лед. Хочешь, нагрее заново?

Должно быть, она готовила чай утром, но забыла его выпить. Потом, вероятно, решила разогреть чай, поставила чашку в микроволновку и забыла ее там.

— Нет, спасибо.

— Я недолго.

Он поцеловал ее и вышел из дома один. Она еще долго стояла там, где он ее оставил, с чашкой холодного чая в руках.

Она уже направлялась в кровать, а Джон все еще не вернулся после ужина. Когда она поворачивала к лестнице, ее внимание привлек

синий огонек компьютера в кабинете. Она прошла туда и, скорее по привычке, чем из любопытства, открыла «входящие».

Вот они.

Дорогая Элис!

Меня зовут Мэри Джонсон. Мне пятьдесят семь, пять лет назад мне поставили диагноз «лобно-височное слабоумие». Я живу на Норд-Шор, это не очень далеко от вас. Ваша идея просто замечательная. Я с радостью к вам приеду. Мой муж Барри привезет меня. Я не уверена, что он захочет остаться. Мы оба рано вышли на пенсию и все время вдвоем дома. Думаю, он будет рад от меня отдохнуть.

До скорой встречи,

Мэри

Привет, Элис!

Я Дэн Салливан, пятьдесят три года, три года назад мне поставили диагноз «ранний Альцгеймер». Эта болезнь у нас в роду. Болели моя мать, два дяди, одна из тетушек и четыре кузена. Так что я знал, что это придет, и жил с этой болезнью с самого детства. Забавно, но этот опыт совсем не сделал мою теперешнюю жизнь легче. Моя жена знает, где вы живете. Недалеко от Массачусетского главного госпиталя. Рядом с Гарвардом. Моя дочь училась в Гарварде. Я каждый день молюсь, чтобы ей это не передалось.

Дэн

Привет, Элис!

Спасибо за письмо и приглашение. Мне, как и вам, поставили диагноз «ранний Альцгеймер» год назад. Это было почти облегчением. Я думала, что схожу с ума. Я сбивалась с мысли в разговоре, не

могла закончить предложение, забывала дорогу домой, разучилась пользоваться чековой книжкой, путалась в расписании детей (у меня дочь пятнадцати лет и сын тринадцати). Мне было всего сорок шесть, когда начали проявляться симптомы, поэтому, естественно, никому и в голову не пришло, что у меня болезнь Альцгеймера.

Я считаю, что лекарства очень помогают. Я принимаю арисепт и наменду. У меня бывают хорошие дни и плохие. В хорошие дни окружающие и родные пользуются моментом и воспринимают меня как абсолютно здоровую и даже больше! Я не настолько отчаянно нуждаюсь во внимании! А потом наступают плохие дни, и я перестаю связно думать, не могу сконцентрироваться и совсем не могу работать в многозадачном режиме. И я тоже чувствую себя одиноко. С нетерпением жду встречи.

Кэти Робертс

P. S.: Вам известно о «Dementia Advocacy and Support Network International»? Зайдите на их веб-сайт: www.dasinternational.org. Это замечательный сайт, там такие, как мы, могут выговориться, получить поддержку, поделиться информацией.

Это были они. Они собирались приехать.

Мэри, Кэти и Дэн сняли пальто и разместились в гостиной. Их супруги остались в пальто, неохотно попрощались и вместе с Джоном отправились пить кофе «У Джерри».

Мэри — блондинка со стрижкой каре, шоколадного цвета глаза и очки в черной оправе. Кэти — умное приятное лицо, глаза улыбаются раньше, чем губы. Она с первого взгляда понравилась Элис. Дэн — крепкий, коренастый, густые усы и лысеющая голова. Они могли быть профессорами, приехавшими с визитом из пригорода, членами общества книголюбов или старыми друзьями.

— Никто не хочет что-нибудь думать? — предложила Элис.

Гости посмотрели на нее, потом переглянулись, никто не ответил. Они такие стеснительные или слишком хорошо воспитаны, чтобы заговорить первыми?

— Элис, ты хотела сказать «выпить»? — спросила Кэти.

— Да, а я что сказала?

— Ты сказала «думать».

Элис покраснела. Оговорка — это не то, что она хотела продемонстрировать своим гостям при встрече.

— Я бы не отказался от пары чашек мыслей. Мои за последние дни почти опустели, я бы их освежил, — сказал Дэн.

Они рассмеялись, и это их сразу объединило. Элис принесла кофе и чай, а Мэри тем временем рассказывала свою историю.

— Я двадцать два года была агентом по торговле недвижимостью. И вдруг стала забывать о встречах с клиентами, о собраниях, о домах, выставленных на продажу. Я приезжала показать дом и забывала ключи. Потерялась в районе, который знала сто лет, а со мной в машине была покупательница. Я каталась по району около сорока пяти минут, хотя дорога должна была занять минут десять. Могу представить, что она обо мне думала.

Я стала раздражительной, приходила в офис и срывалась на других агентах. У меня всегда был легкий характер, а тут вдруг обо мне пошла слава психопатки. Я разрушила свою репутацию. А моя репутация была для меня всем. Мой доктор назначил мне какой-то антидепрессант. А когда он не помог, прописал другой, потом какой-то еще...

— Долгое время я думала, что просто переутомилась и замоталась, пытаюсь успеть повсюду, — рассказывала Кэти. — Я работала на полставки фармацевтом, растила двоих детей, занималась хозяйством, носилась, как курица с отрубленной головой. Мне было всего сорок шесть, так что я и подумать не могла, что у меня может быть деменция. А потом однажды на работе я не смогла понять название препарата, не знала, как отмерить десять миллилитров. Именно тогда я поняла, что могу дать кому-нибудь не то количество препарата или даже не тот препарат. По существу, я могла случайно убить человека. Тогда я сняла халат, ушла домой до окончания

рабочего дня и больше не возвращалась. Я была опустошена. Думала, что схожу с ума.

— А ты, Дэн? Каким был твой первый звоночек? — спросила Мэри.

— Я всегда был мастером на все руки. И вот в один прекрасный день я не смог починить вещь, которую раньше чинил легко. Я всегда содержал свою мастерскую в идеальном порядке, все на своих местах. Теперь там полный бардак. Когда у меня пропадали инструменты, я обвинял друзей в том, что они берут их у меня и не возвращают. Но виноват всегда был я. Я был пожарным. Я начал забывать имена ребят из команды. Не мог закончить фразу. Забыл, как готовить кофе. Я видел, как это происходило с моей мамой, когда был подростком. У нее тоже был ранний Альцгеймер.

Они рассказывали друг другу истории о первых симптомах, о том, чего им стоило узнать точный диагноз, о том, как они вырабатывали стратегию жизни с такой болезнью. Они слушали, кивали, смеялись и плакали над историями о потерянных ключах, потерянных мыслях, потерянных мечтах. Элис чувствовала, что ее действительно слушают и никто не делает скидку на ее болезнь. Она чувствовала себя нормальной.

— Элис, твой муж еще работает? — спросила Мэри.

— Да. Он с головой погружен в свои исследования и преподает. Еще он много разъезжает. Это тяжело. Но на следующий год у нас обоих будет творческий отпуск. Так что мне надо продержаться до конца семестра, и мы сможем провести вместе дома целый год.

— Ты справишься, ты почти у цели, — сказала Кэти. — Еще каких-то несколько месяцев.

Анна послала Лидию в кухню, приготовить пудинг с белым шоколадом. Теперь, когда ее беременность была заметна, а токсикоз прошел, она постоянно ела, как будто выполняла задание по возмещению утерянных во время токсикоза калорий.

— У меня есть новость, — сказал Джон. — Мне предложили место руководителя программы раковой биологии и генетики в онкологическом центре Слоуна — Кеттеринга.

— А где это? — спросила Анна с полным ртом клюквы в шоколаде.

— Нью-Йорк.

Никто не произнес ни слова. В стереосистеме Дин Мартин горланил «A Marshmallow World».

— Ну, тебя ведь не привлекает эта идея? — спросила Анна.

— Очень привлекает. Этой осенью я был там несколько раз. Это идеальное место для меня.

— Но как же мама? — спросила Анна.

— Она больше не работает и практически не ходит в кампус.

— Но ей надо быть здесь, — возразила Анна.

— Ничего подобного. Она будет со мной.

— О, пожалуйста! Я прихожу по вечерам, когда ты работаешь допоздна, я ночую у вас, когда ты в отъезде, и Том приезжает на уикэнды когда может, — говорила Анна. — Мы не всегда здесь, но...

— Вот именно, вы не всегда здесь. Вы не знаете, насколько все плохо. Она делает вид, что знает то, чего не знает. Ты думаешь, через год она будет понимать, что мы все еще в Гарварде? Она сейчас, когда мы отходим от дома на три квартала, не может понять, где находится. Мы можем стоять в центре Нью-Йорка, я скажу, что это Гарвард-сквер, и она не заметит разницы.

— Нет, она поймет, — сказал Том. — Не говори так.

— Ладно, пока мы никуда не переезжаем. До сентября еще далеко.

— Не важно, когда это случится, для нее важно быть здесь. Если вы переедете, ей быстро станет хуже, — сказала Анна.

Они говорили о ней, как будто она не сидела в кресле в нескольких футах от них. Они говорили о ней при ней, как будто она была глухая. Они говорили о ней в ее присутствии, не вовлекая ее в разговор, как будто у нее была болезнь Альцгеймера.

— Скорее всего, мне больше никогда не представится возможность занять это место, а они хотят меня получить.

— Я хочу, чтобы она смогла увидеть двойняшек, — сказала Анна.

— Нью-Йорк не так далеко. И нет гарантии, что вы все останетесь в Бостоне.

— Я могу быть там, — сказала Лидия.

Она стояла в дверях между гостиной и кухней. Элис не видела ее до тех пор, пока она не заговорила, и это внезапное появление дочери на заднем плане напугало ее.

— Я подала документы в Нью-Йоркский университет, в Университет Брандейса, в Брауновский и в Йель. Если меня примут в Нью-Йоркский, а вы с мамой будете в Нью-Йорке, я смогу жить с вами и помогать. А если вы останетесь здесь, а я поступлю в Брандейса или в Брауновский, я тоже буду поблизости, — сказала Лидия.

Элис хотела сказать Лидии, что это замечательные университеты. Хотела спросить, какие программы интересуют ее больше всего. Хотела сказать, что гордится ею. Но ее мысли от рождения до вербального воплощения в последнее время продвигались так медленно, как будто, перед тем как появиться на поверхности и быть услышанными, им надо было преодолеть поток густого черного ила. И большинство из них тонуло в пути.

— Это здорово, Лидия! — воскликнул Том.

— Вот так, значит. Ты собираешься жить где-то, как будто у мамы нет Альцгеймера, и нам нечего сказать по этому поводу? — поинтересовалась Анна.

— Я многим жертвую, — сказал Джон.

Он всегда ее любил, и она не мешала ему. Сейчас для нее самым драгоценным было время, которое еще оставалось у них двоих. Она не знала, как долго сможет оставаться собой, но убеждала себя в том, что продержится до творческого отпуска. Последний год вместе с Джоном. Она бы не променяла его ни на что на свете.

Очевидно, он был готов это сделать. Как он мог? Этот вопрос прорвался сквозь черный поток в ее голове и не нашел ответа. Как он мог? Ответ ударил по глазам и сдавил сердце. Один из них должен пожертвовать всем.

Элис, ответь на следующие вопросы:

1. Какой сейчас месяц?
2. Где ты живешь?
3. Где находится твой офис?
4. Когда день рождения Анны?
5. Сколько у тебя детей?

Если у тебя возникнут проблемы с ответом на любой из этих вопросов, открой в своем компьютере файл «Бабочка» и немедленно выполни инструкции.

Декабрь
Гарвард-сквер
Гарвард
Апрель
Трое

Январь 2005 года

— Мам, просыпайся. Она давно спит?

— Уже около восемнадцати часов.

— С ней такое бывало?

— Пару раз.

— Папа, я волнуюсь. Вдруг она вчера приняла слишком много таблеток?

— Нет, я проверял ее пузырьки и дозатор.

Элис слышала, как они разговаривают, понимала суть разговора, но ее это не трогало. С тем же успехом она могла подслушивать, как два незнакомых человека обсуждают женщину, которую она не знает. У нее не было желания просыпаться. Она и не думала, что спит.

— Эли, ты меня слышишь?

— Мам, это я, Лидия, ты можешь проснуться?

Женщина по имени Лидия говорила о том, что хочет вызвать врача. Мужчина, которого звали Папа, говорил, что женщине по имени Эли надо дать еще немного поспать. Они говорили о том, чтобы заказать мексиканскую еду и поужинать дома. Может быть, запах еды разбудит женщину по имени Эли. А потом голоса стихли. Снова стало темно.

Она шла по песчаной тропе в густой лес. За лесом она преодолела несколько американских горок и оказалась на отвесной скале. Подошла к краю и огляделась. Океан внизу сплошь покрыт льдом, берег похоронен под снежными заносами. Перед ней безжизненный, лишенный цвета, невозможно безмолвный мир. Она звала Джона, но голос не был слышен. Она повернулась, чтобы уйти, но тропинка и лес

исчезли. Она посмотрела на свои бледные босые ноги. Выбора не было, она приготовилась броситься со скалы.

Она сидела в шезлонге и то и дело погружала ноги в чудесный теплый песок. Наблюдала за Кристиной. Кристина была ее лучшей подружкой в детском саду, ей по-прежнему было пять лет, и она запускала воздушного змея. Розовые и желтые маргаритки на купальнике Кристины, сине-фиолетовые крылья змея в форме бабочки, синева неба, желтое солнце, красный педикюр у нее на ногах — никогда в своей жизни она не видела таких ярких, таких необыкновенных цветов. Она наблюдала за Кристиной, ее переполняли любовь и радость. Но эти чувства она испытывала не к подружке, а к цветам ее купальника и воздушного змея, от этих красок у нее захватывало дух.

Ее сестра Энн и Лидия, обеим около шестнадцати лет, лежали бок о бок на пляжных полотенцах в красно-бело-синюю полоску. Их загорелые тела в одинаковых бикини нежно-розового цвета блестели на солнце. Они тоже были яркими, сверкающими, завораживающими.

— Готова? — спросил Джон.

— Мне немного страшно.

— Сейчас или никогда.

Она встала, и он закрепил на ее теле ремни безопасности от оранжевого, как мандарин, парашюта. Регулировал ремни и щелкал замками, пока она наконец не почувствовала себя комфортно. Потом взял ее за плечи и толкнул против невидимой силы, которая увлекала ее вверх.

— Готова?

— Да.

Он отпустил ее плечи, и она ворвалась в палитру неба. Ее несли крылья ветра, они были то бледно-голубые, то цвета барвинка, то цвета фуксии, то цвета лаванды. Океан внизу переливался бирюзовым, фиолетовым и аквамариновым.

«Бабочка» Кристины вырвалась на свободу и парила рядом с ней. Это была самая совершенная вещь из всех, что она видела в своей жизни, и она желала ее больше всего на свете. Она потянулась, чтобы ухватить веревку змея, но внезапный порыв ветра развернул ее вокруг своей оси. Она смотрела и не видела ничего, кроме оранжевого, как

закат, купола парашюта. И тогда она впервые поняла, что не управляет собственным полетом. Она посмотрела вниз, на землю, на подрагивающие пятнышки, которые были ее самыми близкими людьми. Она не знала, принесет ли ее этот прекрасный живой ветер обратно к семье.

Лидия, свернувшись калачиком, лежала рядом с ней поверх одеяла. Жалюзи были подняты, и комнату наполнял приглушенный дневной свет.

— Я сплю? — спросила Элис.

— Нет, ты проснулась.

— Как долго я спала.

— Теперь уже два дня.

— О нет, прости меня.

— Все нормально, мама. Так хорошо снова услышать твой голос.

Как ты думаешь, ты приняла слишком много таблеток?

— Я не помню. Наверное. Я не хотела.

— Я волновалась за тебя.

Элис воспринимала Лидию по частям. Она узнавала ее черты, как человек узнает дом, в котором вырос, родительские голоса, линии на собственных ладонях. Инстинктивно, без каких-либо усилий или оснований. Но странно: ей было трудно воспринимать Лидию как одно целое.

— Ты такая красивая, — сказала Элис. — Я так боюсь, что когда-нибудь тебя не узнаю.

— Я думаю, что, даже если когда-нибудь настанет такой день, ты все равно будешь знать, что я люблю тебя.

— А что, если уже не буду знать, что ты моя дочь и что ты меня любишь?

— Тогда я скажу тебе об этом, и ты мне поверишь.

Элис это понравилось.

«Но буду ли я всегда любить ее? Моя любовь к ней живет в моей голове или в моем сердце?»

Как ученый, она верила в то, что эмоции зарождаются в лимбической доле, а в данный момент этот участок ее мозга был полем боя, из которого никто не может выйти живым. Но как мать, она

верила, что на любовь к дочери не может повлиять хаос в ее голове, потому что эта любовь живет в ее сердце.

— Как ты, мам?

— Не очень хорошо. Семестр был тяжелый, без работы в Гарварде, болезнь прогрессирует, а твой папа почти не бывает дома. Это очень тяжело.

— Мне так жаль. Я бы хотела чаще бывать у вас. Следующей осенью я буду ближе. Хотела переехать прямо сейчас, но получила роль в великой пьесе. Роль небольшая, но...

— Все нормально. Мне тоже хотелось бы чаще тебя видеть, но я никогда не позволю тебе перестать жить своей жизнью ради меня.

Она подумала о Джоне.

— Твой отец хочет переехать в Нью-Йорк. Он получил предложение из центра Слоуна — Кеттеринга.

— Я знаю. Я там была.

— Я не хочу переезжать.

— Не сомневаюсь, что не хочешь.

— Я не могу уехать. В апреле родятся двойняшки. Я так хочу их увидеть.

— Я тоже.

Элис представила, как держит их на руках, представила их теплые тела, кулачки, пяточки, которые ни разу не касались пола, припухшие круглые глазки. Ей было интересно, будут ли двойняшки похожи на них с Джоном. И запах. Ей не терпелось вдохнуть восхитительный запах своих внуков.

Большинство бабушек и дедушек любят воображать, как сложится жизнь внуков, как они будут присутствовать на их днях рождения, выпускных вечерах, свадьбах. Она понимала, что не сможет присутствовать ни на их днях рождения, ни на выпускных вечерах, ни на свадьбах. Но она должна быть здесь, чтобы взять внуков на руки и вдохнуть их запах, и будь она проклята, если вместо этого будет сидеть где-то в Нью-Йорке в полном одиночестве.

— Как Малькольм?

— Хорошо. Мы недавно вместе участвовали в «Мемори уок»^[28] в Лос-Анджелесе.

— Какой он?

Лидия улыбнулась, еще не ответив.

— Он очень высокий, не любит сидеть дома и немного стеснительный.

— А какой он с тобой?

— Он очень милый. Ему нравится, какая я умная, он так гордится моей игрой, нахваливает, мне даже неловко. Он бы тебе понравился.

— А ты с ним какая?

Лидия помолчала некоторое время, как будто никогда об этом не задумывалась.

— Такая, какая есть.

— Это хорошо.

Элис улыбнулась и сжала руку Лидии. Она хотела спросить о том, что это для нее значит, описать себя, напомнить ей, но мысль улетучилась слишком быстро, так и не став словами.

— О чем мы говорили? — спросила Элис.

— Малькольм, «Мемори уок»? Нью-Йорк? — предложила на выбор Лидия.

— Здесь я иду гулять и чувствую себя в безопасности. Даже если я забреду немного не туда, я в конце концов все равно увижу что-то знакомое. Многие продавцы меня знают и всегда укажут правильное направление. Девушка в кафе «У Джерри» всегда присматривает за моими ключами и бумажником.

Еще у меня здесь группа поддержки. Эти люди нужны мне. Нью-Йорк мне уже не узнать. Там я потеряю последние крохи независимости, которые у меня остались. Новая работа. Твой отец будет работать целыми днями. Я и его потеряю.

— Мама, ты должна сказать все это папе.

Она была права. Но намного легче было высказать все ей.

— Лидия, я так тобой горжусь.

— Спасибо.

— На случай если я забуду, помни, что я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, мама.

— Я не хочу переезжать в Нью-Йорк, — сказала Элис.

— До этого еще далеко, нам не обязательно принимать решение прямо сейчас, — сказал Джон.

— Я хочу решить это сейчас. Я решаю сейчас. Я хочу прояснить этот вопрос сейчас, пока могу это сделать. Я не хочу переезжать в

Нью-Йорк.

— А если Лидия будет там?

— А если нет? Ты должен был обсудить это сначала со мной, а уж потом объявить о нашем решении детям.

— Я так и сделал.

— Нет, не сделал.

— Я обсуждал это с тобой много раз.

— О, значит, я не помню? Это удобно.

Элис сделала глубокий вдох через нос и выдохнула через рот. Она не хотела втягиваться в спор с аргументами на уровне начальной школы.

— Джон, я знаю, что ты встречался с людьми из центра Слоуна — Кеттеринга, но я и не думала, что они предлагают тебе перейти к ним в следующем году. Я бы не молчала, если б знала об этом.

— Я объяснил тебе, почему собираюсь перейти к ним.

— Прекрасно. Они могут позволить тебе использовать годичный отпуск и начать год с сентября?

— Нет, им нужен человек на эту должность прямо сейчас. Пришлось постараться, чтобы уговорить их подождать, пока я закончу все дела в лаборатории.

— Они не могут нанять кого-нибудь временно, чтобы ты мог взять заслуженный годичный отпуск и провести его со мной? А потом ты бы приступил к работе у них?

— Нет.

— Ты хоть спрашивал?

— Послушай, в этой области конкуренция слишком высока, все так быстро меняется. Мы стоим на пороге грандиозных открытий. Я хочу сказать, что мы стучим в дверь, за которой нас ждет лекарство от рака. Фармацевтические компании проявляют большой интерес. А преподавание и вся эта административная ерунда не дают мне идти вперед. Если я не воспользуюсь их предложением, я своими руками лишу себя последнего шанса сделать действительно серьезное открытие.

— Это не твой последний шанс. У тебя блестящий ум, и у тебя нет Альцгеймера. У тебя еще будет масса шансов.

Он посмотрел на нее и ничего не сказал.

— Следующий год — мой шанс, Джон, а не твой. Этот год — мой последний шанс прожить свою жизнь и понимать, что это для меня значит. Не думаю, что смогу дольше оставаться собой, и я хочу провести это время с тобой. Не могу поверить, что ты не хочешь провести его вместе.

— Я хочу. Мы будем вместе.

— Это чушь собачья, и ты это знаешь. Наша жизнь — здесь. Том, Анна и малышки, Мэри, Кэти и Дэн и, может быть, Лидия. Если ты согласишься на Нью-Йорк, ты постоянно будешь на работе, ты знаешь, что так и будет. А я там буду одна. Твой выбор не имеет отношения к желанию быть со мной, и он лишает меня всего, что у меня осталось. Я не еду.

— Я не буду все время на работе, обещаю. И потом, вдруг Лидия будет жить в Нью-Йорке? Ты не думала, что сможешь проводить одну неделю в месяц с Анной и Чарли? Есть масса способов устроить так, чтобы ты не была одна.

— А если Лидии не будет в Нью-Йорке? Если она будет учиться в Брандейсе?

— Поэтому я и думаю, что нам следует подождать и принять решение позже, когда у нас будет больше информации.

— Я хочу, чтобы ты взял годичный отпуск.

— Элис, для меня выбор не в том, соглашусь я на работу в центре Слоуна или возьму творческий отпуск. Центр Слоуна или Гарвард — вот мой выбор. Я просто не могу взять отпуск.

Ее начало трясти, глаза жгло от злых слез.

— Я не выдержу! Пожалуйста! Я не продержусь без тебя! Ты можешь взять годичный отпуск. Если захочешь, сможешь. Мне это необходимо.

— А если я откажу им, возьму год отпуска, а ты даже не будешь знать, кто я?

— А если буду, а после этого года уже нет? Как ты можешь сравнивать то время, что у нас осталось, с годом в твоей чертовой лаборатории? Я бы так с тобой никогда не поступила.

— Я бы никогда не попросил об этом.

— Тебе не пришлось бы просить.

— Я не думаю, что смогу, Элис. Прости, я просто не думаю, что смогу провести дома целый год. Не смогу просто сидеть и наблюдать

за тем, как эта болезнь обкрадывает тебя. Я не могу наблюдать за тем, как ты разучиваешься одеваться, забываешь, как включать телевизор. Когда я в лаборатории, я не вижу, как ты расклеиваешь записки по всем шкафчикам и дверям. Я не могу сидеть дома и наблюдать за тем, как прогрессирует твоя болезнь. Это меня убивает.

— Нет, Джон, это убивает меня. Моей болезни все равно — дома ты или прячешься в своей лаборатории, она прогрессирует. Ты теряешь меня. Я теряю себя. Но если ты не возьмешь отпуск, что ж, тогда первым мы потеряем тебя. У меня Альцгеймер. Что у тебя?

Она вытащила из шкафчиков все: коробки и бутылки, стаканы, тарелки и миски, кастрюли и сковородки. Она заставила всем этим кухонный стол, а когда места уже не осталось, начала заставлять пол.

В прихожей она открыла шкаф и вывернула карманы всех пальто. Нашла деньги, отрывные талоны, образцы ткани и... больше ничего. Прощупав каждый шов, сбросила ни в чем не повинные пальто на пол.

Она скинула подушки с дивана и с кресел. Выпотрошила ящики стола и картотечного шкафа. Освободила от содержимого сумку для книг, компьютерную сумку и свою голубую. Она ощупывала каждый предмет, чтобы отметить его название у себя в голове. Ничего.

Поиски не требовали запоминать их последовательность — груды обследованных вещей свидетельствовали о предыдущих этапах. Вскоре эти груды покрыли весь первый этаж. Она взмокла от пота, нервы были на пределе, но она не собиралась сдаваться. Она ринулась на второй этаж.

Перерыла корзину с бельем для стирки, прикроватные тумбочки, комод, шкафы в спальне, свою шкатулку с украшениями, шкаф для белья, аптечный шкафчик.

«Ванная на первом этаже».

Она бегом вернулась назад, потная, возбужденная.

В прихожей по колению в разбросанной одежде стоял Джон.

— Какого черта здесь происходит? — спросил он.

— Я ищу.

— Что?

Она не могла назвать это, но была уверена, что где-то в голове помнит название того, что ищет.

— Я скажу, когда найду.

— Это кошмар какой-то. Как будто нас ограбили.

Об этом она не подумала. Это могло быть причиной ее провала.

— О боже, это могли украсть.

— Нас никто не грабил. Это ты перевернула вверх дном весь дом.

Она заметила рядом с диваном в гостиной нетронутую корзину с журналами. Оставила Джона и теорию об ограблении в прихожей, подняла тяжелую корзину, высыпала журналы на пол, пролистала и пошла дальше.

— Прекрати, Элис. Ты даже не знаешь, что ищешь.

— Нет, знаю.

— Тогда скажи что?

— Не могу сказать.

— На что это похоже? Как это используют?

— Говорю же, не знаю, узнаю, когда найду. Я должна найти или умру.

Она подумала над тем, что сказала.

— Где мои лекарства?

Разбрасывая ногами коробки с хлопьями, банки с супом и тунцом, они пробрались в кухню. Джон отыскивал на полу лекарства и пузырьки с витаминами, а в миске на столе — дозатор.

— Вот они, — сказал он.

Необходимость найти нечто во что бы то ни стало не пропала.

— Нет, это не то.

— Это безумие. Ты должна остановиться. Дом превратился в свалку.

«Мусор».

Она открыла компактор, вытащила из него пластиковый пакет и вывалила на пол содержимое.

— Элис!

Она перебрала все: шкурки авокадо, скользкий куриный жир, скомканные салфетки, пустые коробки, оберточную бумагу и всякую другую использованную фигню. Обнаружила в мусоре DVD-диск «Элис Хауленд», взяла влажную коробку и осмотрела.

«Так, это я не собиралась выбрасывать».

— Это оно, это наверняка оно, — сказал Джон. — Я рад, что ты нашла то, что искала.

— Нет, это не то.

— Ладно, прошу тебя, ты разбросала мусор по всей кухне. Просто остановись, сядь и расслабься. Ты перенервничала. Может, если ты успокоишься, то сразу вспомнишь, что нужно найти.

— Хорошо.

Может, если она будет сидеть смирно, то вспомнит, что это такое и куда она его положила. Или, возможно, даже забудет, что когда-то что-то искала.

Снегопад, который шел со вчерашнего дня и на два фута завалил большую часть Новой Англии, только что кончился. Она бы этого и не заметила, если бы не скрип дворников по чистому лобовому стеклу. Улицы были расчищены, но их машина оказалась единственной на дороге. Элис всегда нравилась тишина, которая наступает после снежной бури, но сегодня она ее нервировала.

Джон заехал на стоянку при кладбище Маунт-Оберн. Расчищен был довольно скромный участок, но само кладбище, тропинки и могилы оставались под снегом.

— Боюсь, там не лучше. Придется вернуться как-нибудь в другой день, — сказал он.

— Нет, подожди. Дай я посмотрю на это минутку.

Старые черные деревья с покрытыми инеем узловатыми ветками царили в этой зимней стране чудес. Из-под снега виднелись редкие серые верхушки самых высоких надгробий, принадлежавших богатым и выдающимся людям. Все остальное было похоронено. Истлевшие тела в гробах похоронены под землей и камнями, земля и камни — под снегом. Все было черным и белым, замерзшим и безжизненным.

— Джон.

— Что?

Она произнесла его имя слишком громко в окружавшей их тишине и заставила его вздрогнуть.

— Ничего. Мы можем ехать. Я не хочу здесь оставаться.

— Если ты захочешь, мы сможем вернуться на неделе, — сказал Джон.

— Вернуться куда? — спросила Элис.

— На кладбище.

— О!

Она сидела за кухонным столом. Джон налил красное вино в два бокала и один передал ей. Она по привычке вращала бокал в руках и

думала о том, что регулярно забывает имя дочери, той, которая актриса, а вот как вращать бокал с вином, помнит. Ненормальная болезнь. Ей нравилось, как кружится в водовороте вино, его цвет, похожий на кровь, насыщенный аромат винограда, дуба и земли и тепло, которое оно дарило. Джон стоял напротив открытого холодильника. Он достал кусок сыра, лимон, острую жидкость и пару красных овощей.

— Как ты отнесешься к энчиладе с курицей?

— Прекрасно.

Он открыл морозильную камеру и порылся внутри.

— У нас найдется цыпленок? — спросил он.

Она не ответила.

— О, Элис, нет.

Он повернулся и показал ей какой-то предмет. Только это был не цыпленок.

— Это твой «блэкберри», он был в морозилке.

Джон нажал несколько кнопок, потряс и потер органайзер.

— Похоже, вода внутрь попала, подождем, пока просохнет, но я думаю, он сдох, — сказал он.

Элис разрыдалась, как будто только и ждала этого момента.

— Ничего страшного. Если не оживет, купим тебе новый.

«Как глупо, почему я так расстроилась из-за мертвого электронного органайзера?»

Может, на самом деле она оплакивала умерших маму, сестру и отца? Может, испытывала эмоции, которые не смогла выразить раньше, когда они были на кладбище? Это было бы разумно. Но все было не так. Возможно, гибель органайзера символизировала для нее потерю места в Гарварде и она оплакивала конец своей карьеры? Это тоже имело бы смысл. Но нет, она искренне и безутешно оплакивала смерть своего электронного органайзера.

Февраль 2005 года

Эмоционально ослабленная и интеллектуально истощенная, она рухнула в кресло рядом с креслом Джона напротив доктора Дэвиса. Только что она мучительно долго проходила разные нейропсихологические тесты в этой маленькой комнате этой

женщины, которая проводит нейропсихологические тесты в маленькой комнате. Слова, информация, смысл вопросов женщины и смысл ответов самой Элис были похожи на мыльные пузыри, которые пускают дети с помощью тоненьких пластмассовых прутиков в ветреный день. Они быстро разлетались от нее в разные стороны, и чтобы уследить за ними, требовались невероятные напряжение и концентрация. И даже если ей удавалось на какой-то дающий надежду момент удержать некоторые из них в поле зрения, очень скоро — хлоп! — и они исчезали. Уходили без каких-либо очевидных причин в небытие, как будто их никогда и не было. Теперь прутик для пуска мыльных пузырей перешел к доктору Дэвису.

— Итак, Элис, вы можете произнести по буквам слово «вода» в обратном порядке?

Шесть месяцев назад она бы сочла этот вопрос мелким и даже оскорбительным, но сегодня это был серьезный вопрос, требующий серьезных усилий. Но это очень мало волновало и почти не унижало ее, совсем не так, как волновало бы и унижало шесть месяцев назад. Она чувствовала, что все меньше и меньше осознает себя. Элис — та, которую она знала и понимала, которую любила и не любила, чувства которой ощущала, — тоже стала похожа на мыльный пузырь. Она парила даже выше, и распознать ее было сложнее, и от внезапного хлопка её защищала только тонкая липидная мембрана.

Сначала Элис про себя произнесла по буквам требуемое слово и вытянула четыре пальца на левой руке — по одному на каждую букву.

— А. — Она загнула мизинец.

Она снова произнесла буквы про себя и перешла к пальцу, на котором носила обручальное кольцо.

— Д. — Она повторила процесс.

— О. — Средний палец.

И указательный:

— В.

Она улыбнулась и в победном жесте подняла левый кулак. Потом взглянула на Джона. Он вертел на пальце обручальное кольцо и безрадостно улыбался.

— Хорошая работа, — сказал доктор Дэвис.

И широко улыбнулся, словно впечатленный успехом Элис. Он ей нравился.

— А теперь я хочу, чтобы вы показали на окно после того, как коснетесь левой рукой правой щеки.

Она поднесла левую руку к лицу.

«Хлоп!»

— Простите, не могли бы вы повторить задание? — попросила Элис, не убирая руку от лица.

— Конечно, — с пониманием согласился доктор Дэвис, как родитель, который позволяет своему ребенку подглядеть в карты или заступить за черту до команды «старт». — Покажите на окно после того, как коснетесь левой рукой правой щеки.

Ее левая рука коснулась правой щеки до того, как он договорил, она вскинула правую руку в сторону окна и шумно выдохнула.

— Хорошо, Элис, — сказал доктор Дэвис и снова улыбнулся.

Джон не проявил никаких признаков радости или гордости.

— А теперь я бы хотел, чтобы вы назвали мне имя и адрес, которые я просил вас запомнить в начале нашей встречи.

Имя и адрес. Она потеряла их. Так, просыпаясь утром, она знала, что видела сон и даже могла знать, что это был сон о чем-то конкретном, но, как ни старалась вспомнить, детали сна ускользали. Ускользали навсегда.

— Джон Какой-то там. Знаете, вы постоянно спрашиваете меня об этом, а я никак не могу запомнить, где живет этот парень.

— Хорошо, попробуем угадать. Это Джон Блэк, Джон Уайт, Джон Джонс или Джон Смит?

Она не знала ответ, но была не против поиграть.

— Смит.

— Он живет на Восточных, Западных, Северных или Южных улицах?

— Восточных.

— А город? Арлингтон, Кембридж, Брайтон или Бруклин?

— Бруклин.

— Хорошо, Элис, последний вопрос: где мои двадцать долларов?

— В вашем бумажнике?

— Нет, раньше я спрятал где-то в этой комнате двадцать долларов, вы помните, куда я их положил?

— Вы сделали это при мне?

— Да. Приходят в голову какие-нибудь идеи? Если вы их найдете, я позволю вам оставить их себе.

— Что ж, если бы я знала, я бы нашла способ запомнить это.

— Не сомневаюсь. Есть какие-нибудь догадки?

Она заметила, что его взгляд на долю секунды уклонился вправо за ее плечо и тут же снова сфокусировался на ней. Она развернулась в кресле. У нее за спиной на стене висела белая доска. На доске красным маркером было написано три слова: «глутамат», «LTP», «апоптоз». Красный маркер лежал на полке внизу доски, как раз рядом со свернутой двадцатидолларовой купюрой. Она подошла к доске и с торжествующим видом взяла свой приз.

Доктор Дэвис ухмыльнулся.

— Если бы все мои пациенты были такими же сообразительными, я бы разорился.

— Элис, ты не можешь взять их, ты видела, как он на них посмотрел, — сказал Джон.

— Я их выиграла, — возразила Элис.

— Все в порядке, она их нашла, — сказал доктор Дэвис.

— Это нормально, что она стала такой всего через год, при том что она принимает все, что ей назначили? — спросил Джон.

— Видите ли, тут все не так однозначно. Болезнь вполне могла начать развиваться задолго до того, как ей поставили диагноз в прошлом январе. Она сама, вы и ваша семья, ее коллеги могли счесть какие-то симптомы за промахи или списать их на стресс, нехватку сна, алкоголь и так далее, и тому подобное. Болезнь могла начать развиваться за год или за два до того, как ей поставили диагноз.

И она невероятно умна. Если средний человек, скажем для простоты, имеет для доступа к определенной информации десять синапсов,^[29] у Элис их наверняка наберется пятьдесят. Когда средний человек теряет свои десять синапсов, этот кусок информации становится для него недоступен, забывается. Но Элис может потерять десять синапсов, и при этом для достижения цели у нее останется еще сорок. Так что ее анатомические потери поначалу не так сильно бросаются в глаза.

— Но сейчас она уже потеряла больше чем десять процентов, — сказал Джон.

— Да, боюсь, что так. Ее кратковременная память упала до уровня трех процентов из ста, которые требуются для прохождения тестов, речь тоже заметно деградировала, и, к несчастью, как мы и ожидали, она теряет способность к самоанализу. И она невероятно изобретательна. Сегодня она придумала несколько способов, чтобы ответить правильно на вопросы, которые она и не помнила точно.

— Но осталось множество вопросов, на которые она не смогла ответить, несмотря на всю свою изобретательность, — сказал Джон.

— Да, это правда.

— Просто все так быстро становится хуже. Мы можем увеличить дозу арисепта или наменды? — спросил Джон.

— Нет, она уже принимает максимум и того и другого. Увы, но это прогрессирующее дегенеративное заболевание неизлечимо. Его не остановить, несмотря на все медикаменты, которые имеются в нашем распоряжении на данный момент.

— Значит, она либо принимает плацебо, либо этот амиликс не работает, — сказал Джон.

Доктор Дэвис помолчал, словно раздумывая, согласиться или нет.

— Я понимаю, вы разочарованы. Но я часто сталкивался с неожиданными «периодами плато», это периоды стабилизации, когда болезнь притормаживает, и длиться они могут довольно долго.

Элис закрыла глаза и представила, что стоит в центре горного плато. Чудесная столовая гора. Она это видела, стоило надеяться. Мог ли Джон это увидеть?

Оставлял ли он ей надежду или уже сдался? Или хуже: на самом деле он надеется на ее быстрое угасание, чтобы осенью отвезти ее, послушную и пустую, в Нью-Йорк? Что он выберет — стоять с ней на плато или столкнуть вниз со склона?

Она скрестила руки на груди и твердо поставила обе ноги на пол.

— Элис, вы еще бегаете? — поинтересовался доктор Дэвис.

— Нет, перестала некоторое время назад. График Джона и недостаток координации у меня... Кажется, я не замечаю бордюры и колдобины и плохо оцениваю дистанцию. Уже несколько раз падала. Даже дома забываю об этих выступающих из пола штуковинах в дверях и спотыкаюсь перед входом в каждую комнату. Я вся в синяках.

— Что ж, Джон, я бы на вашем месте либо убрал эти штуковины, либо выкрасил их в контрастный цвет, либо заклеил ярким скотчем,

чтобы Элис могла их видеть. Иначе они сливаются с полом.

— Хорошо.

— Элис, расскажите мне о вашей группе поддержки, — попросил доктор Дэвис.

— Нас четверо. Мы встречаемся раз в неделю у кого-нибудь дома на пару часов. И еще каждый день переписываемся по электронной почте. Это замечательно, мы говорим обо всем.

Сегодня доктор Дэвис и та женщина в тесной комнате задали ей кучу вопросов, чтобы оценить уровень разрушений у нее в голове. Но никто не знал лучше, чем Мэри, Кэти и Дэн, о том, что в ее голове еще живо.

— Я хочу поблагодарить вас за то, что вы заполнили очевидный пробел в нашей системе поддержки. Если у меня появятся новые пациенты с ранним Альцгеймером, я могу сказать им, как с вами связаться?

— Да, конечно, пожалуйста. И еще расскажите им о DASNI. Это «Dementia Advocacy and Support Network International» — онлайн-форум для людей с деменцией. У меня там знакомые со всей страны, из Канады, Великобритании и Австралии. Ну, в реальности мы не встречались, это интернет-общение, но у меня такое чувство, будто я знаю их, а они меня лучше, чем многие из тех, кого я знала всю жизнь. Мы не теряем зря время, у нас его нет. Мы говорим о том, что действительно важно.

Джон заерзал в кресле и дернул ногой.

— Спасибо, Элис. Я добавлю этот веб-сайт в наш стандартный пакет информации. А вы, Джон? Вы говорили с нашим социальным работником или, может быть, посещали другие группы поддержки?

— Нет. Я пару раз пил кофе с супругами людей из ее группы поддержки, но больше ничего такого.

— Вы можете подумать о группе, которая подошла бы лично вам. Вы не больны, но, живя с Элис, тоже живете с этой болезнью. Я каждый день сталкиваюсь с тем, какой ущерб она наносит членам семьи больного. Дениз Даддарио — социальный работник группы поддержки здесь, в Массачусетском главном госпитале. Еще я знаю, что в Массачусетской ассоциации Альцгеймера есть много местных групп поддержки. Так что, если почувствуете необходимость, действуйте.

— Хорошо.

— Кстати, об Ассоциации Альцгеймера, Элис. Я только что получил их программу ежегодной конференции по деменции и увидел, что вы открываете пленарную презентацию, — сказал доктор Дэвис.

Конференция по деменции — это национальное собрание профессионалов, которые занимаются больными слабоумием и их семьями. Неврологи, врачи общей практики, нейропсихологии, медсестры и социальные работники — все они собирались в одном месте, чтобы обменяться информацией о том, как точно поставить диагноз, о медикаментозном лечении и уходе за больными. Это было похоже на группу Элис и DASNI, только масштабнее и для тех, у кого нет деменции. В этом году конференция должна была состояться в Бостоне через месяц.

— Да, — сказала Элис. — Я хотела спросить, вы там будете?

— Буду и постараюсь оказаться в первом ряду. Знаете, а мне никогда не предлагали выступить на открытии, — сказал доктор Дэвис. — Вы замечательная и потрясающе отважная женщина, Элис.

В голосе доктора Дэвиса не было покровительственных ноток, его комплимент был искренним, это была поддержка, в которой так нуждалась Элис после всех этих изматывающих тестов. Джон вертел кольцо на пальце. В его глазах стояли слезы. Он смотрел на нее и напряженно улыбался, от этой улыбки ей стало неловко.

Март 2005 года

Элис стояла на кафедре с отпечатанным экземпляром речи в руке и смотрела на людей, которые заняли места в большом зале отеля.

Раньше она могла взглянуть на аудиторию и с точностью ясновидящей определить количество собравшихся. Этот дар она уже давно утратила. Людей было много. Организатор, как бы ее там ни звали, сказала, что на конференцию зарегистрировались более семисот человек. Элис не раз выступала и перед более многочисленной аудиторией. Когда-то на ее лекциях присутствовали преподаватели Лиги плюща, лауреаты Нобелевской премии, светила в области психологии и лингвистики.

Сегодня в первом ряду сидел Джон. Он без конца оглядывался и постоянно скручивал программку в тугую трубку. Только стоя за

кафедрой, она заметила, что на нем была его счастливая серая футболка. Обычно он надевал ее только в день, когда должен был получить решающие результаты исследований в своей лаборатории. Это проявление суеверия заставило ее улыбнуться.

Рядом с ним сидели и переговаривались Анна, Чарли и Том. Дальше — Мэри, Кэти и Дэн с супругами. А в середине ряда сидел доктор Дэвис с блокнотом и ручкой наготове. За ними — море здоровых профессионалов, призванных заботиться о людях с деменцией. Пусть это была не самая большая и престижная аудитория, но она надеялась, что из всех речей в ее жизни эта будет самой сильной по воздействию.

Она пробежала пальцами по гладким, украшенным драгоценными камнями крыльям бабочки на колье. Откашлялась. Сделала глоток воды. Еще раз на удачу прикоснулась к крыльям бабочки.

«Сегодня особенный случай, мама».

— Доброе утро. Я доктор Элис Хауленд. Я не невролог и не практикующий врач. Моя специальность — психология. Я двадцать пять лет была профессором Гарвардского университета. Вела курсы когнитивной психологии, занималась исследованиями в области лингвистики и читала лекции по всему миру.

Однако сегодня я здесь не для того, чтобы выступать перед вами как специалист по психологии или лингвистике. Сегодня я выступаю перед вами в качестве эксперта болезни Альцгеймера. Я не лечу пациентов, не провожу клинические испытания препаратов, не изучаю мутации ДНК и не консультирую пациентов и их семьи. Я эксперт в этом вопросе, потому что около года назад мне поставили диагноз «ранний Альцгеймер».

Для меня большая честь иметь возможность выступить сегодня перед вами, и, надеюсь, я смогу поделиться своим опытом, как это — жить с деменцией. Скоро, хоть я и буду знать, каково это, я не смогу выразить это словами. А вскоре после этого я даже не буду знать, что у меня слабоумие. Поэтому то, что я выступаю сегодня, очень своевременно.

Мы, те, кто находится на ранней стадии Альцгеймера, еще не окончательно неспособны. Мы можем говорить и совершать другие подобные действия, сохраняем ясность ума в определенные периоды времени. И все же мы недостаточно компетентны, чтобы

соответствовать требованиям нашей прошлой жизни. Мы чувствуем себя так, будто находимся здесь и одновременно не здесь, как какой-нибудь безумный персонаж в жуткой стране, придуманной Доктором Сьюзом.^[30] В этом месте очень одиноко и очень тяжело жить.

Я больше не работаю в Гарварде. Не читаю и не пишу научные статьи и книги. Моя реальность кардинально отличается от той, какой она была совсем недавно. Она деформирована. Нейронные каналы, которыми я пользуюсь для понимания того, что вы говорите, того, что я думаю, и того, что происходит вокруг, засорены амилоидами. Я стараюсь найти нужные слова и часто слышу, как говорю не те слова, которые хотела сказать. Я не могу с уверенностью оценить пространство вокруг себя, из-за этого я роняю предметы, часто падаю сама и могу потеряться в двух кварталах от собственного дома. А моя краткосрочная память подвешена на двух потертых ниточках.

Я теряю уходящие дни. Если вы спросите меня, что я делала вчера, что я видела и слышала, мне будет очень трудно описать вам подробности. Я смогу угадать что-то. В этом я мастер. Но на самом деле я не знаю. Я не помню свой вчерашний день и день, который был до него.

И я не могу выбирать, какой день останется в моей памяти, а какой сотрется из нее. С этой болезнью не торгуются. Я не могу предложить ей имена президентов Соединенных Штатов в обмен на имена моих детей. Я не могу отдать ей столицы штатов, чтобы сохранить воспоминания о муже.

Наступающий день часто внушает мне страх. Вдруг я проснусь и не буду знать, кто мой муж? Вдруг не смогу понять, где я, и не узнаю свое отражение в зеркале? Когда я перестану быть собой? Уязвима ли перед этой болезнью та часть моего мозга, которая отвечает за мое уникальное «я»? Или мое подлинное «я» превосходит по силе нейроны, протеины и дефектные молекулы ДНК? Есть ли у моей души, у моего духа иммунитет перед разрушительным воздействием Альцгеймера? Я верю, что есть.

Диагноз «Альцгеймер» — как выжженная на твоём теле алая буква А. Это мое настоящее, я человек с деменцией. Так я еще некоторое время буду воспринимать себя, и так другие будут воспринимать меня. Но я — это не то, что я говорю, делаю или помню. Я намного больше, чем все это.

Я жена, мать, друг и скоро стану бабушкой. Я все еще чувствую и понимаю, и я достойна и любви и радости, которые дарят эти отношения. Я все еще активный член общества. Мой мозг работает уже не так хорошо, но я использую мои уши для того, чтобы слышать тех, кто хочет высказаться, использую плечи, чтобы в них могли поплакать, руки, чтобы обнять других больных деменцией. С помощью группы поддержки для людей с ранним Альцгеймером, с помощью «Dementia Advocacy and Network International», выступая сейчас перед вами, я помогаю другим жить лучше с этим диагнозом. Я не тот, кто умирает. Я тот, кто живет с болезнью Альцгеймера. И я хочу сделать это настолько хорошо, насколько у меня это получится.

Я выступаю за раннюю диагностику. Когда человек сорока — пятидесяти лет обращается к врачам с проблемами памяти и когнитивности, они списывают это на депрессию, стресс или менопаузу. Чем раньше нам поставят диагноз, тем раньше мы сможем начать принимать медикаменты. Это дарит надежду на то, что болезнь на какое-то время перестанет прогрессировать и мы сможем продержаться достаточно долго, чтобы дождаться более результативных методов лечения или излечения в будущем. Я все еще надеюсь на исцеление для себя, для моих друзей с деменцией, для моей дочери, у которой та же мутация гена. Я могу никогда не вернуть то, что уже потеряла, но могу сохранить то, что у меня есть. А у меня есть многое.

Пожалуйста, не смотрите на нашу алую букву А, не вычеркивайте нас. Смотрите нам в глаза, говорите с нами. Не паникуйте и, если мы ошибаемся, не принимайте это на свой счет, потому что мы будем ошибаться. Мы будем повторяться, будем класть вещи не туда, куда следует, и будем теряться. Мы будем забывать ваше имя и то, что вы сказали две минуты назад. Еще мы будем изо всех сил стараться исправиться и компенсировать наши когнитивные потери.

Я хочу, чтобы вы доверяли нам, а не ограничивали нас. Когда у кого-нибудь поврежден позвоночник, или кто-то теряет конечность, или становится частично недееспособен после инсульта, родные и профессионалы прилагают все силы, чтобы его реабилитировать. Они ищут пути, чтобы он мог жить, несмотря на свои потери. Работайте с нами. Помогите нам разработать механизмы, чтобы мы смогли существовать с нашими потерями в памяти, речи и когнитивности.

Мы, люди с деменцией, и те, кто за нами ухаживает, можем помочь друг другу пройти через земли Доктора Сьюза, которые лежат ни здесь, ни там.

Мои вчера исчезают, мои завтра неопределенны, так ради чего я живу? Я живу ради каждого дня. Я живу в данный момент. В один из дней, которые придут на смену сегодняшнему, я забуду о том, что стояла тут и произносила эту речь. Но то, что я забуду об этом завтра, не означает, что я не проживаю каждую секунду того, что происходит сегодня. Я забуду сегодняшний день, но это не означает, что этот день не имеет значения.

Меня больше не приглашают читать лекции по лингвистике и выступать на конференциях по психологии. Но вот я здесь, стою перед вами и произношу речь, которая, надеюсь, будет самой значимой речью в моей жизни. И у меня болезнь Альцгеймера.

Спасибо.

Она оторвала взгляд от листка с речью. До этого момента, чтобы не выпасть из происходящего, она не рисковала нарушить зрительный контакт со словами. Она была искренне удивлена, когда увидела, что все в зале встали со своих мест и аплодируют ей. На такое она и не надеялась. Она связывала свои надежды с двумя простыми вещами — не потерять способность читать во время выступления и дочитать речь до конца, не оказавшись в глупом положении.

Она смотрела на знакомые лица в первом ряду и понимала, что, без всяких сомнений, превзошла эти скромные ожидания. Кэти, Дэн и доктор Дэвис счастливо улыбались. Мэри промокала глаза бесконечными розовыми салфетками. Анна аплодировала и улыбалась, даже не думая о том, чтобы утереть струящиеся по щекам слезы. Том изо всех сил аплодировал и, казалось, был готов выскочить на сцену и заключить ее в объятия. Она тоже не могла дождаться, когда сможет обнять его.

Джон, высокий и уверенный в своей счастливой футболке, радостно улыбался и аплодировал, в его глазах она видела неподдельную любовь.

Апрель 2005 года

Даже от человека без Альцгеймера, для того чтобы написать речь, прочитать ее как надо, пожать руки и обменяться членораздельными фразами с бесчисленным количеством восторженных участников конференции, потребовалось бы огромное количество энергии. Для человека с Альцгеймером это количество было запредельным. Какое-то время после конференции она могла функционировать благодаря выбросу адреналина, воспоминаниям об аплодисментах и вновь обретенной уверенности в своем статусе. Она — Элис Хауленд, паразитальная, отважная женщина.

Но уровень адреналина не мог оставаться одним и тем же, память начала блекнуть. Она потеряла часть уверенности в себе и собственном статусе, когда почистила зубы увлажняющим кремом. Еще немного она потеряла, когда все утро пыталась дозвониться до Джона по пультам от телевизора. Остатки испарились, когда ее собственный запах просигнализировал ей о том, что она не мылась уже несколько дней, но чтобы забраться в ванну, у нее не хватило ни мужества, ни умения. Она — Элис Хауленд, жертва Альцгеймера.

Энергии не осталось, и черпать ее было неоткуда, эйфория улетучилась, память об одержанной победе и уверенность в себе были украдены, она мучилась под непомерным грузом. Спала допоздна, а проснувшись, часами лежала в постели. Сидела на диване и плакала без особых на то причин. Ни сон, ни рыдания не приносили облегчения.

Джон вытряхнул ее из крепкого сна и одел. Она ему позволила. Он не стал говорить, чтобы она причесалась или почистила зубы, и быстро проводил ее к машине. Она прислонилась лбом к холодному стеклу. Мир за окном был серо-голубым. Она не знала, куда они едут. Она была слишком безразлична, чтобы спрашивать.

Джон остановился на подземной парковке. Они вышли из машины и прошли в здание через двери в гараже. От белого света флуоресцентных ламп болели глаза. Широкие коридоры, лифты, указатели на стенах. РЕНТГЕНОЛОГИЯ, ХИРУРГИЯ, АКУШЕРСТВО, НЕВРОЛОГИЯ. Неврология.

Они вошли в какую-то комнату. Вместо ожидающих приема людей она увидела женщину на кровати. Она спала, у нее были припухшие веки, а к руке прикреплена внутривенная трубка.

— Что с ней? — шепотом спросила Элис.

— Ничего, она просто устала, — сказал Джон.

— Она ужасно выглядит.

— Тсс, ты же не хочешь, чтобы она это услышала.

Комната не была похожа на больничную палату. Рядом с кроватью, на которой спала женщина, стояла другая, поменьше, в углу — телевизор, на столике ваза с желтыми и розовыми цветами, паркетный пол. Может, это и не больница, а гостиница. Но тогда почему у женщины в руке эта трубка?

В комнату вошел симпатичный молодой человек, в руках он держал поднос с кофе.

«Возможно, это ее доктор».

На нем была бейсболка «Ред сокс», джинсы и футболка с надписью «Йель».

«Может, он из обслуживания номеров».

— Поздравляю, — шепнул Джон.

— Спасибо. Вы разминулись с Томом. Он вернется после обеда. Вот, я принес всем кофе и чай для Элис. Пойду принесу детей.

Молодой человек знал ее имя.

Он вернулся с тележкой, в которой были два прямоугольных контейнера из пластика. В каждом контейнере лежал крохотный малыш. Их тела были полностью завернуты в белые одеяла, на головках белые чепчики, так что видны были только лица.

— Надо ее разбудить. Она бы не хотела проспать момент вашего знакомства, — сказал молодой человек. — Милая, просыпайся, у нас гости.

Женщина неохотно проснулась, но когда увидела Элис и Джона, глаза ее заблестели, она оживилась. Женщина улыбнулась, и ее лицо, казалось, сразу встало на место.

«О боже, это Анна!»

— Поздравляю, малышка, — сказал Джон. — Они просто чудо.

Он наклонился и поцеловал Анну в лоб.

— Спасибо, папа.

— Ты отлично выглядишь. Как ты себя чувствуешь, хорошо? — спросил Джон.

— Спасибо, со мной все в порядке, просто очень устала. Приготовились — вот и они. Это Эллисон Энн, а этот маленький паренек — Чарлз Томас.

Молодой человек передал одного из малышей Джону, потом взял крошку с розовой ленточкой на чепчике и подал ее Элис.

— Хотите ее подержать? — спросил он.

Элис кивнула.

Она держала спящую малышку на руках. Голова лежала на сгибе ее руки, попка — на ладони, тело прижалось к груди, а ухо — к сердцу. Крохотная спящая малышка тихонько дышала через крохотные круглые ноздри. Элис инстинктивно поцеловала ее в розовую упругую щечку.

— Анна, теперь у тебя есть дети, — сказала она.

— Да, мама, ты держишь свою внучку, Эллисон Энн, — сказала Анна.

— Она чудесная. Я люблю ее.

«Моя внучка».

Она посмотрела на младенца с голубой ленточкой на чепчике, которого держал на руках Джон.

«Мой внук».

— И у них не будет Альцгеймера, как у меня? — спросила Элис.

— Нет, мама, не будет.

Элис глубоко вдохнула восхитительный запах своей прекрасной внучки и почувствовала, как ее наполняют долгожданный покой и умиротворение.

— Мам, я прошла в Нью-Йоркский университет и в Брандейса.

— О, как это здорово! Я помню, как поступала. Ты что будешь изучать? — спросила Элис.

— Театр.

— Это прекрасно. Я училась в Гарварде. Мне там нравилось. А ты сказала, где будешь учиться?

— Пока не знаю. Я прошла в Нью-Йорк и в Брандейса.

— А в каком бы ты хотела учиться?

— Я не уверена. Говорила с папой, он хочет, чтобы я выбрала университет Нью-Йорка.

— Ты хочешь учиться в Нью-Йорке?

— Не знаю. У них репутация лучше, но Университет Брандейса мне больше по душе. Так я буду ближе к Анне и Чарли с детишками, к Тому и к вам с папой, если вы останетесь.

— Если мы где останемся? — переспросила Элис.

— Здесь, в Гарварде.

— А где еще я могу быть?

— В Нью-Йорке.

— Я не собираюсь жить в Нью-Йорке.

Они сидели рядышком на диване и складывали детскую одежду: розовые вещи в одну сторону, голубые — в другую. Телевизор показывал светящиеся картинки с выключенным звуком.

— Просто, если я соглашусь на Брандейса, а вы с папой переедете в Нью-Йорк, я буду чувствовать себя не в своей тарелке, как будто сделала неправильный выбор.

Элис перестала складывать детские вещи и посмотрела на женщину, которая сидела рядом с ней на диване. Женщина была молодая, худая и красивая. Еще она была усталая и мучилась неопределенностью.

— Сколько тебе лет? — спросила Элис.

— Двадцать четыре.

— Двадцать четыре. Это прекрасно, когда тебе двадцать четыре. Вся жизнь впереди. Все возможно. Ты замужем?

Красивая, уставшая от внутренних противоречий женщина перестала складывать детскую одежду и повернулась к Элис. Она встретилась с ней взглядом. У красивой, усталой женщины были честные, пронизательные глаза цвета арахисового масла.

— Нет, я не замужем.

— Дети?

— Нет.

— Тогда ты можешь поступать так, как хочешь.

— А если папа согласится на работу в Нью-Йорке?

— Ты не можешь принимать такого рода решения на основании того, что сделают или не сделают другие люди. Это твое решение, твое образование. Ты взрослая женщина, ты не обязана поступать так, как хочет твой отец. Основывайся на том, что правильно для твоей жизни.

— Хорошо, я так и сделаю. Спасибо.

Красивая женщина с глазами цвета арахисового масла усмехнулась, как будто удивившись чему-то, потом вздохнула и продолжила складывать детские вещи.

— Мы прошли большой путь, мама.

Элис не поняла, что она имеет в виду.

— Знаешь, — сказала она, — ты напоминаешь мне моих студентов. Когда-то я была консультантом у одного студента. У меня это хорошо получалось.

— Да, получалось. У тебя и сейчас получается.

— Как называется университет, в который ты собираешься поступать?

— Университет Брандейса.

— Это где?

— В Уолтхэме, всего несколько минут езды отсюда.

— А что ты будешь изучать?

— Актерское мастерство.

— Это замечательно. Будешь играть роли в пьесах?

— Да, буду.

— Шекспир?

— Да.

— Я люблю Шекспира, особенно трагедии.

— Я тоже.

Красивая женщина подседа ближе и обняла Элис. Она пахла чистотой и свежестью, как мыло. Ее объятия проникали в Элис так же, как взгляд ее глаз цвета арахисового масла. Элис была счастлива рядом с ней.

— Мама, пожалуйста, не переезжай в Нью-Йорк.

— Нью-Йорк? Не говори глупости. Я живу здесь. Зачем мне переезжать в Нью-Йорк?

— Просто не представляю, как ты это выдерживаешь, — сказала актриса. — Я не спала с ней почти всю ночь, теперь ничего не соображаю. В три часа я готовила ей омлет с тостами и чай.

— Я в это время не спала. Если бы мы могли сделать так, чтобы у тебя было молоко, ты бы помогала мне кормить моих ребятишек, — сказала мама малышей.

Мама сидела на диване рядом с актрисой и кормила грудью малыша в голубом. Элис держала на руках малышку в розовом. В комнату вошел Джон, принявший душ, полностью одетый, в одной руке он держал кофейник, в другой — газету. Женщины были в пижамах.

— Лид, спасибо, что продержалась прошлую ночь. Мне действительно нужно было поспать, — сказал Джон.

— Папа, как, ради всего святого, ты собираешься переехать в Нью-Йорк и обойтись без посторонней помощи? — спросила мама.

— Я собираюсь нанять домашнего медицинского помощника. Вообще-то я уже начал поиски подходящей кандидатуры.

— Я не хочу, чтобы за ней ухаживали чужие люди. Они не будут обнимать ее и любить, как мы, — сказала актриса.

— Посторонний человек не будет знать ее историю и воспоминания, как мы. Мы можем иногда заполнять пробелы в ее памяти, можем читать язык ее тела, потому что мы знаем ее, — сказала мама.

— Я не говорю, что мы перестанем о ней заботиться, я просто стараюсь быть реалистичным и практичным. Мы не обязаны взваливать все на свои плечи. Через пару месяцев ты вернешься к работе и по вечерам будешь возвращаться домой к детям, которые не видели тебя весь день. А ты будешь учиться. Ты постоянно говоришь о том, какая там интенсивная программа. Том занят хирургией. Вы все будете заняты даже больше, чем раньше, и ваша мама меньше всех хотела бы, чтобы вы ради нее снижали качество своей жизни. Она бы никогда не хотела стать обузой для вас.

— Она не обуза, она наша мама, — сказала мама.

Они разговаривали очень быстро и использовали слишком много местоимений. А малышка в розовом начала проявлять беспокойство и захныкала, это ее отвлекало. Элис не могла понять, что и о ком они говорили, но по их лицам и интонациям догадывалась, что разговор серьезный. И женщины в пижамах были на одной стороне.

— Может, с моей стороны будет разумно взять более продолжительный декретный отпуск. К чему такая спешка? Чарли будет не против, а я смогу быть рядом с мамой.

— Папа, это наша последняя возможность побыть с ней. Ты не можешь уехать в Нью-Йорк, не можешь лишиться нас этой возможности.

— Послушай, если бы ты приняла приглашение в Нью-Йорк вместо Брандейса, то смогла бы проводить с ней столько времени, сколько захотела. Ты сделала свой выбор, я — свой.

— Почему мама не участвовала в этом выборе? — спросила мама.

— Она не хочет жить в Нью-Йорке, — сказала актриса.

— Ты не знаешь, чего она хочет, — сказал Джон.

— Она сказала, что не хочет уезжать. Давай, спроси ее. Если у нее Альцгеймер, это еще не значит, что она не знает, чего хочет и чего не хочет. В три часа утра она хотела омлет с тостами и не хотела хлопья или бекон. Ты решил не учитывать ее желания, потому что у нее Альцгеймер, — сказала актриса.

«Они говорят обо мне».

— Это не так. Я делаю все, что в моих силах, чтобы наша жизнь шла правильно. Если бы исполнялись только ее желания, этого разговора вообще бы не было.

— Что, черт возьми, это значит? — спросила мама.

— Ничего!

— Ты как будто не понимаешь, что ее время еще не вышло, думаешь, время, что у нее осталось, не имеет значения. Ты ведешь себя как эгоистичный ребенок, — сказала мама.

Теперь мама плакала, но было заметно, что она разозлилась. Она выглядела и говорила, как сестра Элис Энн. Но она не могла быть Энн. Это невозможно. У Энн не было детей.

— Откуда ты знаешь, что для нее это время имеет значение? Послушай, дело не только во мне. Она прошлая, та, которая была до этого, не захотела бы, чтобы я отступил. Она бы не захотела жить здесь вот так, — сказал Джон.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила плачущая женщина, которая выглядела и говорила, как Энн.

— Ничего. Послушайте, я понимаю и ценю все, что вы сказали. Но я пытаюсь принять решение, которое будет рациональным, а не эмоциональным.

— Почему? Что плохого в том, чтобы испытывать эмоции в этом вопросе? Почему это плохо? Почему эмоциональное решение не может быть правильным? — спросила женщина, которая не плакала.

— Я еще окончательно не решил, и вы не давите на меня вдвоем. Вы не знаете всего.

— Так расскажи нам, папа, расскажи, чего мы не знаем, — сказала плачущая женщина, голос ее срывался, в нем слышалась угроза.

Это заставило его замолчать.

— Сейчас нет на это времени, у меня встреча.

Он встал и ушел, хлопнув дверью и напугав малыша в голубом, который начал засыпать на руках у мамы. Малыш заплакал. И как будто это было заразным, женщины тоже начали плакать. Теперь плакали все — розовый малыш, голубой малыш, мама, женщина рядом с мамой. Все, кроме Элис. Она не была ни расстроена, ни раздражена, ни напугана. Она была голодна.

— Что у нас будет на ужин?

Май 2005 года

Они подошли к стойке после того, как долго стояли в длинной очереди.

— Ну вот, Элис, ты какое будешь? — спросил Джон.

— То же, что и ты.

— Я буду ванильное.

— Замечательно, я тоже.

— Ты не хочешь ванильное, ты хочешь шоколадное с какой-нибудь добавкой.

— Ладно, я буду шоколадное с добавкой.

Для нее это было просто и легко, а вот его этот диалог заметно напрягал.

— Мне ванильное в рожке, а ей фуджи брауни в рожке, большие порции.

Вдали от магазинов и очередей, они сидели на покрытой граффити скамейке на берегу реки и ели мороженое. Всего в нескольких футах щипали травку гуси. Птицы были увлечены своим делом, и присутствие Элис и Джона их совершенно не беспокоило. Элис хихикнула, представив, что гуси то же самое думают о них с Джоном.

— Элис, ты знаешь, какой сейчас месяц?

Недавно прошел дождь, но небо уже было чистое, солнце высушило скамейку и согрело ей кости. Тепло было таким приятным. Белые и розовые цветки с дикой яблони, что росла неподалеку, рассыпались по земле, как конфетти на вечеринке.

— Сейчас весна.

— А какой месяц весны?

Элис лизнула мороженое и старательно обдумала вопрос. Она не помнила, когда последний раз заглядывала в календарь. Ей уже так давно не надо было думать о том, чтобы оказаться в определенном месте в определенное время. Или если и надо было оказаться где-то в определенный день и в определенное время, Джон знал об этом за нее и доставлял в нужное место в нужное время. Она не пользовалась устройством для записи назначенных встреч и больше не носила часы.

«Что ж, посмотрим. Месяцы года».

— Я не знаю, а какой?

— Май.

— О!

— Ты знаешь, когда день рождения Анны?

— В мае?

— Нет.

— А я думаю, у Энн день рождения весной.

— Нет, не у Энн, у Анны.

Желтый грузовик с ревом проехал по мосту недалеко от того места, где они сидели, и напугал ее. Один из гусей расправил крылья и загоготал на грузовик, защищая своих сородичей. Элис стало интересно: он такой смелый или просто горячий и не раздумывая лезет в драку. Она посмеивалась, размышляя об этом гусе. Лизала свое шоколадное с какой-то там начинкой мороженое и разглядывала здание из красного кирпича на противоположном берегу реки. В здании было много окон, а на золотом куполе — часы со старинным циферблатом. Оно казалось значимым и знакомым.

— Что это за здание, вон там? — спросила Элис.

— Это Школа бизнеса — часть Гарварда.

— О! А я преподавала в этом здании?

— Нет, ты преподавала в разных зданиях на этом берегу реки.

— О!

— Элис, где твой офис?

— Мой офис? В Гарварде.

— Да, но где в Гарварде?

— В холле, я думаю. Знаешь, я туда больше не хожу.

— Я знаю.

— Значит, не имеет никакого значения, где он находится. Почему мы не обращаем внимания на то, что действительно важно?

— Я пытаюсь.

Он взял ее за руку. Его рука была теплее. Ее руке было уютно в его руке. Два гуся вразвалку подошли к воде. Люди в реке не плавали. Наверное, она слишком холодная для людей.

— Элис, ты все еще хочешь быть здесь?

Его брови изогнулись, морщинки возле глаз стали глубже. Этот вопрос для него важен. Она улыбнулась, обрадовавшись, что может наконец дать ему точный и определенный ответ.

— Да, я сижу здесь, с тобой. И я еще не закончила.

И она, чтобы он лучше рассмотрел, подняла повыше свой рожок с шоколадным с какими-то там добавками мороженым. Мороженое начало таять и стекало по рожку на ее руку.

— А что? Нам пора уходить? — спросила она.

— Нет. Не торопись.

Июнь 2005 года

Элис сидела за своим компьютером и ждала, когда оживет экран. Только что звонила Кэти, проверяла, как дела, была взволнована. Она сказала, что Элис уже давно не отвечает на ее электронные письма, что она неделями не появлялась в чате «деменция» и что вчера она пропустила собрание группы поддержки. О ком так беспокоится Кэти, Элис поняла, только когда она упомянула о группе поддержки. Кэти сказала, что к группе присоединились два новых человека и что им порекомендовали группу люди, которые присутствовали на конференции по деменции и слышали речь Элис. Элис сказала, что это замечательные новости. Она извинилась перед Кэти за то, что заставила ее волноваться, и попросила передать всем, что у нее все в порядке.

Но если говорить правду, она была далеко не в порядке. Она еще могла читать и понимать небольшие отрывки текста, но клавиатура компьютера превратилась для нее в неподдающийся расшифровке набор букв. В действительности она утратила способность складывать слова из выложенного на клавиатуре алфавита. Ее способность использовать язык, которая отличает человека от животного, покидала ее, и, теряя эту способность, она все меньше и меньше ощущала себя

человеком. Она уже давно со слезами попрощалась с ответом «Я в порядке».

Она кликнула свой почтовый ящик. Семьдесят три новых письма. Раздавленная этим количеством и бессильная ответить, она закрыла почту, так и не открыв ни одного. Она смотрела на монитор, перед которым провела большую часть своей жизни. На рабочем столе вертикально выстроились ярлыки от трех папок: «Жесткий диск», «Элис», «Бабочка». Она кликнула папку «Элис».

Внутри были еще папки с разными именами: «Административный», «Дом», «Джон», «Дети», «Доклады», «Конспекты», «Ланч-семинары», «Молекулы и разум», «Предложение грантов», «Презентации», «Студенты». Вся ее жизнь была в этих аккуратных маленьких иконках. У нее не хватило смелости заглянуть хотя бы в одну из них, она боялась, что не сможет вспомнить и понять собственную жизнь. Вместо этого она кликнула файл «Бабочка».

Дорогая Элис.

Ты написала это письмо сама себе, когда была в здравом уме. Если ты читаешь его и не можешь ответить на один или несколько следующих вопросов, значит, ты больше не в здравом уме.

Какой сейчас месяц?

Где ты живешь?

Где находится твой офис?

Когда день рождения Анны?

Сколько у тебя детей?

У тебя болезнь Альцгеймера. Ты потеряла большую часть себя, большую часть того, что ты любишь, и ты не живешь жизнью, которой хотела бы жить. У этой болезни нет хорошего конца, но ты должна сделать выбор, который будет достойным и справедливым и не будет унижительным для тебя и твоей семьи. Ты больше не можешь доверять собственным суждениям, но ты можешь доверять мне. Я — это ты, до того как Альцгеймер забрал большую часть тебя.

Ты прожила выдающуюся, наполненную жизнь. У вас с Джоном трое здоровых, замечательных детей. Они любимы и успешны. Ты сделала превосходную карьеру в Гарварде. В ней были вызовы, творчество, страсть, достижения.

Эта последняя часть твоей жизни, жизнь с Альцгеймером, и этот конец, который ты тщательно обдумала, трагичны, но твоя жизнь не была трагична. Я люблю тебя, горжусь тобой и всем, что ты делала, пока у тебя были силы.

А сейчас иди в свою спальню. Подойди к черной тумбочке возле кровати, к той, на которой стоит синяя лампа. Выдвини ящик этой тумбочки. В глубине его лежит пузырек с таблетками. На пузырьке белая этикетка, на этикетке черными буквами написано: «ДЛЯ ЭЛИС». В этом пузырьке много таблеток. Проглоти их все и запей большим стаканом воды. Убедись в том, что ты выпила все таблетки. Потом ложись в постель и спи.

Иди прямо сейчас, пока ты не забыла. И никому не говори о том, что ты делаешь. Пожалуйста, верь мне.

С любовью,

Элис Хаулэнд.

Она снова перечитала весь текст. Она не помнила, чтобы писала это. Она не знала ответа ни на один вопрос, кроме одного — о количестве детей. Но скорее всего, она знала ответ, потому что он был в тексте письма. Имена она не могла назвать точно. Анна и Чарли, наверное. Третье она не смогла вспомнить.

Она еще раз перечитала письмо. Теперь медленнее, если такое вообще возможно. Читать текст на мониторе компьютера было трудно, гораздо труднее, чем напечатанный на бумаге. Читая написанное на бумаге, она могла использовать ручку и маркер. И лист бумаги она могла бы взять с собой в спальню и прочитать письмо там. Она хотела распечатать его на принтере, но не могла сообразить, как это делается.

Она пожалела о том, что та Элис из прошлого, которая еще оставалась собой, несмотря на болезнь Альцгеймера, не оставила инструкции для распечатки текста.

Она еще раз перечитала письмо. Это было удивительно и нереально, как будто она читала дневник, который вела в тринадцать лет. Сокровенные, идущие от сердца мысли девочки, которую она едва помнила. Ей было жаль, что она так мало написала. Это письмо наполнило ее печалью и гордостью, придало сил и освободило. Она сделала глубокий вдох, потом выдох и пошла на второй этаж.

Поднявшись на последнюю ступеньку, она забыла, зачем поднималась. Осталось только ощущение важности и необходимости сделать что-то. Больше ничего. Она спустилась вниз, чтобы определить, где была до последнего момента. Обнаружила, что компьютер включен, на мониторе — письмо. Она прочитала письмо и вернулась на второй этаж.

Выдвинула ящик в тумбочке, которая стояла возле ее кровати. Вытащила из ящика упаковки салфеток, ручки, пачку бумаги для записок, бутылочку с лосьоном, два леденца от кашля, зубную нитку и несколько монеток. Рассыпала все это по кровати и коснулась каждого предмета по одному разу. Салфетки, ручка, ручка, ручка, бумага для записок, монеты, леденец, леденец, нитка, лосьон.

— Элис?

— Что?

Она оглянулась. В дверях стоял Джон.

— Что ты там делаешь? — спросил он.

Она посмотрела на рассыпанные по кровати вещи.

— Ищу что-то.

— Мне надо вернуться в офис, я забыл кое-какие бумаги. Я поеду на машине, так что меня не будет всего несколько минут.

— Хорошо.

— Вот, пора, прими, пока я не забыл.

Он подал ей стакан воды и горсть таблеток. Она проглотила все до единой.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Всегда пожалуйста. Я скоро вернусь.

Он взял у нее пустой стакан и вышел из комнаты. Она легла на кровать рядом с высыпанными из ящика мелочами и закрыла глаза.

Печаль, гордость, сила, освобождение. Она ждала.

— Элис, пожалуйста, надень свою мантию, капюшон и конфедератку. Нам уже надо идти.

— А куда мы идем? — спросила Элис.

— На Актовый день в Гарварде.

Она снова оглядела свой наряд. Она еще его не надела.

— А что означает Актовый день?

— Это выпускной в Гарварде. Актовый день означает начало.

Актовый день. Выпускной в Гарварде. Начало. Она прокручивала в голове это слово. Выпуск из Гарварда означает начало, начало взрослой жизни, начало профессиональной жизни, начало жизни после Гарварда. Ей нравилось это слово, она хотела его запомнить.

Они шли по людному тротуару. На них были темно-розовые мантии и черные бархатные шапочки. Первые минуты она чувствовала себя глупо в этом наряде и абсолютно не доверяла выбору Джона. А потом вдруг они стали окружать ее со всех сторон. Множество людей в точно таких же, только разной расцветки мантиях и шапочках шли вместе с ними по тротуару. И вскоре это было уже многоцветное костюмированное шествие.

Под заунывные церемониальные звуки волынки они вышли на окруженный старинными зданиями травянистый двор с большими старыми деревьями. Элис поежилась.

«Я через это уже проходила».

Процессия вывела их к ряду стульев, там они заняли свои места.

— Это выпускной в Гарварде, — сказала Элис.

— Да, — поддержал Джон.

— Актовый день.

— Да.

Через некоторое время дело дошло до речей. На выпускном в Гарварде выступали знаменитые и влиятельные люди, большей частью политики.

— Как-то здесь выступал король Испании, — сказала Элис.

— Да, — согласился Джон и тихо рассмеялся, как будто его что-то позабавило.

— А кто этот человек? — спросила Элис, имея в виду выступавшего в этот момент мужчину.

— Актер, — ответил Джон.

Теперь рассмеялась Элис, это ее позабавило.

— Видно, в этом году короля им не удалось заполучить.

— Ты знаешь, твоя дочь — актриса. Возможно, придет день и она тоже будет здесь выступать.

Элис слушала актера. Он говорил легко. Говорил о плутовском романе.

— Что такое плутовской роман? — спросила Элис.

— Это долгое приключение, которое преподносит герою жизненные уроки.

Актер говорил о своем жизненном приключении. Он говорил, что выступает в Актовый день в Гарварде, чтобы поделиться с выпускниками, которые стоят в начале пути, чему его научила жизнь. Он дал им пять советов: творчески относиться к делу, приносить пользу, быть практичными, быть щедрыми и закончить в высшей лиге.

«Думаю, я обладала всеми этими качествами. Только еще не закончила. Я не закончила в высшей лиге».

— Это хороший ответ, — сказала Элис.

— Да, хороший, — согласился Джон.

Они сидели, слушали и аплодировали, снова слушали и снова аплодировали, Элис даже не задумывалась о том, сколько это длилось. Потом все встали и медленно, уже не такой стройной процессией, ушли со двора. Элис и Джон в компании еще нескольких людей вошли в одно из ближайших зданий. Оказавшись в невероятной красоты вестибюле, она почувствовала благоговейный трепет. Ее потрясли высокие потолки из темного дерева и уходящие вверх залитые солнечным светом витражи. С потолка свисали огромные старинные канделябры.

— Где мы? — спросила Элис.

— Это Мемориал-Холл, часть Гарварда.

К ее большому разочарованию, они не стали задерживаться в прекрасном вестибюле и сразу прошли в зал, который уступал вестибюлю и в размерах, и в красоте.

— А теперь что происходит? — спросила Элис.

— Здесь выпускникам факультета искусств и наук вручают диплом доктора философии. Мы пришли сюда, чтобы увидеть, как Дэн получает свой диплом. Дэн — твой студент.

Она оглядела сидящих в зале людей в темно-розовых мантиях. Она не знала, кто из них Дэн. Вообще-то ей никто не показался знакомым, но эмоции были знакомы. Эти люди счастливы и полны надежд, они гордятся собой и чувствуют себя свободными. Они открыты для новых вызовов, их ждут поиски и открытия, они будут творить и преподавать, чтобы стать героями своего жизненного приключения.

Она узнавала в них себя. Все было ей знакомо — это место, возбуждение, стремления, начало. Когда-то это было началом ее приключения, и хоть она и не помнила всех деталей, но где-то внутри знала, что ее приключение было ярким и многого стоило.

— Вот и он, выходит на сцену, — сказал Джон.

— Кто?

— Дэн, твой студент.

— Который из них?

— Блондин.

Кто-то объявил:

— Даниель Мэлони.

Дэн шагнул вперед и пожал руку мужчине, который вручил ему красную папку. Потом Дэн поднял над головой эту красную папку и торжествующе улыбнулся. Элис аплодировала его радости, его достижениям, благодаря которым он стоял на этой сцене, аплодировала приключению, которое ждало его впереди, аплодировала студенту, о котором не могла ничего вспомнить.

Элис и Джон стояли во дворе под большим белым тентом, вокруг были студенты в темно-розовых мантиях и люди, которые были счастливы за них. К Элис подошел молодой светловолосый человек. Он широко улыбался. Без малейших колебаний обнял ее и поцеловал в щеку.

— Я Дэн Мэлони, ваш студент.

— Поздравляю, Дэн, я счастлива за тебя, — сказала Элис.

— Большое вам спасибо. Я так рад, что вы смогли прийти и увидеть, как я получаю диплом. Мне очень повезло, что я был вашим студентом. Хочу, чтобы вы знали: вы были причиной того, что я выбрал своей специализацией лингвистику. Ваша страсть, с которой вы стремились понять, как устроен язык, ваш скрупулезный и

комплексный подход к исследованиям, ваша любовь к преподаванию — все это вдохновляло меня. Я благодарен вам за то, что вы направляли меня, за вашу мудрость, за то, что вы устанавливали планку выше, чем мне казалось возможным, и за то, что вы всегда оставляли мне свободу для собственных идей. Вы были моим лучшим учителем. Если я в своей жизни достигну хотя бы малой части того, чего достигли вы, буду считать, что моя жизнь удалась.

— Спасибо за теплые слова. Знаешь, я не так уж хорошо помню эти дни. Но рада, что ты помнишь обо мне все эти вещи.

Он подал ей белый конверт.

— Вот, я написал это для вас, все, что я только что сказал, так что вы при желании всегда сможете прочитать это и узнать, что вы сделали для меня, даже если не сможете об этом вспомнить.

— Спасибо.

Они с гордостью держали в руках свои конверты: он — красный, она — белый.

Мужчина постарше и поплотнее Дэна и две женщины, одна намного старше другой, присоединились к ним. Мужчина держал поднос с тонкими бокалами, в которых было шипучее белое вино. Молодая женщина подала каждому по бокалу.

— За Дэна, — сказал мужчина и поднял бокал.

— За Дэна, — хором поддержали остальные, чокнулись и пригубили вино.

— За удачное начало, — добавила Элис, — и финиш в высшей лиге.

Они ушли от тентов, от старых зданий из кирпича, от людей в мантиях и бархатных шапочках туда, где было тише и не таклюдно. Какой-то человек в черной мантии с радостным криком налетел на Джона. Тот остановился и отпустил Элис, чтобы пожать ему руку. Элис по инерции продолжала движение вперед.

В какую-то растянувшуюся во времени секунду она притормозила и встретила глазами с женщиной. Она была уверена, что не знакома с ней, но в том, что их взгляды встретились, был какой-то смысл. У женщины были светлые волосы, телефон возле уха и большие голубые испуганные глаза за стеклами очков. Женщина была за рулем автомобиля.

А потом капюшон вдруг сдавил Элис горло, и ее отбросило назад. Она упала на спину и ударилась головой о тротуар. Падение было неожиданным и болезненным, мантия и бархатная шапочка немного смягчили удар.

Рядом с ней опустился на колени мужчина в темно-розовой мантии.

— Извини, Эли, ты в порядке? — спросил он.

— Нет, — ответила она, села и потерла затылок рукой.

Она ожидала увидеть на ладони кровь, но крови не было.

— Прости меня, ты вышла прямо на дорогу. Эта машина чуть не сбила тебя.

— С ней все в порядке?

Это была женщина из машины, у нее все еще были большие от страха глаза.

— Думаю, да, — сказал мужчина.

— О господи, я могла убить ее. Если бы вы не выдернули ее с дороги, я бы наверняка ее сбила.

— Все в порядке, вы никого не убили, думаю, с ней все в порядке.

Мужчина помог Элис встать. Он ощупал и осмотрел ее голову.

— Думаю, ничего страшного. Может быть, болеть будет. Ты можешь идти? — спросил он.

— Да.

— Я могу вас куда-нибудь подвезти? — спросила женщина.

— Нет-нет, спасибо, все хорошо, не надо, — сказал мужчина.

Одной рукой он обнял Элис за талию, а второй взял под локоть. Она шла домой с добрым человеком, который спас ей жизнь.

Лето 2005 года

Элис сидела в большом и удобном белом кресле и ломала голову, разглядывая настенные часы. В таких часах, со стрелками и цифрами, было гораздо труднее разобраться, чем в тех, где были только цифры.

— Который сейчас час? — спросила она мужчину, который сидел в другом кресле.

— Почти три тридцать.

— Думаю, мне пора домой.

— Ты дома. Это твой дом на Кейп-Код.

Она оглядела комнату: белая мебель, на стенах пейзажи с маяками и пляжами, огромные окна, за окнами маленькие, похожие на веретено деревца.

— Нет, это не мой дом. Я не здесь живу. Я хочу пойти домой.

— Мы вернемся в Кембридж через пару недель. Мы здесь отдыхаем. Тебе здесь нравится.

Мужчина в кресле продолжил читать книгу и пить свой напиток. Книга была толстая, напиток — со льдом, золотисто-коричневый, как ее глаза. Он получал удовольствие, поглощая и то и другое — книгу и напиток.

Белая мебель, пейзажи с маяками и пляжами на стенах, огромные окна, за окнами маленькие, похожие на веретено деревца — все это было чужим для нее. И звуки она тоже не узнавала. Она слышала птиц, такие птицы живут у океана; слышала, как стучаются кусочки льда о стекло, когда мужчина в кресле пьет свой напиток; слышала, как он сопит, когда читает, и как тикают часы.

— Мне кажется, я здесь уже достаточно погостила. Я хочу поехать домой сейчас.

— Ты дома. Это твой дом для отпуска. Сюда мы приезжаем, чтобы отдохнуть и снять напряжение.

Это место не выглядело как ее дом, и звуки здесь были не такие, как дома, и она не чувствовала себя на отдыхе. Мужчина, который читал и пил в большом белом кресле, сам не знал, что говорит. Вероятно, он был пьян.

Мужчина сопел, читал и пил, а часы тикали. Элис сидела в большом белом кресле, слушала, как уходит время, и мечтала о том, чтобы кто-нибудь забрал ее домой.

Она сидела в одном из белых деревянных кресел на веранде, пила холодный чай и слушала отрывистые крики невидимых лягушек и трескотню ночных букашек.

— Эй, Элис, я нашел твое кольцо с бабочкой, — сказал мужчина, которому принадлежал дом.

У него в руках была бабочка на серебряной цепочке. Он покачивал ее перед Элис.

— Это не мое, это мамино кольцо. И оно особенное, лучше положи его на место, нам нельзя с ним играть.

— Я разговаривал с твоей мамой, она сказала, что ты можешь взять его себе. Она его тебе подарила.

Она смотрела ему в глаза, наблюдала, как движутся губы, изучала язык тела и пыталась понять, что им движет. Но послушание отступило перед красотой, и сверкающая голубая бабочка соблазнила ее до того, как она успела убедиться в искренности мужчины.

— Она сказала, что я могу взять ее себе?

— Угу.

Он перегнулся через нее и застегнул кольцо на ее шее. Она пробежала пальцами по драгоценным камням на крыльях бабочки, по серебряному тельцу, коснулась бриллиантов на кончиках усиков. Радостная дрожь пробежала по всему ее телу.

«Энн умрет от зависти».

Она сидела на полу в спальне, где ее укладывали спать, и разглядывала свое отражение в высоком, от пола до потолка, зеркале. У девочки в зеркале были темные круги под запавшими глазами, кожа на лице обвисла и была вся в пятнах, в уголках глаз и поперек лба — морщины. Широкие неаккуратные брови надо было подщипать. Густые волнистые волосы были черными, но и седина бросалась в глаза. Девочка в зеркале была страшной и старой.

Она пробежала пальцами по щекам, по лбу, ощупывая пальцами лицо и лицом — кончики пальцев.

«Это не могу быть я. Что случилось с моим лицом?»

Она отыскала ванную комнату и щелкнула выключателем. В зеркале над раковиной она увидела тот же образ. Ее золотисто-коричневые глаза, ее строгий нос, ее губы сердечком, но вот все остальное было гротескно и неправильно. Она провела пальцами по гладкой холодной поверхности зеркала.

«Что случилось с этими зеркалами?»

Запах в ванной тоже был неправильным. У нее за спиной на застеленном газетами полу стояли стремянка и ведро с кистью. Она села на корточки и принялась. Потом сняла крышку с ведерка, обмакнула туда кисть и смотрела, как густая белая краска капает со щетины.

Она начала с тех, которые, как она уже убедилась, были дефектными. Одно — в ванной комнате, второе — в спальне, где она

спала. Закончила она, только когда нашла еще четыре и закрасила их все белой краской.

Она сидела в большом белом кресле, а мужчина, которому принадлежал дом, сидел в другом таком же. Он читал книгу и пил напиток. Книга была толстая, а напиток — золотисто-коричневого цвета со льдом.

Она взяла с кофейного столика книгу, которая была даже толще, чем та, которую читал мужчина, и начала ее листать. Ее глаза останавливались на схемах из слов и букв, которые стрелками, пунктирами и маленькими предупреждающими знаками были связаны с другими словами и буквами. Она листала страницу за страницей и проговаривала отдельные слова — *растормаживание, фосфорилирование, гены, ацетилхолин, первичный, быстротечность, морфемы, фонологический*.

— Кажется, я уже читала эту книгу раньше, — сказала Элис.

Мужчина взглянул на книгу, которую она держала в руках, потом на нее.

— Ты не только ее читала. Ты ее написала. Ты и я, мы вместе написали эту книгу.

Она не знала, верить ли ему на слово, поэтому закрыла книгу и посмотрела на блестящую синюю обложку. «От молекул к разуму». Джон Хауленд, Элис Хауленд. Она посмотрела на мужчину в кресле.

«Джон».

Она открыла первую страницу. «Оглавление: Настроение и эмоции; Мотивация; Возбуждение и внимание; Память; Язык». Язык.

Она открыла книгу на последних страницах. «Бесконечные возможности речевых оборотов; инстинктивное заучивание; семасиология; ролевая грамматика; неправильные глаголы; легкость и автоматизм; универсальный». Слова, которые она читала, проталкивались сквозь сорняки и грязь, засорившие ее мозг, туда, где еще осталось чистое, нетронутое пространство.

— Джон, — сказала она.

— Да.

Он отложил свою книгу и передвинулся на краешек кресла.

— Я написала эту книгу вместе с тобой, — сказала она.

— Да.

— Я помню. Я помню тебя. Я помню, что была очень умной.

— Да, ты была самым умным человеком из всех, кого я встречал в своей жизни.

Эта толстая книга в блестящей синей обложке свидетельствовала о том, какой она когда-то была.

«Я знала, как разум работает с речью, я могла выразить то, что знаю. Я была тем, кто много знает. Больше никого не интересует мое мнение, никто не спрашивает у меня совета. У меня этого нет. Я была любознательной, независимой и уверенной в себе. Я больше ни в чем не уверена. Нельзя обрести покой, когда постоянно испытываешь неуверенность во всем. Мне не хватает легкости в поступках. Я больше не участвую в том, что происходит вокруг. Я больше не чувствую, что нужна кому-то. Я потеряла свою жизнь и свою семью. Я любила свою жизнь и свою семью».

Она хотела рассказать ему все, о чем вспомнила, о чем подумала. Но все эти воспоминания и мысли состояли из такого большого количества слов, фраз и предложений, а сорняки и мусор в ее мозгу не давали выразить их вслух. Она сжала их до минимума и приложила все свои силы, чтобы высказать то, что было самым важным. Остальное будет храниться в нетронутой части ее сознания.

— Я скучаю по себе.

— Я тоже скучаю по тебе, Эли, очень скучаю.

— Я никогда не думала, что стану такой.

— Я знаю.

Сентябрь 2005 года

Джон сидел в конце длинного стола и маленькими глотками пил черный кофе. Кофе был очень крепкий и очень горький, но его это не волновало. Он пил его не ради вкуса. Если бы мог, он выпил бы его быстрее, но кофе был обжигающе горячий. Для того чтобы окончательно взбодриться и прийти в себя, ему потребуется еще две или три большие чашки.

Большинство тех, кто заходил сюда за порцией кофеина, покупали кофе и сразу шли дальше. У Джона ближайший час в лаборатории был свободен, и в офисе в начале дня тоже не было никаких срочных дел.

Он никуда не торопился, с удовольствием ел кекс с корицей, пил кофе и читал «Нью-Йорк таймс».

Первым делом он открыл раздел «Здоровье». Уже больше года он начинал читать газеты именно с этого раздела, и если вначале им двигала надежда, то теперь это превратилось в привычку. Он прочитал первую статью и, не скрывая слез, плакал над чашкой остывшего кофе.

«АМИЛИКС НЕ ПРОШЕЛ ИСПЫТАНИЯ

По результатам исследований, у пациентов с болезнью Альцгеймера от начальной до средней стадии, которые в течение пятнадцати месяцев принимали амиликс, не наблюдается стабилизации симптомов в сравнении с группой плацебо.

Амиликс — снижающий бета-амилоиды селективный агент. Путем связывания растворимого бета-амилоида-42 этот экспериментальный препарат разработан для того, чтобы остановить прогресс заболевания, в то время как доступные в данный момент препараты в лучшем случае могут лишь отсрочить неминуемый финал.

Препарат оказался хорошо переносимым и прошел через первые две фазы испытаний, оправдывая ожидания как клиницистов, так и финансистов. Но после пятнадцати месяцев приема препарата даже в увеличенных дозах у пациентов не было замечено улучшения или стабилизации, их показатели по шкале „Alzheimer’s Disease Assessment“ и по проставленным баллам в анкетах ежедневной активности оказались ниже ожидаемых».

Эпилог

Элис сидела на скамейке вместе с женщиной и наблюдала за проходящими мимо детьми. Это были не совсем дети. Они не были теми детьми, которые живут дома вместе с мамами. Какими они были? Средними детьми размера «М».

Средние дети проходили мимо, а она изучала их лица. Серьезные, озабоченные. Большоголовые. Они все куда-то шли. Рядом стояли еще скамейки, но никто из средних детей не остановился и не присел. Они все шли куда-то, сосредоточенно и целеустремленно.

Ей не надо было никуда идти. И это ее очень даже радовало. Она и женщина сидели на скамейке и слушали, как девушка с очень длинными волосами играет музыку и поет. У девушки был очень красивый голос, большие счастливые глаза. Ее длиннющая юбка вся была усыпана цветами. Элис любовалась этими цветами, они вызывали у нее восторг.

Она мурлыкала себе под нос. Ей нравилось, как ее голос сливается с голосом поющей девушки.

— Ладно, Элис, Лидия с минуты на минуту придет домой. Ты хочешь заплатить Соне перед уходом? — спросила женщина.

Женщина встала со скамейки и улыбалась, в руке у нее были деньги. Элис почувствовала, что ее приглашают присоединиться. Она встала, и женщина передала ей деньги. Элис бросила деньги в черную шляпу, которая лежала у ног поющей девушки. Поющая девушка продолжала играть музыку, но на секунду перестала петь, чтобы поговорить с ними.

— Спасибо, Элис, спасибо, Кэрол, еще увидимся!

Элис шла с женщиной, и музыка у нее за спиной становилась все тише. Вообще-то ей не хотелось уходить, но женщина пошла, а Элис знала, что должна оставаться с ней. Женщина была веселая и добрая и всегда знала, что надо делать, Элис это очень ценила, потому что сама часто не знала.

После непродолжительной прогулки Элис увидела на подъездной дорожке к дому клоунскую машину и яркую полированную.

— Они обе приехали, — сказала женщина, увидев машины.

Элис почувствовала радостное возбуждение и поспешила в дом. В холле была мама.

— Собрание закончилось раньше, чем я думала, так что я вернулась. Спасибо, что подменила, — сказала мама.

— Нет проблем. Я убрала ее постель, но не перестелила. Все в сушилке, — сказала женщина.

— Хорошо, спасибо, я все сделаю.

— У нее был еще один хороший день.

— Никаких блужданий?

— Никаких. Теперь она моя верная тень. Мы соучастницы. Да, Элис?

Женщина улыбалась и с энтузиазмом кивала головой. Элис улыбалась и кивала в ответ. Она понятия не имела, с чем соглашается, но, видимо, это было что-то хорошее, если женщина так считала.

Женщина начала собирать книги и сумки возле входной двери.

— Джон завтра приезжает? — спросила женщина.

Заплакал ребенок, которого не было видно, и мама исчезла в другой комнате.

— Нет, но мы справимся, — сказала мама.

Мама вернулась с ребенком на руках, ребенок был в голубой одежде, и мама часто-часто целовала его в шею. Малыш продолжал плакать, но уже не так горько. Поцелуи мамы сделали свое дело. Мама вставила малышу в рот штучку для сосания.

— Все хорошо, маленький гусенок. Большое тебе спасибо, Кэрол. Ты просто находка. Удачных тебе выходных, увидимся в понедельник.

— До понедельника, — сказала женщина и крикнула: — Пока, Лидия!

— Пока, спасибо, Кэрол! — крикнули в ответ откуда-то из дома.

Малыш посмотрел на Элис большими круглыми глазами и, узнав, улыбнулся со штучкой для сосания во рту. Элис улыбнулась малышу, он рассмеялся, широко открыв рот. Штучка для сосания упала на пол. Мама присела на корточки и подняла ее.

— Мам, хочешь его подержать?

Мама передала малыша Элис. Он устроился у нее на руке и бедре и начал водить мокрой ладошкой по ее лицу. Ему нравилось так делать, а Элис с удовольствием ему это позволяла. Он схватил ее нижнюю губу. Она притворилась, будто кусает и ест его руку, и при

этом издавала звуки, как дикое животное. Он рассмеялся и перешел к ее носу. Она фыркала и притворялась, что чихает. Он перешел к ее глазам. Она зажмурилась и начала моргать, стараясь пощекотать его ладошку. Он провел рукой по ее лбу к волосам, сжал свой маленький кулачок и потянул. Она осторожно разжала его кулачок и поправила волосы указательным пальцем. Малыш добрался до ее колье.

— Видишь, какая красивая бабочка?

— Не разрешай ему брать ее в рот! — крикнула мама, которая была в другой комнате, но в пределах видимости.

Элис вовсе не собиралась позволять малышу брать бабочку в рот и почувствовала, что ее несправедливо обвинили. Она прошла в комнату, где была мама. В комнате было полным-полно самых разных ярких подарочных детских вещей, которые бибикали, жужжали и разговаривали, когда на них натыкались малыши. Элис забыла, что это комната, где нельзя тихо присесть. Она хотела уйти, пока мама не предложила ей посадить куда-нибудь малыша, но актриса тоже была в этой комнате, а Элис хотелось побыть в их компании.

— Папа приедет в выходные? — спросила актриса.

— Нет, он не сможет, сказал, будет на следующей неделе. Можно, я ненадолго оставлю их с тобой и мамой? Мне надо сходить в магазин. Эллисон еще часок поспит.

— Конечно иди.

— Я быстро. Тебе что-нибудь нужно? — спросила мама, выходя из комнаты.

— Побольше мороженого и что-нибудь шоколадное! — крикнула актриса.

Элис отыскала игрушку без громких кнопок и села, а малыш у нее на коленях начал исследовать игрушку. Она вдыхала запах его почти лысой макушки и смотрела, как читает актриса. Та подняла голову и посмотрела на нее.

— Мам, давай ты послушаешь, как я читаю этот монолог, я готовлю его для занятий, и скажешь, что ты об этом думаешь? Не о самой истории, она длинная. Тебе не надо запоминать слова, просто послушай и скажи, о чем она, по-твоему? Когда я закончу, скажи, что я заставила тебя почувствовать, хорошо?

Элис кивнула, и актриса начала читать. Элис смотрела, слушала то, что актриса не произносила вслух. Она видела, как в ее глазах

появилось отчаяние, потом они стали вопрошать, молить о правде. Видела, как смиренно, с какой благодарностью приняла актриса правду. Сначала ее голос был неуверенным, она чего-то боялась. Она не стала говорить громче, но постепенно в ее голосе появилась уверенность, а потом радость, и временами он звучал как песня. Плечи актрисы расслабились, руки просили о признании, дарили прощение. Ее голос и тело рождали энергию, которая наполнила Элис и заставила ее плакать. Она крепко обнимала малыша и целовала его восхитительно пахнущую макушку.

Актриса остановилась и снова стала собой. Она смотрела на Элис и ждала.

— Ну, что ты чувствуешь?

— Я чувствую любовь. Это о любви.

Актриса вскрикнула, бросилась к Элис и поцеловала ее в щеку. Она улыбалась, ее лицо светилось от счастья.

— Я правильно сказала? — спросила Элис.

— Да, мам. Ты все очень правильно сказала.

Интервью с Лайкой Дженовой

О чем ваша книга «Навеки Элис»?

Это книга о молодой женщине, которая с наступлением ранней стадии болезни Альцгеймера погружается в деменцию. Элис пятьдесят лет, она профессор психологии Гарвардского университета, и у нее неожиданно начинаются провалы в памяти, она становится забывчивой, иногда просто теряется. Но, как большинство профессионалов ее возраста, поначалу списывает эти симптомы на возраст, стрессы, недосыпание и тому подобное. Со временем все становится серьезнее — а при таком заболевании это неизбежно, — она в конце концов обращается к неврологу и узнает, что у нее болезнь Альцгеймера.

Через какое-то время Элис уже не может полагаться на собственный разум и воспоминания, она вынуждена отказаться от продолжения карьеры в Гарварде, с которым отождествляла и себя, и свой статус, и вынуждена искать ответы на вопросы «Кто я?» и «Чего я стою?». Болезнь усугубляется и по частям отбирает у Элис то, что она привыкла считать собственным «я». Мы видим, как Элис делает открытие: она — это нечто большее, что может вместить ее память.

Что вас вдохновило написать книгу «Навеки Элис»?

Причин много, но главная — то, что у моей бабушки диагностировали болезнь Альцгеймера. Ей было за восемьдесят, но, оглядываясь назад, я понимаю, я уверена, что она страдала этим заболеванием задолго до того, как у нас, у ее семьи, открылись глаза. Есть уровень забывчивости, который для престарелых людей считается нормальным. К тому времени, когда мы стали беспокоиться о ее состоянии, она уже была тяжело больна. И это стало для нас ударом. Она всегда была умной, независимой, энергичной женщиной. И мы наблюдали за тем, как ее шаг за шагом разрушала эта болезнь. Она забыла, как зовут ее детей, не знала даже, что они у нее есть (их было девять), не знала, где живет, забывала пойти в туалет, когда это надо было сделать, не узнавала свое отражение в зеркале. Я не раз

видела, как она суежилась вокруг пластмассовых кукол, как будто это были живые младенцы. На это было тяжело смотреть, но в то же время я понимала, что мне не безразлична эта проблема. К тому времени я уже закончила Гарвард с дипломом доктора в области неврологии, и как невролога меня интересовало, что происходит у нее в голове. Мы видим результаты разрушений извне. Мне хотелось проследить цепочку событий, которые ведут к разрушениям, как бы изнутри. Я задавалась вопросом: каково это, когда те области сознания, которые отвечают за твою индивидуальность и понимание, больше тебе неподвластны? Мне было интересно посмотреть на болезнь Альцгеймера глазами человека с таким диагнозом. Моя бабушка уже не могла мне ответить, но кто-нибудь с ранним Альцгеймером — мог. Это и стало отправной точкой для написания книги «Навеки Элис».

Помог ли вам ваш профессиональный опыт?

Да, помог. Он позволял мне войти в контакт с нужными людьми, и в этом была его главная польза. Гарвардский диплом доктора неврологии как пропуск куда угодно: передо мной открывались все двери. Я могла общаться и с клиницистами — главными неврологами в Бригеме и Бостонском женском госпитале, нейропсихологами Массачусетского главного госпиталя, консультантами-генетиками, руководителями групп поддержки, светилами в области исследований болезни Альцгеймера и с пациентами — людьми с этим диагнозом, и с теми, кто за ними ухаживает. Мой профессиональный опыт и рекомендации вызывали у людей доверие, а оно было необходимо, чтобы они чувствовали себя комфортно, рассказывая о том, что знают.

И конечно, в беседах с врачами и учеными понимание молекулярной биологии этой болезни давало мне необходимый объем знаний и словарный запас, чтобы задавать правильные вопросы и понимать полученные ответы.

Как вы начали контактировать с Национальной ассоциацией Альцгеймера?

Еще до опубликования «Навеки Элис» мне казалось, что в моей истории, пусть и выдуманной, правдиво описывается жизнь человека с

болезнью Альцгеймера. Ее уникальность заключается в том, что она рассказана скорее от лица пациента, чем от лица тех, кто за ним ухаживает. Обычно же львиная доля информации о болезни Альцгеймера исходит от тех, кто ухаживает за людьми с этим диагнозом.

Поэтому я подумала, что в Ассоциации Альцгеймера могут заинтересоваться моей книгой, может быть, одобрить ее или дать на нее ссылку на своем веб-сайте. Я связалась с их отделом маркетинга и оставила ссылку на веб-сайт книги, который создала еще до ее выхода в свет. Мне ответили, что обычно не вступают в такого рода партнерские отношения, но попросили прислать рукопись. Вскоре со мной связался представитель ассоциации и сказал, что книга им понравилась. Они хотели бы ее рекомендовать для чтения и поинтересовались, не могла бы я завести блог для национальной кампании «Войс опен мув», которая как раз начиналась в конце месяца.

Это был поворотный момент — я приняла решение опубликовать «Навеки Элис», ведь книга тогда еще не была издана. На поиски издательства, на то, чтобы книга дошла до читателя, могли уйти годы. Я понимала, что сделала нечто, что в Ассоциации Альцгеймера считают полезным: моя книга могла помочь миллионам людей, которые пытаются научиться существовать в мире Альцгеймера. Я чувствовала, что не имею права ждать, и согласилась на блог и членство в ассоциации. А потом сама издала «Навеки Элис». Я не могла упустить такую возможность.

Как вы принимали решение о том, что в вашей книге главное?

Я понимала, что никогда не смогу выразить переживания людей с Альцгеймером, но знала, что могу ухватить их суть. Я постоянно консультировалась с людьми на ранней стадии Альцгеймера, они были моей лакмусовой бумажкой, тестом на искренность. Очень важно было описать самые первые симптомы, показать, как люди не хотят их замечать. Я чувствовала, что мой долг — рассказать, как ставится диагноз. Многие люди с ранним Альцгеймером шли к своему диагнозу долго и трудно. Годами подобные симптомы ошибочно принимают за последствия депрессии. Пожалуй, это единственное место в книге, где

я отклонилась от правдивого описания того, как это происходит с большинством людей с болезнью Альцгеймера. Я не стала растягивать путь Элис к ее диагнозу, во-первых, для того, чтобы показать, как это должно быть, и во-вторых, чтобы ее история не заняла пятьсот страниц текста. И еще я чувствовала, что Элис должна просчитывать для себя вариант самоубийства. Это было трудным решением. Многие люди имеют очень четкую позицию, когда речь заходит о смертной казни, абортах или праве смертельно больного на самоубийство, и я не хотела, чтобы моя книга вызвала у читателей отторжение. Но обнаружила, что люди с диагнозом Альцгеймера младше шестидесяти пяти лет — все, кого я знала, — думали о самоубийстве. Это невероятно. Средний человек пятидесяти лет не думает о самоубийстве, а человек того же возраста с болезнью Альцгеймера — думает. Вот куда вас загоняет эта болезнь. Поэтому я решила, что Элис тоже должна пройти через это.

Вы сейчас над чем-нибудь работаете?

Я начала писать новый роман — «Left Neglected». Это история тридцатилетней женщины, которая, как и многие из тех, кого я знаю, старается все успеть и дома, и на работе. В одно самое обычное утро, опаздывая на работу, она торопливо отвозит детей в школу и мчится дальше. По пути звонит по телефону, чтобы предупредить, что опаздывает на встречу, и на какую-то секунду отвлекается от дороги. И в это мгновение вся ее наполненная событиями жизнь останавливается с жутким визгом тормозов. Ее память и интеллект в полном порядке. Она может разговаривать и анализировать происходящее. Но абсолютно теряет интерес и способность воспринимать информацию, которая исходит с левой стороны.

Левая сторона мира для нее потеряна. У нее одностороннее игнорирование.

Она вдруг оказывается в странном мире половинчатого существования: она ест только то, что лежит на правой стороне тарелки, читает только правую сторону страницы и может забыть, что ее левая рука ей принадлежит. В ходе реабилитации она борется не только за то, чтобы вернуть представление о левой стороне, но и за ту жизнь, которой она всегда хотела жить.

Вы сотрудничали с «Dementia Advocacy and Support Network», общались с людьми с болезнью Альцгеймера. Что значит для вас этот опыт? Расскажите, с чем сталкиваются такие люди чаще всего?

Это был удивительный опыт. Такие люди не могут тратить время на пустяки. В группе поддержки мы не разменивались на мелочи, поэтому в наших разговорах было все — слабость и мужество, любовь и юмор, огорчения и радость. Когда общаешься на таком уровне, это неизбежно приводит к взаимопониманию. Я восхищаюсь людьми, которые стали моими друзьями благодаря этой группе поддержки, и искренне их люблю. Со многими я знакома только по электронной почте. С некоторыми познакомилась лично на конференциях по Альцгеймеру, и это было незабываемо. У нас одна цель.

У людей с болезнью Альцгеймера нет твердой почвы под ногами. Симптомы, к которым они привыкли, со временем усиливаются, или появляются новые, так что, когда человек думает, что он адаптировался и готов ко всему, оказывается, ему есть еще над чем работать. Это разрушает, изматывает и деморализует, чему я была свидетелем.

Но все-таки я думаю, что главное, с чем приходится бороться этим людям, — это отчуждение и одиночество. Болезнь Альцгеймера вырывает их из профессии. Все остальные стремятся вперед, а люди с ранним Альцгеймером вынуждены тормозить. Они вдруг оказываются в полном одиночестве. Поэтому так важны онлайн-группы. Они объединяют таких людей, дают им возможность разрушить стену непонимания, поделиться опытом.

Вы считаете, что информации о болезни Альцгеймера недостаточно?

Да, и особенно по поводу ранней стадии Альцгеймера. Только в Соединенных Штатах живет более полумиллиона людей младше шестидесяти пяти лет, страдающих деменцией. Их не берут в расчет, когда речь заходит о болезни Альцгеймера. В большинстве своем люди знают, как выглядят и ведут себя старики восьмидесяти пяти лет на последней стадии этой болезни, но понятия не имеют, как выглядят и

ведут себя люди с Альцгеймером, которым всего лишь пятьдесят. Пришло время, чтобы на них наконец обратили внимание, чтобы их услышали.

Крайне важно распознавать ранние симптомы — тогда у людей появится возможность пройти диагностику и без опозданий получить медикаментозную помощь. Это важно, потому что люди с ранним Альцгеймером в ней нуждаются (это, например, группы поддержки, которые в настоящее время существуют только для сиделок и родственников). Это важно, потому что фармацевтические компании должны наконец признать, что эта категория пациентов заслуживает того, чтобы ее включили в клинические испытания. На сегодняшний день многие люди с ранним Альцгеймером не могут принимать участия в клинических испытаниях, потому что они слишком молоды. Ранние симптомы важно распознавать, потому что семьи больных имеют право планировать свое будущее — как в финансовом, так и в эмоциональном плане. Это важно, потому что понимание позволит избежать клейма слабоумия, которое накладывают на людей, живущих с этой болезнью.

Кто из авторов вас вдохновляет?

Оливер Сакс,^[31] больше, чем кто-либо другой. Его книга «Человек, который принял жену за шляпу» послужила искрой, от которой вспыхнул мой интерес к неврологии. Вот цитата из нее: «Исследуя болезнь, мы получаем знания по анатомии, физиологии и биологии. Исследуя человека, мы познаем жизнь». Все так и есть. Это цель, к которой я стремлюсь, когда пишу.

Что вы сейчас читаете?

— Вам покажется странным, но это «Новая земля» Экхарта Толле, и не потому что мне посоветовала эту книгу Опра.^[32] В прошлом августе меня попросил ее прочитать мой друг с болезнью Альцгеймера. Я брала у него интервью для моей следующей книги, а он взволнованно рассказывал о том, как много открыл для себя — от медитации до диет и упражнений по самоанализу. Он сказал, что я просто обязана прочитать эту книгу и она изменит мою жизнь. И оказался прав. Еще я читаю «The Lace Reader» Брунонии Барри. Потрясающе!

Вы можете дать совет начинающим писателям?

Я знаю так много начинающих писателей, которые загоняют себя в определенные рамки, думают, что дело сделано, и ждут литературного агента. Они не способны двигаться дальше, потому что нуждаются в оценке, ждут, когда им скажут, являются ли настоящими писателями или нет. Это состояние ожидания и неуверенности в себе — самое худшее, что может быть для писателя. Вот мой совет: если агент не свалился тебе на голову в нужное время, если ты чувствуешь, что сделал свою работу и готов поделиться ею с людьми, — издай себя сам. Отдай свой труд миру. Выпусти его на свободу. И продолжай писать. Свобода!.. Недавно я ехала в машине и слушала по радио Диабло Коди. Она написала сценарий «Джуно». Когда ее попросили дать совет начинающим писателям, Диабло сказала: «Издай себя сам». Я была одна в машине и завопила от радости. Понимаете?! Диабло Коди согласна со мной, а она только что была номинирована на «Оскар»!

Расскажите, как вы планируете свой рабочий день.

У меня только что родился сын, так что я ловлю момент. Но «Навеки Элис» я писала в «Старбаксе», пока моя, в то время шестилетняя, дочь была в школе. Дома мне писать тяжело. Слишком многое отвлекает: телефонные звонки, на которые надо ответить; еда в холодильнике, которую надо съесть; белье, которое надо постирать; счета, которые надо оплатить. Понимаете, ты теряешь время, оплачивая счета, вместо того чтобы написать следующий эпизод! В «Старбаксе» нет оправданий. Там больше нечего делать, только писать. Можно грезить наяву, и тебя не сочтут за сумасшедшую. Просто наклонись над столом и займись делом. Я часто прерывалась, потому что надо было забрать дочь из школы. Я могла быть в эпицентре главной сцены, и в этот момент приходило время ехать за ней. Все, в этот день я больше не работала. Я застревала. Время писать — это мое время писать, а время с дочерью принадлежало нам обеим. Я думаю, именно нехватка времени вызывала у меня страсть к литературному творчеству. Я никогда не испытывала писательского ступора. Каждый

день я с нетерпением ждала, когда смогу вернуться в «Старбакс», выпить чай с молоком и специями и наконец начать писать.

---

notes

Примечания

1

Популярный сериал 1969–1974 годов о семье Майка и Кэрол Брэди. У них шестеро детей, и у каждого — свои проблемы. Полноправным членом семьи является также экономка Элис. *(Здесь и далее прим. перев.)*

2

«*Уиндекс*» («Windex») — чистящее средство.

3

Американская компания по продаже кофе и одноименная сеть кофеен.

4

Джоггер — детская коляска, которую толкают перед собой на пробежке. Джоггерами также называют любителей бега трусцой.

5

Блюдо мексиканской кухни.

6

Постдоки — молодые ученые, недавно защитившие диссертацию.

7

Эпизиотомия — рассечение промежности для облегчения родов.

8

Полуостров на северо-востоке США в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс.

9

Антидепрессант.

10

Фолликулостимулирующий гормон.

11

Тесная клетка, где крысы могут совершать только такие действия, которые экспериментатор может контролировать и наблюдать.

Джон Хэнкок (1737–1793) — первый губернатор Массачусетса.

13

Нефтяная корпорация.

Тоддлер — «бегунок», ребенок, уже научившийся ходить, но которому еще рано в детский сад.

Книга американской детской писательницы и книжного иллюстратора Сандры Бойнтон.

16

Часть ГОЛОВНОГО МОЗГА.

17

Спринклер — оросительная система.

Тест Роршаха — психодиагностический тест для исследования личности, созданный в 1921 году швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом. Известен также под названием «Пятна Роршаха». Применяется для исследования личности и ее нарушений. Испытуемому предлагается интерпретировать десять симметричных относительно вертикальной оси чернильных клякс.

Деменция — научное название слабоумия, приобретенного человеком в результате заболевания или повреждения головного мозга.

20

Липитор — препарат из группы статинов.

Документ, в котором указывается, какое медицинское обслуживание его составитель хотел бы (или не хотел бы) получать в случае серьезной болезни или недееспособности.

Эдна Понтелье — героиня романа Кейт Шопен «Пробуждение».

Фольклорный стиль, возникший в середине XIX века и получивший название от гор Адирондак на северо-востоке штата Нью-Йорк.

Пьесы Марши Норман, Дональда Маргулиса, Дэвида Оберна, Эдварда Олби, Джона Пилмейера, Тони Кушнера, Дэвида Мамета.

«*Ред сокс*» («Red Socks») — бейсбольная команда Бостона.

Тим Бёртон — американский кинорежиссер, сюжеты его фильмов нередко основаны на черном юморе.

Марта Грэхем — американская танцовщица, создательница танца в стиле модерн.

Ежегодные памятные шествия, организуемые Ассоциацией Альцгеймера.

Синапс — область соприкосновения нервных клеток друг с другом или с тканями, содержащими нервные клетки.

Доктор Сьюз (1904–1991) — литературный псевдоним Теодора Сьюза Гейзеля, американского детского писателя и мультипликатора.

Британский невролог и нейропсихолог, автор ряда популярных книг, описывающих клинические истории его пациентов.

Опра Уинфри — популярная американская телеведущая.

Table of Contents

[Лайза Дженова Навеки Элис](#)

[Эпилог](#)

[Интервью с Лайкой Дженовой](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

30

31

32

